

2026 | Том 18 | № 2

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2026
Т. 18
№ 2

БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНА

МИГРАЦИЯ И ОБЩЕСТВО

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

**БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНИЛА КАНТА**

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

BALTIC REGION

2026 || Том 18 || № 2

КАЛИНИНГРАД

**Издательство Балтийского
федерального университета
им. И. Канта**

2026

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2026
Том 18
№ 2

Калининград :
Издательство БФУ
им. И. Канта, 2026.
182 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция
Адрес: 236016, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Издатель
Адрес: 236016, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Выпускающий редактор
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
<https://balticregion.kantiana.ru>

© **Оформление,**
БФУ им. И. Канта, 2026

Редакционная коллегия

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., главный редактор, БФУ им. И. Канта (Россия); **Т. Ю. Кузнецова**, канд. геогр. наук, зам. главного редактора, БФУ им. Канта (Россия); **В. В. Воинов**, д-р социол. наук, Даугавпилсский университет (Латвия); **А. Г. Дружинин**, д-р геогр. наук, проф., ЮФУ (Россия); **М. В. Ильин**, д-р полит. наук, проф., МГИМО МИД России (Россия); **П. Йонниemi**, старший научный сотрудник, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); **Н. В. Каледин**, канд. геогр. наук, доц., СПбГУ (Россия); **В. А. Колосов**, д-р геогр. наук, проф., Институт географии РАН (Россия); **Г. В. Кретинин**, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (Россия); **Ф. Лебарон**, проф. социологии, Высшая нормальная школа Париж-Сакле (Франция); **Н. М. Межевич**, д-р экон. наук, проф., Институт Европы РАН (Россия); **А. Ю. Мельвиль**, д-р филос. наук, проф., НИУ — ВШЭ (Россия); **П. Оппенхаймер**, проф., Крайст-Чёрч, Оксфордский университет (Великобритания); **Т. Пальмовский**, д-р географии, проф., Гданьский университет (Польша); **А. А. Сергунин**, д-р полит. наук, проф., СПбГУ (Россия); **Э. Спиряевас**, д-р географии, проф., Клайпедский университет (Литва); **К. К. Худoley**, д-р ист. наук, проф., СПбГУ (Россия). **А. Е. Шаститко**, д-р экон. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова (Россия); **Д. Шиманска**, д-р географии, проф., Университет Николая Коперника в Торуне (Польша)

Тираж 300 экз.

Дата выхода в свет 30.07.2026 г.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46309

от 26 августа 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Безопасность региона

Волошенко К.Ю., Майбуров И.А. Пространственные особенности обеспечения экономической безопасности анклавных (эксклавных) территорий4

Жуковский И.И. Балтийский регион в современной политике безопасности Польши: стратегические оценки и реагирование26

Войников В.В., Дыханов И.В. Международно-правовые аспекты реализации свободы судоходства и хозяйственной деятельности в Балтийском море.....47

Воротников В.В., Галкин К.О. Эволюция политики США в отношении Гренландии: военно-стратегические и дипломатические аспекты (1941 — 1968)66

Миграция и общество

Агафощин М.М., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Эволюция миграционной политики Швеции: от гуманности к секьюритизации95

Разумова Т.О., Восколович Н.А. Влияние международного сотрудничества на занятость населения в сфере туризма 111

Региональные исследования

Иванов К.А., Кремнёв Е.В., Семенов И.О. Регион «в сборке»: операционализация теории ассамбляжей в регионологических исследованиях 134

Хуанг Л., Низамдинова А.К., Комарова В.Ф., Ружа О.П., Фёдорова Е.Ю. Цифровая корпоративная отчетность в странах Балтии: сравнительный анализ в контексте Европейского союза..... 151

БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНА

HZRCBS

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АНКЛАВНЫХ (ЭКСКЛАВНЫХ) ТЕРРИТОРИЙ

К. Ю. Волошенко¹

И. А. Майбуров²

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

² Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина, 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Поступила в редакцию 17.02.2026 г.

Принята к публикации 17.04.2026 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-1

© Волошенко К. Ю., Майбуров И. А., 2026

Статья посвящена исследованию пространственных особенностей обеспечения экономической безопасности анклавных (экславных) территорий как особого типа регионов, функционирующих в условиях территориальной разобщенности, институциональной зависимости и ограниченной экономической связанности. Актуальность работы обусловлена усилением геополитической нестабильности, ростом трансграничных ограничений и повышенной уязвимостью анклавов к внешним шокам и кризисам. На основе сравнительного анализа выборки сопоставимых мировых анклавных (экславных) территорий выявляются ключевые условия обеспечения их экономической безопасности, включая финансовую поддержку со стороны «материнского» государства, транспортную доступность и особенности экономических режимов. Показано, что данные факторы играют компенсирующую роль, однако не устраняют структурные ограничения развития. В работе предложена концептуализация специфичности обеспечения экономической безопасности анклавов (экславов) через систему атрибутивных характеристик, отражающих двойственную природу их влияния — источника как возможностей, так и ограничений. Обоснован «эффект анклавности», проявляющийся в усилении уязвимости, зависимости от внешних условий и формировании устойчивых структурных диспропорций. На примере Калининградской области раскрыты пространственные особенности экономической безопасности, позволяющие учитывать региональную специфику при разработке стратегий устойчивого развития. Делается вывод о потребности оценки пространственных особенностей обеспечения экономической безопасности анклава (эксклава) в процессе разработки стратегии ее обеспечения и обоснования модели экономического развития. Результаты исследования расширяют теоретическое понимание экономической безопасности регионов и имеют практическое значение для формирования государственной политики.

Ключевые слова:

экономическая безопасность, анклав, экслав, специфика, вызовы и угрозы, пространственные особенности, российский экслав, Калининградская область

Для цитирования: Волошенко, К. Ю., Майбуров, И. А. 2026, Пространственные особенности обеспечения экономической безопасности анклавных (экславных) территорий, *Балтийский регион*, т. 18, № 2, с. 4–25, doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-1

Введение

Анклавные (эксклавные) территории, объединяющие различные типы анклавов и эксклавов, традиционно представляли научный интерес с точки зрения их классификации, изучения истории возникновения, конфликтогенности, протекающих политических, социальных или экономических процессов. Однако рост геополитической напряженности в мире актуализирует исследование их экономической безопасности. Влияние экономических кризисов, пандемии COVID-19, геополитических и военных конфликтов и в целом нарушение сложившегося миропорядка все больше обращает страны и регионы к вопросам, касающимся обеспечения экономической безопасности, таким как защита экономических активов, поддержка критически важной инфраструктуры и стратегических отраслей, доступ к ресурсам (энергия, продовольствие, технологии и пр.)¹. В этой ситуации анклавные (эксклавные) территории в силу отдаленности и удаленности от «материнского» государства [1] оказываются наиболее уязвимыми, особенно в условиях любых по масштабам и силе воздействия геополитических и геоэкономических изменений.

При этом проблематика экономической безопасности анклавных (эксклавных) территорий в исследованиях практически не представлена. Большее внимание исследователей обращено на изучение применительно к отдельным анклавам (эксклавам) общих вопросов безопасности, связанных с территориальной целостностью (суверенитетом), безопасностью границ, военными конфликтами, а также в целом с защитой прав и свобод граждан [2—8]. На этом фоне интерес к проблемам экономической безопасности эксклавной Калининградской области в последние десять лет, наоборот, значительно возрос в связи с ее сложным геополитическим положением, которое значительно ухудшилось после 2022 г. с началом специальной военной операции России на Украине. Это преимущественно работы ученых и экспертов Калининградской области, которые изучают общетеоретические вопросы экономической безопасности эксклава [9—13] и ее отдельных видов [15—18]. При этом в современной теории экономической безопасности региона без внимания остается проблема ее пространственной обусловленности, а имеющиеся исследования в большей степени единичны и фрагментарны [19—24].

Очевидно, что в отсутствие теоретического представления о пространственных особенностях обеспечения экономической безопасности отдельных типов регионов, в том числе анклавов (эксклавов), все попытки преодолеть традиционные и новые вызовы и угрозы оказываются безуспешными и малоэффективными. Поэтому цель исследования состоит в обосновании специфичности (уникальности) анклавных (эксклавных) территорий в обеспечении экономической безопасности и выделении ее пространственных особенностей.

Вклад исследования:

1. Предложена концепция эффекта анклавности (эксклавности) как системного ограничения экономической безопасности, отражающего влияние пространственной изолированности на устойчивость развития территорий.
2. Разработан подход к оценке экономической безопасности анклавных территорий, учитывающий их пространственную специфику через совокупность институциональных, инфраструктурных и экономических факторов.
3. На основе сравнительного анализа международных кейсов показано, что традиционные инструменты политики (финансовая поддержка, специальные режимы, транзит) обладают ограниченной компенсирующей способностью.

¹ Economic Security in a Changing World, 2025, *New Approaches to Economic Challenges*, URL: <https://doi.org/10.1787/4eac89c7-en> (дата обращения: 26.07.2025).

4. Обоснована необходимость перехода к комплексной стратегии обеспечения экономической безопасности, ориентированной на снижение структурной уязвимости и повышение экономической связанности анклавных территорий.

Анклавы (эксклавы) и их атрибутивные характеристики

В определении категории анклава мы придерживаемся широко распространенного подхода, соответствующего международному праву¹. Анклав — это часть страны, полностью окруженная территорией одного иностранного государства. Критерием территориальной прерывности будет выступать наличие сухопутной границы с иностранным государством, а для островных несuverенных территорий — включенность в территориальные воды иностранного государства. В свою очередь, под эксклавом понимается «часть страны, пространственно отделенная от ее основной территории и имеющая сухопутную границу с зарубежными государствами...» [26, с. 9]. Мы не рассматриваем здесь виды анклавов (эксклавов) и учитываем их классификации в [27; 28].

Общее число насчитываемых в мире анклавов (эксклавов) по отдельным классификациям различается, при этом оно продолжает изменяться в связи как с делимитацией и демаркацией границ, так и обеспечением связанности с «материнским» государством посредством создания физических коридоров. Например, в начале 2000-х гг. Я. С. Крог указывал на существование 273 анклавов (эксклавов)², Ю. М. Зверев — 279 [27], а Е. Ю. Винокуров — 282 [28].

Нами была проведена укрупненная оценка анклавов (эксклавов). По состоянию на 2025 г. в мире сохранилось только около 117 анклавных (экславных) территорий (6 — анклавные государства, 106 — анклавы (полуанклавы), 5 — эксклавы). В первую очередь изменения затронули самую многочисленную группу анклавов (эксклавов) в Бангладеш и Индии, которые в 2015 г. были обменены между сторонами на основе подписанного соглашения о сухопутной границе (Индия передала около 111 анклавов, Бангладеш — 51). Единственным сохранившимся анклавом остается Дахаграм—Ангарпота. В отношении некоторых территорий произошло дезанклавирование за счет установления по суше связи анклавов (эксклавов) с «материнским» государством. В частности, в число условных анклавов (эксклавов) могут быть отнесены Тембуронг (в 2020 г. — мост через Брунейский залив), Дубровник (в 2022 г. — Пелешацкий мост над Адриатическим заливом), Республика Крым (в 2018—2019 гг. — мост через Керченский пролив). В 2023 г. анклав с. Барак был передан Узбекистану, в 2024 г. снят контроль Армении с сел Аскипара, Баганис Айрум, Хейримли, Гызылхаджылы, продолжается начатый 1 января 2025 г. процесс демаркации границ между Арменией и Азербайджаном.

Все анклавы (эксклавы), независимо от особенностей их географического положения (сухопутная (и/или морская) граница, числа окружающих иностранных государств и т. д.), находятся в особых политических, экономических и социальных условиях функционирования и развития. В работе [1] в качестве наиболее существенных абсолютных атрибутов экславности (и анклавности) выделены отделенность и удаленность от «материнского» государства. Они порождают проблемы доступности и транспортной связанности. Также указывается на существование функциональной экславности, имеющей отношение к открытости и закрытости

¹ Irmischer, T.H. 2007, *Enclaves*, *Oxford Public International Law*, URL: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1037> (дата обращения: 14.02.2026).

² Jan S. Krogh's Geosite: *Enclaves and Exclaves*, URL: <http://geosite.jankrogh.com/exclaves.htm> (дата обращения: 26.01.2026).

в зависимости от установления барьерного или контактного режимов границы. Однако экономическое положение анклава (эксклава) определяется не только приведенными выше атрибутами, влияют изолированность и малый размер, продуцирующие дополнительные транспортные расходы, меньшую экономию на масштабе, а также большую уязвимость экономики и пр. [28, с. 55]. Поэтому нами были обобщены атрибуты и основные характеристики анклава (эксклава) как особого региона в рамках территориально-пространственного подхода (табл. 1). Такой подход к анклаву (эксклаву) позволяет выделять его характерные особенности как части территории (территориальный подход) и части пространства (пространственный подход). В рамках территориального подхода учитываются характеристики региона, определяемые его географическим положением, ресурсным потенциалом, хозяйственной специализацией, институциональной средой и др. В рамках пространственного подхода рассматриваются общеизвестные свойства экономического пространства, такие как атрибутивные, системные, динамические и др. При выделении характеристик анклавов (эксклавов) учитывалось их влияние с точки зрения возможностей и потенциала, проблем и ограничений, которые обуславливают специфику их экономической безопасности.

Таблица 1

**Атрибутивные характеристики анклава (эксклава) как особого региона
(территориально-пространственно подход)**

Основные характеристики	Влияние на функционирование и развитие	
	Возможности и потенциал	Проблемы и ограничения
<i>Географическое положение</i>		
Режим и функции границы, геополитическое и геоэкономическое окружение, градиент и уровень развития соседних территорий	Возможности и потенциал анклава (эксклава) связаны с контактной границей в отсутствие открытых геополитических конфликтов и конкуренции	Анклавное (эксклавное) положение определяют режим функционирования и модель экономики — условия открытости против закрытости
<i>Ресурсный потенциал</i>		
Малый размер экономики (ресурс и потенциал)	Анклавы (эксклавы) как полигон технологических, социальных, экономических и прочих решений, включая правовые нормы и режимы	Высокая уязвимость экономики (кризисы, шоки и пр.), ограниченный внутренний рынок для крупных производств
<i>Структура экономики и ключевые производства</i>		
Узкая экономическая специализация и простые производства или для внутреннего рынка (закрытость), или для внешнего рынка (открытость)	Формирование специализации в непродуцирующей сфере (финансы, торговля, ИКТ, туризм и рекреация, транспорт и пр.)	Низкий уровень экономической сложности продукции и ресурсные ограничения для его роста (например, наукоемкие и высокотехнологичные производства)
<i>Институциональные условия (режимы)</i>		
Специальные режимы хозяйствования, укорененность неформальных против формальных институтов, государственная поддержка, проблема баланса интересов	Институционализация проблем анклава (эксклава). Особые экономические режимы в рамках политики обеспечения открытости эксклава (офшоры, отмена НДС, ОЭЗ и пр.)	Высокая конфликтность (может вести к росту сепаратистских настроений), слабые институты развития, зависимость от преференциальных режимов и механизмов

Окончание табл. 1

Основные характеристики	Влияние на функционирование и развитие	
	Возможности и потенциал	Проблемы и ограничения
<i>Инфраструктура (обеспечивающие подсистемы)</i>		
Критическая роль транспорта, таможенного и тарифного регулирования, потребность в независимой инфраструктуре (электроэнергия, газ и пр.)	Рост экспорта услуг (транспорт (морской, авиаперевозки и др.), транзит, передача электроэнергии, цифровых продуктов и пр.)	Высокие затраты на формирование и обслуживание объектов инфраструктуры, низкая эффективность в условиях компактности территории
<i>Политический статус (или административно-территориальный уровень)</i>		
Части суверенных территорий (отделенность), высокая зависимость от «материнского» государства	Интернационализация проблем эксклава напрямую связана с международным правом и политикой, требует сближения позиций «материнского» государства и соседних стран	Ограничена трансформация в регион-субъект, способный к самоорганизации и саморазвитию, проявляющий себя в пространствах различных уровней
<i>Свойства и характеристики экономического пространства</i>		
Периферийность (удаленность), фрактальность и многоуровневость (региональное, национальное, мировое пространство)	Анклав (эксклав) включен в пространства международного уровня более высокого порядка, различных видов и масштабов	Сложности организации регионального пространства и обеспечения связанности с национальным пространством
<i>Качество экономического пространства</i>		
Открытость против закрытости как основное условие развития анклава (эксклава)	В условиях открытости сотрудничество с сопредельными странами (экономика, культура, образование, наука и пр.) обеспечивает доступ к ресурсам, знаниям, технологиям и др.	В условиях закрытости усиливается отделенность и удаленность. Включенность в единое экономическое пространство страны поддерживается ростом государственной поддержки
<i>Пространственная организация экономики</i>		
Внешнеторговая открытость обуславливает характер экономических процессов и пропорции в размещении факторов производства	Развитие пространственно-распределенных форм организации экономики: кластеры, сети и др. (в границах пространств различных уровней)	Анклав (эксклав) «замыкается» на «функциях места» (геополитическая, контактная, транзитная и пр.), что усиливает поляризованность регионального пространства и его неоднородность
<i>Пространственные детерминанты в развитии</i>		
Локационные, институциональные, структурные и типологические	Локационные — реализация локационных функций и задач, институциональные — нормативное закрепление особого положения анклава (эксклава), структурные — трансформация отраслевой и технологической структуры, типологические — модель экономики на принципах экономической безопасности	Локационные — усиление отделенности и удаленности, институциональные — зависимость от государственных решений и поддержки, структурные — сохранение производственной структуры с низким уровнем сложности, типологические — усиление негативного влияния анклавно-ности (эксклавноности)

Материалы и методы

Разработка и выделение пространственных особенностей обеспечения экономической безопасности проводилась с использованием монографического метода исследования опыта и практики функционирования мировых анклавов (эксклавов), предполагающего их углубленное изучение для выявления типичных процессов, закономерностей и специфических особенностей. Использовалась специально сформированная выборка, объединяющая относительно сопоставимые анклавы (эксклавы) по административному уровню, размеру экономики, схожести решаемых проблем анклавноности (эксклавноности) (табл. 2). В результате общее число мировых анклавов в выборке составило 20. Из общего числа анклавных (эксклавных) территорий (117) исключены анклавные государства, спорные территории, юридические анклавы, острова и фрагменты. Аналогичный подход использован в работе [29], где исследуется 21 анклав, но не включены Северная Ирландия, Мактааральский район (Казахстан) и Французская Гвиана (Франция), но рассматривается условный анклав Тембуронг (Бруней).

Таблица 2

Выборка анклавов (эксклавов)

Наименование	Год	АТЕ ⁱ	Тип	О ⁱⁱ	М ⁱⁱⁱ
Аляска	1867	Штат США	Эксклав	Канада	США
Калининградская область	1991 ^{iv}	Субъект РФ	Эксклав	Литва, Польша	Россия
Северная Ирландия	1921	Ук ^v	Полуанклав	Ирландия	Великобритания
Кабинда	1975	Провинция	Эксклав	Конго, ДРК	Ангола
Нахичевань	1990	Автономная республика	Эксклав	Армения, Иран, Турция	Азербайджан
Мактааральский район	1991	Район ^{vi}	Полуанклав	Узбекистан	Казахстан
Мусандам	1971	Мухафаза	Полуанклав	ОАЭ	Оман
Окуси-Амбено	1510	Округ	Полуанклав	Индонезия	В. Тимор
Сох	1991	Район	Анклав	Кыргызстан	Узбекистан
Французская Гвиана	1891	Заморский департамент	Эксклав	Суринам, Бразилия	Франция
Ворух	1991	Джамоат	Анклав	Кыргызстан	Таджикистан
Шахимардан	1991	Поселок	Анклав	Кыргызстан	Узбекистан
Барле-Нассау	1648	Муниципалитет	Анклав	Бельгия	Нидерланды
Барле-Хертог	1648	Муниципалитет	Анклав	Нидерланды	Бельгия
Дахаграм-Ангартота	1974	Юнион-паришад	Анклав	Индия	Бангладеш
Сеута	1668	Автономный город	Полуанклав	Марокко	Испания
Мелилья	1497	Автономный город	Полуанклав	Марокко	Испания
Льивия	1659	Муниципалитет	Анклав	Франция	Испания
Гибралтар	1713	Заморская территория	Полуанклав	Испания	Великобритания
Кампионе-д'Италия	1935	Муниципалитет	Анклав	Швейцария	Италия

Примечание: ⁱАТЕ — административно-территориальная единица, ⁱⁱО — окружающее государство, ⁱⁱⁱМ — «материнское» государство, ^{iv}1991 г. — эксклав СССР, 1992 г. — эксклав РФ; ^vУК — административно-политическая часть Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии; ^{vi} — район Туркестанской области.

Условия обеспечения экономической безопасности

Финансовая поддержка анклавных (эксклавных) территорий «материнским» государством рассматривается, с одной стороны, как инструмент компенсации особого положения территории, с другой — формирует определенные условия для обеспечения ее экономической безопасности. В целом финансовая поддержка анклавов (эксклавов) организована в следующих формах.

Во-первых, через трансферты (субсидии, дотации и пр.) в региональный бюджет. Например, в штате Аляска доля государственной поддержки в доходах бюджета составляет около 35—38 % (в 2025 г. — 36,1 %)¹, в Калининградской области — 30—32 % (в 2025 г. — 30,8 %)², в Нахичевани — 50—57 % (в 2025 г. — 56 %)³, в Мактааральском районе — более 80 % (в 2025 г. — 81,7 %)⁴, в Окуси-Амбено — не более 3—5 % от бюджетных расходов Восточного Тимора (в 2025 г. — 2,6 %)⁵, в Кампионе д'Италия в 2025 г. бюджетные трансферты составили 15,3 %⁶ и др. Государственная поддержка в основном направлена на развитие транспорта и энергетики, жилищное строительство, образование, медицину, социальную поддержку, содействие занятости, общественную безопасность и пр.

Во-вторых, через специальные агентства или структурные фонды (касается анклавов (эксклавов) европейских стран). Например, Французская Гвиана получает постоянную финансовую поддержку через Французское агентство развития (Agence Française de Développement (AFD)), которым за период с 2015 по 2024 г. было профинансировано более 180 проектов на общую сумму 819 млн евро⁷, а также в рамках Стратегии отдаленных регионов ЕС. На 2021—2027 гг. было запланировано финансирование из структурных фондов ЕС в размере около 920 млн евро⁸. Сеута и Мелилья как автономные города финансируются в форме бюджетных трансфертов, а также в рамках национального Плана восстановления и повышения устойчивости Испании, через гранты и кредиты Фонда восстановления и повышения устойчивости ЕС (RRF — Recovery and Resilience Facility), региональные программы в рамках политики сплочения ЕС. На 2021—2027 гг. запланирован сле-

¹ Налоговое управление департамента доходов Аляски, URL: <https://www.tax.alaska.gov/> (дата обращения: 11.02.2026).

² Министерство финансов Калининградской области, URL: <https://minfin39.ru/> (дата обращения: 11.01.2026).

³ 2025-ci ildə Naxçıvan Muxtar Respublikası büdcəsinin icrası, *Naxçıvan Muxtar Respublikasının Maliyyə Nazirliyi*, URL: <https://nmaliyye.gov.az/az/news/2025-ci-ild-naxcivan-muxtar-respublikasi-budc-sinin-icrası> (дата обращения: 13.02.2026).

⁴ Решение Мактааральского районного маслихата Туркестанской области от 24 декабря 2024 года № 24-149-VIII «О районном бюджете на 2025—2027 годы», *Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан*, URL: <https://adilet.zan.kz/> (дата обращения: 12.01.2026).

⁵ General State Budget Law Enacted, URL: <https://timor-leste.gov.tl/> (дата обращения: 13.01.2026).

⁶ Bilancio di Previsione 2025—2027, *Comune di Campione D'Italia*, URL: <https://www.comune.campione-d-italia.co.it/EG0/EGSCHTST52.HBL?en=e1091&MESSA=PUBBLICA&SRL=60> (дата обращения: 13.01.2026).

⁷ Agence Française de Développement (AFD), URL: <https://www.afd.fr/en/page-region-pays/french-guiana> (дата обращения: 13.01.2026).

⁸ Outermost regions at a glance — assets, challenges and opportunities. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: Putting people first, securing sustainable and inclusive growth, unlocking the potential of the EU's outermost regions, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1671188048032&uri=CELEX%3A52022SC0133> (дата обращения: 13.01.2026).

дующий объем финансирования: для Сеуты — около 40 млн евро, для Мелильи — около 45 млн евро. В бюджете автономных городов текущие трансферты составляют в среднем около 40–60 % (Сеута в 2025 г. — 41,2 %, Мелилья — 60,83 %)¹.

В-третьих, посредством привлечения «материнским» государством на территорию анклава (эксклава) крупных инвестиционных проектов или реализации специальных программ и планов. Например, в провинции Кабинда реализуются такие крупные инвестиционные проекты, как строительство и запуск нефтеперерабатывающего завода (Afreximbank, Африка) стоимостью более 500 млн долл. США², глубоководного порта с участием Китая (The Export-Import Bank of China) стоимостью более 600 млн долл. США³, международного аэропорта (UK Export Finance, Великобритания) стоимостью более 350 млн фунтов стерлингов⁴ и др. В Мусандаме реализуются пятилетние планы (2015–2020, 2021–2025, 2026–2030), которые направлены на развитие транспорта и логистики, туризма, рыболовства, энергетики, жилищного строительства, образования и медицины⁵.

Обращает внимание, что финансовая поддержка «материнского» государства в полной мере не способствует решению задач в части обеспечения экономической безопасности территорий, о чем свидетельствует такой обобщающий показатель, как уровень располагаемых доходов (ресурсов) домохозяйств (рис. 1).

Для большинства анклавов (эксклавов) уровень доходов на одного члена домохозяйства составляет около 80 % от его среднего значения в «материнском» государстве. При этом выявляются следующие по силе связи зависимости в уровне доходов анклавов (эксклавов). Во-первых, ожидаемо, что чем выше уровень экономического развития «материнского» государства, тем выше доходы анклава (эксклава) (рис. 2). Во-вторых, подтверждается, что больший доход анклава (эксклава) сопряжен и с большей его открытостью (рис. 3). В-третьих, что является следствием первых двух зависимостей, выявляется связь между открытостью анклава (эксклава) и отличием уровня его доходов от «материнского» государства. При этом на силу и направление указанной зависимости влияет как уровень развития «материнского» государства, так и наличие в анклаве (эксклаве) уникальных ресурсов (нефть, газ, металлы, руды и пр.). Страны и регионы, имеющие высокий уровень экономического развития (США, Франция, Испания и пр.), или регионы с уникальным ресурсом, такие как Кабинда (нефть, Ангола) и Мусандам (нефть, Оман), характеризуются большим уровнем доходов анклавов (эксклавов) и большим ростом их открытости ($R^2 = 0,988$). Наоборот, страны и регионы, не имеющие высокий уровень развития, а также уникальные ресурсы (например, Калининградская область), при снижении

¹ Presupuestos de la Ciudad Autónoma de Ceuta, URL: <https://www.ceuta.es/ceuta/economica/presupuestos> (дата обращения: 13.01.2026) ; Presupuestos de la Ciudad Autónoma de Melilla, URL: https://www.melilla.es/melillaPortal/contenedor.jsp?seccion=s_fdes_d4_v1.jsp&conptenido=24461&tipo=6&nivel=1400 (дата обращения: 13.01.2026).

² Новый НПЗ в Анголе на 60 тысяч б/с запустят до конца года, 2024, СИИА Нефть и Капитал, 26.07.2024, URL: https://oilcapital.ru/news/2024-07-26/novyy-npz-v-angole-na-60-tysyach-b-s-zapustyat-do-kontsa-goda-5149033?is_descroll=true (дата обращения: 10.01.2026).

³ First Phase of Construction Work on the Deep-Water Port is in the Final Stages, 2025, *Africa Press*, 14.04.2025, URL: <https://www.africa-press.net/angola/all-news/first-phase-of-construction-work-on-the-deep-water-port-is-in-the-final-stages> (дата обращения: 10.01.2026).

⁴ Category A project supported: New International Airport in Cabinda, Angola, 2025, *UK Export Finance*, 07.08.2025, URL: <https://www.gov.uk/government/publications/category-a-project-supported-new-international-airport-cabinda-angola/category-a-project-supported-new-international-airport-in-cabinda-angola> (дата обращения: 10.01.2026).

⁵ Musandam Governorate Advances Rapidly in Implementing Development Projects, 2025, *Oman News Agency*, 04.11.2025, URL: <https://omannews.gov.om/topics/en/129/show/125313> (дата обращения: 12.01.2026).

открытости характеризуются сокращением разрыва по уровню доходов с «материнским» государством ($R^2 = 0,608$). Уровень доходов данной группы анклавов (эксклавов), по сути, поддерживается «материнским» государством в отсутствие потенциала развития при невысокой или сниженной внешней открытости.

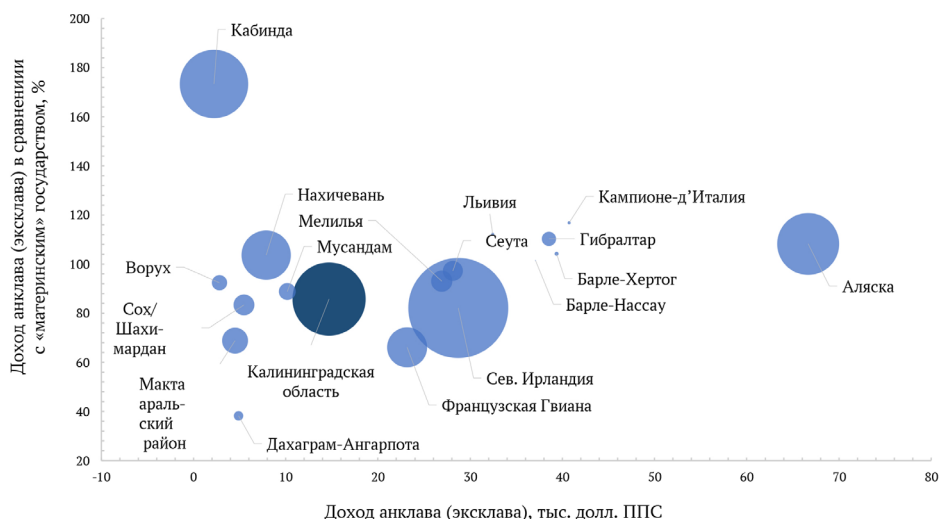

Рис. 1. Оценка валового располагаемого дохода домохозяйств (на 1 члена, в год) анклавных (эксклавных) территорий и «материнского» государства, 2023 г.

Примечание: 1 — размер круга соответствует численности населения; 2 — располагаемый доход (ресурс) домохозяйств в статистике национальных бюро стран представлен показателем «Gross disposable income of households, per capita (per head)»; 3 — располагаемый доход (ресурс) домохозяйств оценивался с использованием коэффициента конверсии паритета покупательной способности к рыночному обменному курсу Всемирного Банка (1990—2024)¹.

Составлено на основе открытых источников данных².

¹ PPP (Purchasing Power Parity) conversion factor, private consumption (LCU per international \$), *World Bank*, URL: <https://data.worldbank.org/indicator/PA.NUS.PRVT.PP?year=2024> (дата обращения: 22.01.2026).

² ECB Data Portal. European Central Bank, URL: <https://data.ecb.europa.eu/> (дата обращения: 26.01.2026); UK: National office of Statistics, URL: <https://www.ons.gov.uk/> (дата обращения: 26.01.2026); Росстат, URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 26.01.2026); Italy: IstatData, URL: <https://esploradati.istat.it/> (дата обращения: 26.01.2026); Statistics Netherlands, URL: <https://www.cbs.nl/> (дата обращения: 26.01.2026); U.S.: Bureau of Economic Analysis, URL: <https://apps.bea.gov/> (дата обращения: 26.01.2026); The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan, URL: <https://www.stat.gov.az/> (дата обращения: 26.01.2026); Казахстан: Бюро национальной статистики, URL: <https://stat.gov.kz/ru/> (дата обращения: 26.01.2026); Sultanate of Oman: National Centre for Statistics and Information, URL: <https://data.gov.om/> (дата обращения: 26.01.2026); Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, URL: <https://www.stat.tj/ru/> (дата обращения: 26.01.2026); Spain: Instituto Nacional de Estadística, URL: <https://www.ine.es/> (дата обращения: 26.01.2026); Belgian: Statbel, URL: <https://statbel.fgov.be/en> (дата обращения: 26.01.2026); HM Government of Gibraltar: The Statistics Office, URL: <https://www.gibraltar.gov.gi/statistics> (дата обращения: 26.01.2026); France: National Institute of Statistics and Economic Studies, URL: <https://www.insee.fr/en/> (дата обращения: 26.01.2026); Angola: Instituto Nacional de Estatística, URL: <https://ine.gov.ao/> (дата обращения: 26.01.2026) и др.

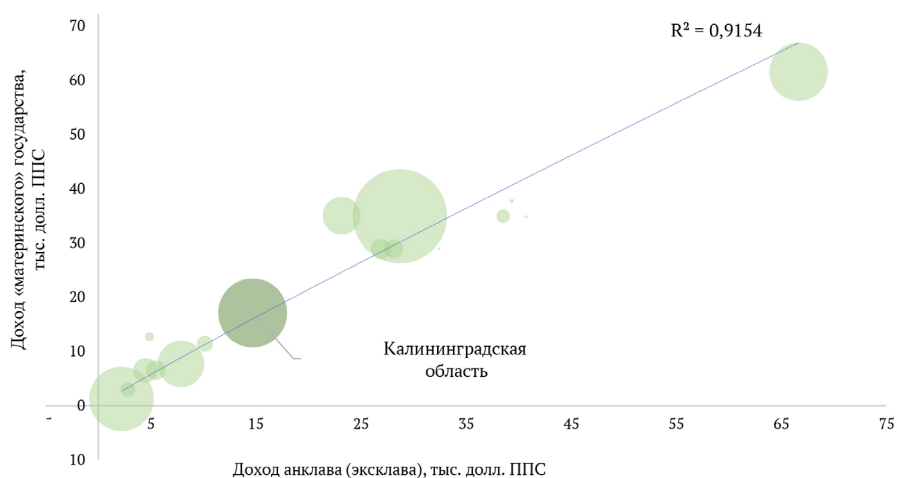

Рис. 2. Связь доходов анклавных (экславных) территорий и их «материнских» государств

Составлено на основе открытых источников данных¹.

Рис. 3. Связь доходов анклавных (экславных) территорий и их открытости

Составлено на основе открытых источников данных².

Экономические режимы анклавных (экславных) территорий значительно различаются, предоставляя прежде всего налоговые и имущественные льготы для бизнеса и населения. Однако с позиции экономической безопасности принципиальным является балансирующая роль экономических режимов между, во-первых, интересами населения анклава (эксклава), бизнеса и «материнского» государства, во-вторых, ориентацией на окружающее(ие) и «материнское» государство, в-третьих, выбором между развитием территории или ростом доходов за счет открытости (экспорт и транзит). Влияние экономических режимов показано на примере анклавных (экславных) территорий, таких как Калининградская область, Гибралтар, Кабинда (табл. 3).

¹ Ibid.

² Ibid.

Таблица 3

**Влияние экономических режимов и льгот анклавных (экславных) территорий
с позиции обеспечения их экономической безопасности (ЭБ)**

Влияние экономических режимов и льгот	Анклавные (экславные) территории		
	Калининградская область (Россия)	Гибралтар (Великобритания)	Кабинда (Ангола)
Приоритет интересов (бизнес, государство, общество)	Бизнес и государство	Баланс интересов	Бизнес и государство
Влияние на ЭБ	Ограничен рост социального благополучия и развитие человеческого капитала	Высокий уровень социального благополучия и развития человеческого капитала	Отсутствие социальной стабильности ¹ и низкий уровень развития человеческого капитала
Ориентация на «материнское» или окружающее государство	До 2022 г. — высокая внешняя открытость, после 2022 г. — «материнское» государство	Ориентация на окружающее(ие) государство(а) и мир (финуслуги, реэкспорт нефти и нефтепродуктов)	Ориентация на окружающее(ие) государство(а) и мир (экспорт нефти и нефтепродуктов)
Влияние на ЭБ	В условиях санкций (после 2022 г.) рост вынужденного хозяйственного изоляционизма — результат развития рентной модели экономики	Полная открытость при сохранении вызовов и угроз (трансграничное движение факторов, доступ на рынки ЕС (Brexit), финансовая прозрачность офшора и др.)	Рост открытости отдельных сфер (добыча нефти, транспорт и пр.), угроза сепаратизма и нарушения территориальной целостности
Приоритет развития территории или роста доходов за счет открытости	До 2014 г. — рост доходов региона и «материнского» государства за счет открытости, после 2014 г. — рост значения ЭБ	Рост доходов территории, однако после Brexit (2020) приоритетное значение имеет диверсификация экономики	Рост экспортных доходов, что усиливает диспропорции в экономике, высокая дифференциация населения по уровню жизни
Влияние на ЭБ	Обеспечение ЭБ признается ключевым вопросом развития региона, однако нормативно не закреплено	Обеспечение ЭБ в части диверсификации экономики, (над) национальные вопросы безопасности	Внимание к отдельным аспектам ЭБ: продовольственная, производственная, экологическая, социальная и пр.
Экономическая самостоятельность (автономность) или зависимость от «материнского» государства	Существенная зависимость от «материнского» государства: институциональные механизмы, федеральная поддержка и пр.	Относительная самостоятельность (автономность) по причине статуса заморской территории	Существенная зависимость от «материнского» государства — большая часть доходов направляется в бюджет Анголы
Влияние на ЭБ	Отдельные инициативы региона с 2000-х гг., способствующие росту ЭБ, не поддерживаются федеральным центром	Обеспечение ЭБ территории в рамках реализуемой программы развития Гибралтара связано с направлениями диверсификации экономики	Вопросы обеспечения ЭБ реализуются в рамках национальных программ Анголы (например, развитие сельского хозяйства)

¹ Однако по итогам переписи населения в 2024 г. домохозяйства Кабинды имеют самый высокий доход среди провинций Анголы, а также самый низкий уровень социальной поддержки (5,7 % против среднего значения по стране в 16,3 %), Angola: Instituto Nacional de Estatística. Census, 2024. URL: <https://ine.gov.ao> (дата обращения: 26.01.2026).

В Калининградской области действует ОЭЗ и САР, социальная поддержка населения и налогообложение в соответствии с законодательством РФ, Гибралтар — офшор с гибкой системой налогообложения, налоговыми льготами для лиц старше 60 лет и высококвалифицированных специалистов, налоговыми вычетами, в Кабинде с 2022 г. действует специальный экономический режим, уровень социального обеспечения низкий, кроме отрасли нефтедобычи и нефтепереработки. Как можно заметить, влияние экономических режимов и льгот с позиции обеспечения экономической безопасности свидетельствует о ключевом значении для анклава (эксклава): 1) политического статуса; 2) региональной экономической политики «материнского» государства; 3) содержания экономического режима и действующих льгот.

Во-первых, анклавная (экславная) территория, не обладая самостоятельностью (автономностью), остается зависимой от решений «материнского» государства. По большому кругу вопросов она функционирует в едином правовом поле, применяются национальные законы, стандарты и положения, если не оговорено иное, поэтому не всегда учитываются проблемы анклавности (экславности). В этой ситуации возникает потребность закрепления особого политического, а не только экономического статуса территории.

Во-вторых, анклавы (эксклады) требуют особого отношения «материнского» государства. Данное положение продолжает предыдущее утверждение об особом статусе территории. Здесь ключевое значение имеет принятие проблем анклавности (экславности) «материнским» государством, что выражается в специальной региональной политике.

В-третьих, принципиальное значение имеет содержание экономического режима и действующих льгот. Это, по сути, требования, связанные с их зрелостью, уникальностью и соответствием конкретным задачам развития территории в национальных интересах. Зрелость предполагает готовность региональной системы использовать в полной мере установленный экономический режим. Уникальность касается сочетания льгот, дающих конкурентные преимущества территории и компенсирующих отделенность и удаленность. Соответствие экономического режима конкретным задачам развития территории в национальных интересах напрямую связано с обеспечением экономической безопасности, а не извлечением рентных доходов за счет выгодного географического положения.

Транспортная доступность анклава (эксклава) обеспечивается на основе достижения соглашений с соседними странами в части организации транзита. Анализ условий транзита для анклавов (экславов) в качестве ключевого вопроса обеспечения экономической безопасности регионов выявил следующее.

1. Потребность обеспечения безопасности границы (нелегальная миграция, опасные или запрещенные грузы, контрабанда и пр.). Например, испанские города Сеута и Мелилья вынуждены усиливать пограничный контроль по причине роста незаконных пересечений границы мигрантами. Неоднократно упоминается сложная ситуация на границе Мусандама, где происходит контрабандная торговля — товары переправляются в Иран / из Ирана по Ормузскому проливу¹. Причем торговля активизировалась в условиях санкционного давления на Иран. Усиливается таможенный и пограничный контроль в провинции Кабинда из-за сепаратистского движения. Нестабильная военно-политическая ситуация пока сохраняется в анклавах Ферганской долины, хотя в 2025 г. и достигнуты значительные успехи в части делимитации границ. Вопрос безопасности имеет принципиальное значение и для группы европейских анклавных территорий, например в части требований маркировки или декларирования отдельных типов грузов (химические вещества, топливо, рыба и пр.) при их транзите на территорию «материнского» государства.

¹ Slackman, M. 2009, Oman Navigates Between Iran and Arab Nations, *The New York Times*, 15.05.2009, URL: <https://www.nytimes.com/2009/05/16/world/middleeast/16oman.html> (дата обращения: 03.02.2026).

2. Организация упрощенного пересечения границы, таможенного и пограничного контроля и сокращение времени прохождения границы. Так, из 20 анклавных (эксклавных) территорий, включенных в выборку, только 3 анклава (эксклава) не имеют упрощенного порядка пересечения границы: Калининградская область, Мусандам и Окуси-Амбено. Однако в отношении последнего должны произойти значительные изменения, так как Восточным Тимором и Индонезией в 2026 г. запланирован третий раунд переговоров о сухопутной и морской границах. В остальных анклавах действуют относительно свободный или полностью свободный режим передвижения. Это или европейские анклавы (эксклавы), включенные в Шенгенскую зону, или анклавы, где «материнским» государством и соседними странами реализуется политика свободных границ (Оман и ОАЭ), или анклавы (эксклавы) Центральной Азии, объединенные общей историей, культурой, традициями. Для Калининградской области ситуация на границе всегда оставалась одним из сложных вопросов, особенно после вступления Литвы и Польши в ЕС. После 2022 г. транзит для российского эксклава по суше практически ограничен.

3. Расширение сотрудничества и укрепление добрососедских отношений между странами, в том числе за счет реализации крупных трансграничных проектов. Достаточно показательными являются примеры сближения таких стран, как Марокко и Испания (автономные города Сеута, Мелилья), Таджикистан и Кыргызстан (Ворух), Турция, Армения и Азербайджан (Нахичевань). Например, сближение Испании с Марокко усилилось после 2022 г. в результате признания Испанией плана Марокко по автономии Западной Сахары, что позволяет прекратить затянувшийся конфликт и территориальные разногласия. Значительные интересы обеих стран отмечены в решении миграционных, транспортных и инфраструктурных вопросов и пр. Началом переговоров о делимитации и демаркации границ Таджикистана и Кыргызстана считается 2002 г., однако значительный прогресс отмечен после военного столкновения на границе в 2022 г. Также началу переговоров способствовал и процесс обсуждения границ спорных территорий между Кыргызстаном и Узбекистаном в 2017—2018 гг. Для Турции, Армении и Азербайджана сближение обусловлено экономическими интересами. Подписанная при содействии США в 2025 г. на Вашингтонском саммите совместная декларация и соглашение о мире между Арменией и Азербайджаном предусматривали открытие Зангезурского коридора, долгосрочные права на развитие которого получили США. Проект назван «Маршрут Трампа во имя международного мира и процветания» (*англ.* Trump's Route for International Peace and Prosperity (TRIPP)). Управлять маршрутом 49 лет будет компания, в которой 74 % акций принадлежит США¹. Проект TRIPP представляет очевидную экономическую выгоду для всех вовлеченных стран, прежде всего США².

Описанные выше условия обеспечения экономической безопасности характеризуют анклавную (эксклавную) политику «материнского» государства, в основе которой лежит представление об уникальности территории. Специфичность анклавных (эксклавных) территорий в обеспечении их экономической безопасности предлагается рассматривать с учетом основных атрибутивных характеристик, формирующих их пространственные особенности (рис. 4). Характеристики анклава (эксклава) по критериям (идентификаторам) обладают определенным динамизмом, поэтому подлежат пересмотру, как и границы экономической безопасности, под которыми понимается необходимый и достаточный уровень защищенности анклава (эксклава) от вызовов и угроз.

¹ Пашинян: США выделили \$140 млн на подготовительный этап проекта «Маршрут Трампа», 2026, ТАСС, 15.01.2026, URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26155459> (дата обращения: 03.02.2026).

² Долгий TRIPP: путь к грозящему хаосу или стабилизации? 2025, Научно-аналитический портал «Восточная трибуна», 22.08.2025, URL: <https://ot-portal.com/analytics/dolgiy-tripp-put-k-grozyashchemu-khaosu-ili-stabilizatsii/> (дата обращения: 03.02.2026).

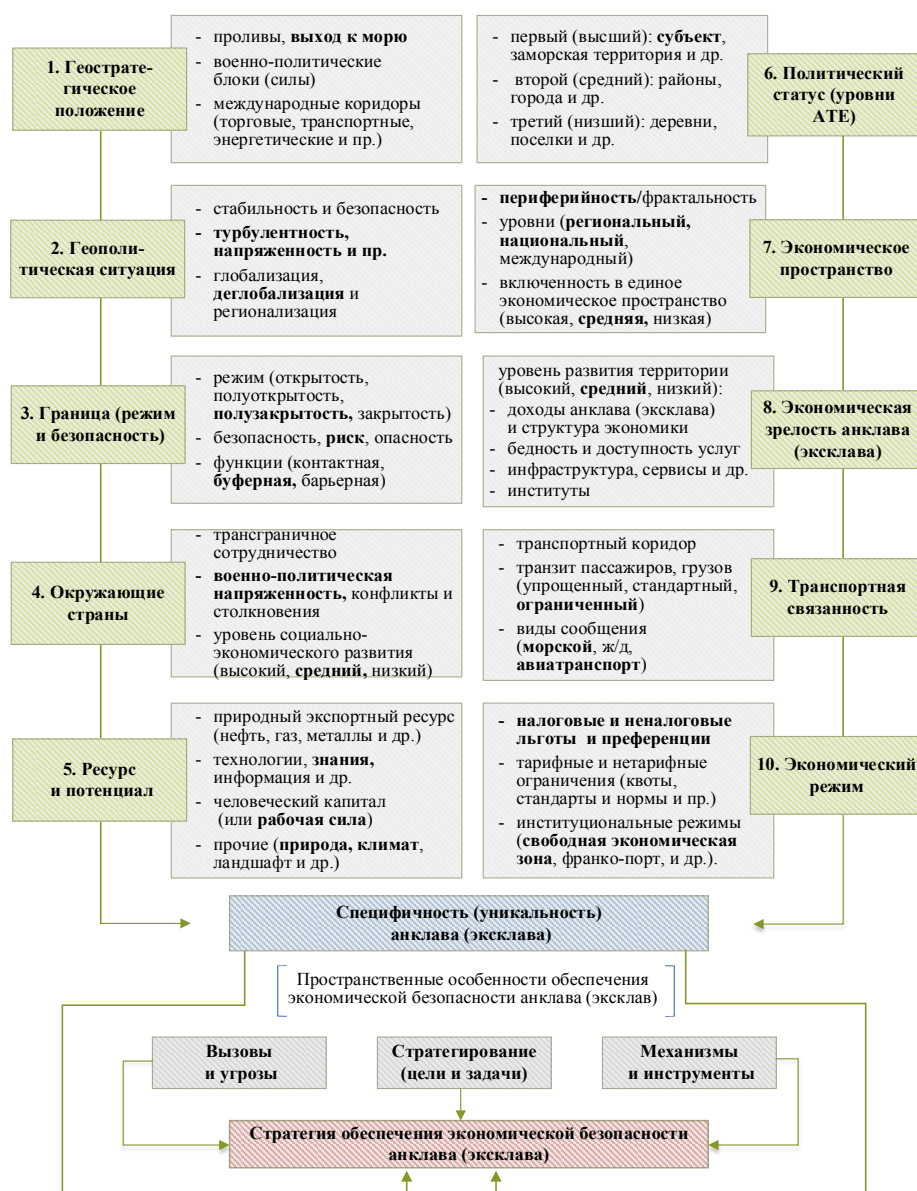

Рис. 4. Оценка специфичности (уникальности) анклавных (эксклавных) территорий в обеспечении экономической безопасности

Примечание: жирным шрифтом показаны уникальные характеристики российского эксклава.

Пространственные особенности обеспечения экономической безопасности

Представление о пространственной обусловленности экономической безопасности связано с существующими типологическими различиями между регионами, что в полной мере касается анклавов (эксклавов) [21]. Среди типологических различий могут быть выделены следующие: 1) особенности регионального потенциала

и конкретных природно-географических условий, исторических, социокультурных и экономических характеристик территории (хозяйственная специализация, качество человеческого капитала, транспортно-географическое положение и др.); 2) разная степень включенности региона в пространства и пространственные структуры и их целостные образования более высокого иерархического уровня; 3) отличие регионов по своему значению и роли в обеспечении национальной безопасности.

В результате пространственные особенности экономической безопасности регионов сопряжены не только с их различными способностями и возможностями обеспечения экономической безопасности, но и с потребностями в ней. В связи с этим пространственные особенности экономической безопасности анклавов (эксклавов) рассматриваются с учетом их атрибутивных характеристик и выделяемых критериев (идентификаторов) оценки специфичности через такие характеристики экономической безопасности, как 1) сущность и содержание; 2) категория (предмет); 3) конечное состояние (цель).

Во-первых, сущность и содержание экономической безопасности связаны с формированием способности региональной системы противостоять вызовам и угрозам. Эта способность для анклава (эксклава) определяется режимом границы, ориентацией на окружающее(ие) или «материнское» государство, а также финансовой поддержкой и региональной экономической политикой «материнского» государства. Анклав (эксклав) неизбежно будет сталкиваться с новыми вызовами и угрозами, различными по содержанию, источникам возникновения, масштабам, направлениям, степени влияния, продуцируемыми геополитическими и геоэкономическими изменениями. Это требует непрерывного процесса качественных изменений региональной системы, но с использованием принципиально разных подходов к отдельным сферам и производствам.

Так, целесообразно выделение группы стратегически важных производств и сфер, функционирование и развитие которых требует поддержки со стороны государства (рис. 5). Это касается как предоставления специальных льгот, субсидий, так и расширения возможного присутствия государства в экономике анклава (эксклава). Остальные виды деятельности и производства, а также внешнеторговые операции развиваются в зависимости от режима открытости или закрытости анклава (эксклава), но при соблюдении следующего требования. В случае открытости должен происходить рост экономически сложной продукции, а в случае закрытости — анклав (эксклав) обслуживает физические коридоры (транспортные, энергетические и пр.), обеспечивает организацию транзита, а в определенных условиях выполняет функции форпоста.

Во-вторых, пространственные особенности экономической безопасности анклава (эксклава) связаны с возникающими вызовами и угрозами, представляющими ее категорию (предмет) (рис. 6). Внутренние вызовы и угрозы определяются влиянием характеристик анклавноности (эксклавноности), рассмотренных в таблице 1 (граница, малый размер экономики, неформальные институты и пр.), и макроэкономической ситуацией «материнского» государства (как минимум с точки зрения объема предоставляемой финансовой помощи), реализуемой им анклавной (эксклавной) политикой. Внутренние вызовы и угрозы, связанные с характеристиками анклавноности (эксклавноности), представляются комплексными и сложными, но достаточно предсказуемыми. Способность анклава (эксклава) противостоять им, по сути, формируется с момента его возникновения. Внешние вызовы и угрозы менее предсказуемы и продуцируются как анклавноностью (эксклавноностью), например условия транзита по территории соседних стран, так и внешней политикой «материнского» государства и геополитической ситуацией. Способность противостоять плохо предсказуемым внешним вызовам и угрозам возможно сформировать за счет усиления включенности анклава (эксклава) в единое экономическое пространство «материн-

ского» государства или обеспечения его большей самостоятельности (автономности), а также через разработку проактивных мер на основе оценки стресс-сценариев, способных значительно повлиять на безопасность анклава (эксклава).

Рис. 5. Состояние и качество системы региональной системы анклава (эксклава) в обеспечении экономической безопасности

Рис. 6. Внешние и внутренние вызовы и угрозы анклава (эксклава) в обеспечении экономической безопасности

В-третьих, устойчивость (стабильность) как конечная цель обеспечения экономической безопасности анклава (эксклава) связана с достижением пропорциональ-

ности через сбалансированность региональной системы. Это объясняется тем, что анклавность (эксклавность) порождает значительное число диспропорций в связи с удаленностью и отделенностью от «материнского» государства (производство и потребление, ввоз и вывоз, экспорт и импорт, ценовые диспропорции, рынок труда, частные и государственные инвестиции и пр.). В результате нарушения пропорциональности структурно-функциональных элементов региональной системы не могут быть сформирована и ее способность противостоять вызовам и угрозам, поэтому обеспечение сбалансированности региональной системы позволяет достигать состояния устойчивости (стабильности) региональной системы и обеспечивать экономическую безопасность анклава (эксклава). В свою очередь, сбалансированность региональной системы как непрерывный процесс устранения диспропорций требует применения специальных механизмов и средств, инструментов и режимов, отвечающих условиям функционирования и развития анклава (эксклава).

Безусловно, приведенные выше пространственные особенности обеспечения экономической безопасности имеют свои особенные черты применительно к конкретной территории. Это связано с присущей уникальностью исследуемого анклава (эксклава), связанной с его атрибутивными характеристиками, что следует учитывать в стратегировании обеспечения экономической безопасности, а также в управлении развитием региона.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить ключевые особенности обеспечения экономической безопасности анклавных (эксклавных) территорий в условиях усиливающейся геоэкономической нестабильности и трансграничных ограничений. Сравнительный анализ показал, что пространственная изолированность формирует специфическую конфигурацию рисков, связанную с зависимостью от внешних транспортных коридоров, институциональных условий и экономической конъюнктуры сопредельных государств.

Установлено, что используемые инструменты государственной политики — финансовая поддержка, специальные экономические режимы и транзитные соглашения — в значительной степени выполняют компенсирующую функцию, однако не устраняют структурные ограничения развития анклавных территорий. Это подтверждает существование эффекта анклавности (эксклавности), проявляющегося в повышенной уязвимости к внешним шокам и ограниченной экономической связанности.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости перехода от фрагментарных мер к интегральному подходу в стратегии обеспечения экономической безопасности, ориентированной на снижение уязвимости и повышение устойчивости анклавных территорий. Такой подход предполагает развитие экономической связанности, диверсификацию хозяйственной структуры, укрепление институциональной среды и снижение зависимости от внешних транзитных условий. Интегральный характер стратегии учитывает выделение в ее составе ключевых компонентов-векторов обеспечения экономической безопасности анклава (эксклава) с учетом его специфичности (уникальности). В качестве таковых предлагается рассматривать следующие. Во-первых, вектор структурных изменений, связанный с полномасштабной реструктуризацией экономики и изменением воспроизводственной структуры в интересах роста экономической связанности и трансформации качества экономического пространства. Во-вторых, вектор конвергентных изменений, требующий наращивания потенциала анклава (эксклава), в том числе для реализации его геостратегической роли, а также абсорбционной

или интеграционной функций. В-третьих, вектор отраслевых изменений, касающийся обеспечения структурных видов безопасности (транспортная, продовольственная, инфраструктурная, внешнеэкономическая и пр.) с точки зрения как защиты национальных интересов, так достижения сбалансированности и устойчивости региональной системы.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении роли пространственного фактора в формировании экономической безопасности регионов, а практическая — в возможности использования полученных результатов при разработке государственной политики в отношении анклавных территорий.

На примере Калининградской области показано, что обеспечение экономической безопасности требует комплексного подхода, учитывающего региональную специфику и геополитический контекст Балтийского региона. Приоритетное значение приобретают развитие устойчивых транспортно-логистических связей, диверсификация экономики, снижение зависимости от внешних транзитных условий и укрепление институциональной среды.

Полученные результаты могут быть использованы при разработке региональной и федеральной политики в отношении анклавных территорий. В теоретическом плане исследование уточняет роль пространственного фактора в обеспечении экономической безопасности регионов.

Ограничения исследования связаны с использованием агрегированных данных и сравнительным характером анализа. Перспективы дальнейших исследований включают углубленный анализ отдельных анклавных территорий и оценку эффективности реализуемых мер государственной политики.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-27-00098, <https://rscf.ru/project/25-27-00098/>.

Список литературы

1. Клемешев, А. П., Ворожеина, Я. А. 2024, Эксклавность Калининградской области: опыт экспликации, *Балтийский регион*, т. 16, № 2, с. 4–17, EDN: YQNYSI, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-2-1>
2. Stephen, A. R., Yenda, H. 2024, Human Security and Separatist Movement in Angola: A Study of Cabinda Enclave, *International Journal of Academic and Applied Research (IJAAR)*, vol. 8, № 2, p. 66–74.
3. Rizkiyani, H. M., Trismadi, T., Supriyadi, A. A., Widodo, P., Saragih, H. J. R., Suwarno, P. 2025, Geopolitical Dynamics of Maritime Security in the Strait of Hormuz, *International Journal of Humanities Education and Social Sciences (IJHES)*, vol. 4, № 6, p. 2536–2543, EDN: MPXYBQ, <https://doi.org/10.55227/ijhess.v4i6.1351>
4. Стрюковатый, В. В., Межевич, Н. М., Зверев, Ю. М. 2025, Балтийский регион как «серая зона»: балансирование на грани вооруженного конфликта, *Балтийский регион*, т. 17, № 4, с. 26–48, EDN: DBHTHQ, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2025-4-2>
5. Ahn, Y.-J., Toshpulatov, A., Jumakhanov, Sh., Koriyev, M., Juraev, Z. 2025, Geopolitical isolation and development in Uzbekistan's Sokh Enclave, *GeoJournal*, vol. 90, № 117, EDN: FERQJ, <https://doi.org/10.1007/s10708-025-11372-y>
6. Borthakur, A. 2017, An analysis of the conflict in the Ferghana valley, *Asian Affairs*, vol. 48, № 2, p. 334–350, <https://doi.org/10.1080/03068374.2017.1313591>
7. Marino, A., Hategekimana, V. 2025, Framing Migration and Migrants Through Border Crises: The Case of Ceuta and Melilla, *Journal of Immigrant & Refugee Studies*, vol. 23, № 3, p. 384–403, EDN: UAGLME, <https://doi.org/10.1080/15562948.2025.2460615>
8. Bono, F., Stoffelen, A. 2022, Bottom-up Geopolitics and Everyday Brexits at the Gibraltar-Spain Border, *Geopolitics*, vol. 27, № 5, p. 1528–1551, EDN: EVTMIY, <https://doi.org/10.1080/14650045.2020.1860941>

9. Волошенко, К. Ю. 2024, Экономическая безопасность как фактор экономического развития российского эксклава в национальных интересах, *Балтийский регион*, т. 16, № 4, с. 31—50, EDN: КОНЕКЛ, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-4-2>
10. Клемешев, А. П., Ворожеина, Я. А., Федоров, Г. М., Тарасов, И. Н., Зверев, Ю. М., Гуменюк, И. С., Гуменюк, Л. Г., Кузнецова, Т. Ю., Михайлова, А. А., Волошенко, К. Ю., Лялина, А. В., Новикова, А. А., Пекер, И. Ю. (ред.). 2021, *Реалии, риски, вызовы развития эксклавного региона России на Балтике в условиях геополитических сдвигов*, Калининград, 44 с., EDN: YZNSSI
11. Федоров, Г. М. 2020, Оценка уровня экономической безопасности эксклавного региона России — Калининградской области, *Балтийский регион*, т. 12, № 3, с. 40—54, EDN: RIXCWE, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-3>
12. Федоров, Г. М. (ред.). 2020, *Западное порубежье России: моделирование развития и обеспечение экономической безопасности*, Калининград, 319 с., EDN: JOANPD
13. Федоров, Г. М. (ред.). 2019, *Проблемы экономической безопасности регионов Западного порубежья России*, Калининград, 267 с., EDN: LJKKFA
14. Себенцов, А. Б., Зотова, М. В. 2018, Калининградская область: вызовы эксклавноности и пути ее возможной компенсации, *Балтийский регион*, т. 10, № 1, с. 89—106, EDN: YSXFGE, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2018-1-6>
15. Клемешев, А. П. (ред.). 2025, *Актуальные проблемы инфраструктурной безопасности приморского эксклава России*, Калининград, 98 с., EDN: BEVKAY
16. Федоров, Г. М., Волошенко, К. Ю., Михайлова, А. А., Новикова, А. А. 2024, *Актуальные проблемы экономико-демографической, продовольственной, инновационной и внешнеэкономической безопасности Калининградского региона*, Калининград, 111 с., EDN: JLEPQL
17. Федоров, Г. М., Волошенко, К. Ю., Жданов, В. П. 2023, *Стратегия развития и экономической безопасности Калининградской области*, Калининград, 72 с., EDN: YJLJWD
18. Гуменюк, И. С. 2024, *Мониторинг и анализ обеспечения транспортной безопасности на калининградском направлении*, Калининград, 47 с., EDN: AFOWFM
19. Горочная, В. В. 2019, Кластерообразование и инновационная безопасность в регионах западного порубежья России: инвентаризация и основные тренды развития, *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*, № 3(59), ст. 5911, EDN: TWJDJO
20. Ткаченко, А. А. 2022, Геостратегические территории Российской Федерации как понятие и реальность, в: *Россия: тенденции и перспективы развития*, материалы XXI Национальной научной конференции с международным участием, № 17-1, с. 275—280, EDN: LGYXHY
21. Волошенко, К. Ю. 2021, *Экономическая безопасность приграничного региона*, Калининград, 247 с., EDN: VNJMZY
22. Котилко, В. В., Немирова, Г. И. 2013, Функциональный и геополитический подходы к управлению экономически безопасным развитием приграничных регионов, *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, т. 9, № 35 (224), с. 57—60, EDN: RBJGVZ
23. Полозков, М., Епифанова, Н. 2015, Современные угрозы экономической безопасности приграничных территорий, *Государственная служба*, № 1 (93), с. 88—92, EDN: TNDOWN
24. Межевич, Н. М., Ткачев, С. А. 2017, Приграничное сотрудничество: новое положение в системе факторов регионального развития Северо-Запада России, *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*, № 1, с. 69—74, EDN: YMAAFD
25. Мошков, А. В. 2019, Факторы устойчивого развития территориально-отраслевой структуры регионов прибрежной зоны Тихоокеанской России, *Регионалистика*, т. 6, № 4, с. 14—31, EDN: ZAQFFT, <https://doi.org/10.14530/reg.2019.4.14>
26. Федоров, Г. М. (ред.). 2021, *Вызовы и перспективы развития Калининградской области: геополитика и геоэкономика*, Калининград, 183 с., EDN: DUBKAW
27. Зверев, Ю. М. 2003, *Калининградская область в классификации анклавных (эксклавных) территорий мира*, Калининград, 28 с.
28. Винокуров, Е. Ю. 2007, *Теория анклавов*, Калининград, 342 с.
29. Novosseloff, A. 2025, *Enclaves of the World. Travels through geographical oddities*, London, 406 p.

Об авторах

Ксения Юрьевна Волошенко, кандидат экономических наук, директор центра социально-экономических исследований Балтийского федерального университета им. И. Канта, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>

E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

Игорь Анатольевич Майбуров, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового и налогового менеджмента Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-8791-665X>

E-mail: mayburov.home@gmail.com

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution – Noncommercial – NoDerivativeWorks <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND4.0)

SPATIAL CHARACTERISTICS OF ECONOMIC SECURITY FOR ENCLAVE (EXCLAVE) TERRITORIES

K. Yu. Voloshenko¹

I. A. Mayburov²

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia,

² Ural Federal University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin,
19 Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia

Received 17 February 2026

Accepted 17 April 2026

doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-1

© Voloshenko K. Yu., Mayburov I. A., 2026

The article examines the spatial characteristics of economic security in enclave and exclave territories as a distinct type of region characterised by territorial fragmentation, institutional dependence, and constrained economic connectivity. The relevance of this work is driven by increasing geopolitical instability, growing cross-border restrictions, and the increased vulnerability of enclaves to external shocks and crises. A comparative analysis of a sample of enclave (exclave) territories identifies key conditions for their economic security, including financial support from the “mother state”, transportation accessibility, and the specifics of their economic regimes. It is shown that these factors play a compensating role but do not eliminate structural constraints to development. The paper proposes a conceptual framework for understanding the distinctive nature of economic security in enclave and exclave territories through a system of attributes that capture their dual role as both sources of opportunities and sources of constraints. The “enclave effect” is substantiated, manifesting itself in increased vulnerability, dependence on external conditions, and the formation of persistent structural imbalances. Using the Kaliningrad region as an example, the spatial characteristics of eco-

conomic security are revealed, allowing for consideration of regional specifics when developing sustainable development strategies. The study concludes that it is necessary to assess the spatial characteristics of enclave (exclave) economic security when developing a strategy for ensuring it and substantiating an economic development model. The study's results expand the theoretical understanding of regional economic security and have practical implications for public policy.

Keywords:

economic security, enclave, exclave, specifics, challenges and threats, spatial features, Russian exclave, Kaliningrad region

References

1. Klemeshev, A. P., Vorozheina, Ya. A. 2024, Exclavity of the Kaliningrad region: experience of explication, *Baltic Region*, vol. 16, № 2, p. 4—17 (in Russ.), EDN: ZEFQWP, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-2-1>
2. Stephen, A. R., Yenda, H. 2024, Human Security and Separatist Movement in Angola: A Study of Cabinda Enclave, *International Journal of Academic and Applied Research (IJAAR)*, vol. 8, № 2, p. 66—74.
3. Rizkiyani, H. M., Trismadi, T., Supriyadi, A. A., Widodo, P., Saragih, H. J. R., Suwarno, P. 2025, Geopolitical Dynamics of Maritime Security in the Strait of Hormuz, *International Journal of Humanities Education and Social Sciences (IJHES)*, vol. 4, № 6, p. 2536-2543, EDN: MPXYBQ, <https://doi.org/10.55227/ijhess.v4i6.1351>
4. Stryukovatyy, V. V., Mezhevich, N. M., Zverev, Yu. M. 2025, The Baltic region as a 'grey zone': balancing on the brink of armed conflict, *Baltic Region*, vol. 17, № 4, p. 26—48 (in Russ.), EDN: DGMSVC, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2025-4-2>
5. Ahn, Y.-J., Toshpulatov, A., Jumakhanov, Sh., Koriyev, M., Juraev, Z. 2025, Geopolitical isolation and development in Uzbekistan's Sokh Enclave, *GeoJournal*, vol. 90, № 117, EDN: FERPQJ, <https://doi.org/10.1007/s10708-025-11372-y>
6. Borthakur, A. 2017, An analysis of the conflict in the Ferghana valley, *Asian Affairs*, vol. 48, № 2, p. 334—350, <https://doi.org/10.1080/03068374.2017.1313591>
7. Marino, A., Hategekimana, V. 2025, Framing Migration and Migrants Through Border Crises: The Case of Ceuta and Melilla, *Journal of Immigrant & Refugee Studies*, vol. 23, № 3, p. 384—403, EDN: UAGLME, <https://doi.org/10.1080/15562948.2025.2460615>
8. Bono, F., Stoffelen, A. 2022, Bottom-up Geopolitics and Everyday Brexits at the Gibraltar-Spain Border, *Geopolitics*, vol. 27, № 5, p. 1528—1551, EDN: EVTMIY, <https://doi.org/10.1080/14650045.2020.1860941>
9. Voloshenko, K. Yu. 2024, Economic security as a driver of Russian exclave development in alignment with national interests, *Baltic region*, vol. 16, № 4, p. 31—50 (in Russ.), EDN: WYXUKY, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-4-2>
10. Klemeshev, A. P., Vorozheina, Ya. A., Fedorov, G. M., Tarasov, I. N., Zverev, Yu. M., Gumenyuk, I. S., Gumenyuk, L. G., Kuznetsova, T. Yu., Mikhailova, A. A., Voloshenko, K. Yu., Lyalina, A. V., Novikova, A. A., Peker, I. Yu. (ed.). 2021, *Realities, risks, and challenges of developing for Russia's exclave region in the Baltic Sea amid geopolitical shifts*, Kaliningrad, 44 p. (in Russ.), EDN: YZNSSI
11. Fedorov, G. M. 2020, On the economic security of Russia's Kaliningrad exclave, *Baltic Region*, vol. 12, № 3, p. 40—54 (in Russ.), EDN: WLZQWT, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-3>
12. Fedorov, G. M. (ed.). 2020, *Western frontier of Russia: Modelling of development and provision of economic security*, Kaliningrad, 319 p. (in Russ.), EDN: JOANPD
13. Fedorov, G. M. (ed.). 2019, *Problems of economic security in Russia's western border regions*, Kaliningrad, 267 p. (in Russ.), EDN: LJKKFA
14. Sebentsov, A. B., Zotova, M. V. 2018, The Kaliningrad Region: Challenges of the Exclave Position and the Ways to Offset Them, *Baltic Region*, vol. 10, № 1, p. 89—106 (in Russ.), EDN: YXHKAG, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2018-1-6>
15. Klemeshev, A. P. (ed.). 2025, *Current infrastructure security issues in Russia's coastal exclave*, Kaliningrad, 98 p. (in Russ.), EDN: BEVKAY

16. Fedorov, G.M., Voloshenko, K. Yu., Mikhailova, A.A., Novikova, A.A. 2024, *Current issues of economic, demographic, food, innovation and foreign trade economic security of the Kaliningrad region*, Kaliningrad, 111 p. (in Russ.), EDN: JLEPQL
17. Fedorov, G.M., Voloshenko, K. Yu., Zhdanov, V.P. 2023, *Development Strategy and Economic Security of the Kaliningrad Region*, Kaliningrad, 72 p. (in Russ.), EDN: YJLJWD
18. Gumenyuk, I. S. 2024, *Monitoring and analysis of transport security in the Kaliningrad region*, Kaliningrad, 47 p. (in Russ.), EDN: AFOWFM
19. Gorochnaya, V.V. 2019, Clustering and Innovation Security in the Regions of Western Russia: Inventory and Main Development Trends, *Regional economy and management: electronic scientific journal*, № 3 (59), art. 6618 (in Russ.), EDN: TWJDJO
20. Tkachenko, A. A. 2022, Geostrategic territories of the Russian Federation as a concept and reality, in: *Russia: development trends and prospects*, proceedings of the XXI National Scientific Conference with international participation, № 17-1, p. 275—280 (in Russ.), EDN: LGYXHY
21. Voloshenko, K. Yu. 2021, *Economic security of the border region*, Kaliningrad, 247 p. (in Russ.), EDN: VNJMZY
22. Kotilko, V.V., Nemirova, G.I. 2013, Functional and geopolitical approaches to managing the economically safe development of border regions, *National Interests: Priorities and Security*, vol. 9, № 35 (224), p. 57—60 (in Russ.), EDN: RBJGVZ
23. Polozkov, M., Epifanova, N. 2015, Modern threats to the economic security of the border regions, *Public Administration*, № 1 (93), p. 88—92 (in Russ.), EDN: TNDOWN
24. Mezhevich, N.M., Tkachev, S.A. 2017, Cross-border cooperation: a new position in system of factors of regional development of the North-West Russia, *Corporate governance and innovative economic development of the North: Bulletin of the Research Center of Corporate Law, Management and Venture Capital of Syktyvkar State University*, № 1, p. 69—74 (in Russ.), EDN: YMAAFD
25. Moshkov, A.V. 2019, Factors of sustainable development of the territorial and sectoral structure of the regions of the coastal zone of Pacific Russia, *Regionalistics*, vol. 6, № 4, p. 14—31 (in Russ.), EDN: ZAQFFT, <https://doi.org/10.14530/reg.2019.4.14>
26. Fedorov, G.M. (ed.). 2021, *Challenges and Prospects for the Development of the Kaliningrad Region: Geopolitics and Geoeconomics*, Kaliningrad, 183 p. (in Russ.), EDN: DUBKAW
27. Zverev, Yu.M. 2003, *Kaliningrad region in the classification of enclave territories of the world*, Kaliningrad, 28 p. (in Russ.).
28. Vinokurov, E. Yu. 2007, *A Theory of Enclaves*, Kaliningrad, 342 p. (in Russ.).
29. Novosseloff, A. 2025, *Enclaves of the World. Travels through geographical oddities*, London, 406 p.

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project № 25-27-00098, <https://rscf.ru/project/25-27-00098/>.

The authors

Dr **Ksenia Yu. Voloshenko**, Associate Professor, Director, Centre for Socio-Economic Research of the Region, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>

E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

Prof **Igor A. Mayburov**, Head of the Department of Financial and Tax Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-8791-665X>

E-mail: mayburov.home@gmail.com

FEEDLE

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛЬШИ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ И РЕАГИРОВАНИЕ

И. И. Жуковский

ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН,
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23

Поступила в редакцию 30.03.2026 г.
Принята к публикации 28.04.2026 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-2
© Жуковский И. И., 2026

В статье, опирающейся на методы институционального и ситуационного анализа, элементы сценарного моделирования, впервые в российском исследовательском контуре изучены существующие стратегические оценки роли Балтийского региона в современной политике безопасности Польши, на основании которых предпринимаются военно-дипломатические инициативы и производится корректировка планирования в части программ развития и модернизации вооруженных сил. На основании документов стратегического планирования в сфере внешней политики и политики безопасности, изучая корпус законодательных актов и выступления польского военно-политического руководства, автор характеризует архитектуру приоритетов современной политики безопасности Польши. Результаты исследования свидетельствуют о стремительном росте значения Балтийского региона в польской политике безопасности с момента обострения мирового политического кризиса в 2022 г., что выражается в происходящей системной адаптации институтов государства к возможности автономных действий на Балтике: предпринимаются последовательные шаги по развитию собственного оборонительного потенциала при акценте на конструирование региональной (балтийской) архитектуры безопасности. Исследование вносит вклад в понимание общерегиональной динамики безопасности в Балтийском регионе, что имеет прикладное значение для институтов внешнеполитического планирования Российской Федерации.

Ключевые слова:

политика безопасности, внешняя политика, стратегические оценки и сценарии

Современный военно-политический конфликт между Россией и Западом, являющийся прямым следствием эрозии модели глобального управления, сопровождается последовательным разрушением «политических амортизаторов» — институтов и механизмов обсуждения и согласования интересов государств и военно-политических блоков не только на глобальном, но и на региональном уровнях. Вхождение в состав НАТО еще недавно заявлявших о своем нейтралитете Швеции и Финляндии радикально изменило военно-политическую ситуацию в регионе Балтийского моря,

Для цитирования: Жуковский, И. И. 2026, Балтийский регион в современной политике безопасности Польши: стратегические оценки и реагирование, *Балтийский регион*, т. 18, № 2, с. 26–46, doi.org/10.5922/2079-8555-2026-2-2

фактически превратив Балтику, некогда бывшую модельным регионом сотрудничества и взаимовыгодного взаимодействия [1], в политически единую линию соприкосновения (конфронтации) России и стран Запада [2; 3].

С учетом особой роли Балтийского региона в политике безопасности и России, и стран НАТО / ЕС (в том числе расширение присутствия внерегиональных игроков — как, например, Франции [4]) изучение стратегической культуры и военно-политических амбиций, а также принципов формирования и механизмов реализации политики безопасности зарубежных стран региона чрезвычайно актуально для понимания общей динамики безопасности на так называемом «восточном фланге» Североатлантического альянса, крайне важно для построения сценариев военно-политических действий на Балтике в интересах институтов внешнеполитического планирования Российской Федерации. Логика сценарного моделирования предполагает движение к снижению неопределенности в будущем и помогает определить собственные (российские) стратегии реагирования на варианты действий Польши в военно-дипломатической и внешнеполитической сферах. Исходя из понимания стратегической культуры страны, заявленных и (оцениваемых экспертно) недекларируемых намерений в сфере безопасности, имеющихся ресурсов и военного потенциала, можно упреждающе и рационально реализовывать в интересах России меры реагирования и купирования возникающих угроз.

Исследовательское поле.

Постановка проблемы и задач. Методы и подходы

Республика Польша на современном этапе представляет собой одно из наиболее деятельных в региональной системе международных отношений государств Балтики, активно модернизирующих свою армию, декларирующих исходным пунктом планирования и реализации своей политики безопасности «экзистенциальную угрозу» со стороны России. Отправной точкой настоящего исследования стали кризисные события начала 2022 г., после которых Польша активизировала свое «балтийское» измерение внешней политики — наращивая усилия по военно-политической интеграции с ключевыми региональными игроками (ФРГ и Швецией), продвигая логику коллективных усилий стран региона в обеспечении безопасности критической подводной инфраструктуры и контроля акватории Балтики при одновременном соблюдении рамок расширяющихся санкционных режимов ЕС и НАТО по отношению к России и ее экономическим интересам.

С начала СВО Варшава, в стратегической культуре которой заложено понимание императива независимости Украины как условие эффективного сдерживания России [5; 6], разорвала любые связи с Москвой. Польша не только активно поддержала Киев экономическими и дипломатическими мерами, но и оказала режиму прямую военную поддержку — передав из наличия на базах хранения и напрямую из строевых частей тяжелую гусеничную и колесную технику, самолеты и вертолеты, военное имущество широкой номенклатуры¹. На полигонах польской армии обеспечивалось формирование, оснащение, тактическое обучение и боевое слаживание подразделений киевского режима, а военно-медицинская служба польской армии фактически предоставляет на постоянной основе тыловое медицинское обслуживание раненым и пострадавшим украинским солдатам и иностранным наемникам. Обратим внимание в контексте общей динамики региональной безопасности и на тот факт, что руководство Польши поднимало вопрос о целесообразности неких «автономных» решений в части ядерного аргумента в системе мировой поли-

¹ Arms deliveries monitor, URL: <https://www.osw.waw.pl/en/armssdeliveries> (дата обращения: 24.04.2026).

тики¹, а 20 апреля 2026 г. последовало объявление в рамках состоявшегося визита президента Франции Э. Макрона о проведении польско-французских учений над Балтийским морем с элементами отработки ядерной атаки целей в России².

Оставляя дискурсивный анализ в стороне (политическая риторика военно-политического руководства и дискурсивные практики в целом, несомненно, потребуют отдельного исследования), автор в части методов исследования сосредоточился на сочетании элементов институционального анализа (с фокусом на роли государственных институтов в формировании и реализации политики, в том числе через разработку и выпуск документов стратегического планирования), практик ситуационного анализа, сценарного моделирования и экспертных оценок. Это позволяет наиболее полно реализовать замыслы и намерения — объяснение логики и траектории стратегического мышления о Балтике в сфере национальной безопасности, понимание не только текущих действий Варшавы, но и выявление вероятных контуров формирующегося регионального порядка.

Автор, опираясь на документы стратегического планирования в сфере внешней политики и политики безопасности³, программные материалы и выступления польского военно-политического руководства, в качестве исследовательской цели определяет изучение места Балтийского региона в архитектуре приоритетов современной политики безопасности Польши для понимания логики военно-дипломатических действий Варшавы на глобальном и региональном уровнях, для моделирования сценариев реализации польской политики безопасности. Недекларируемые намерения польского военно-политического руководства, равно как и логика закрытых документов стратегического планирования, реконструируются путем сочетания методов анализа публичных выступлений политиков, изучением намеренных утечек данных в СМИ, экспертной оценкой, анализом сведений о заключенных контрактах на поставку вооружений и технологий.

Корпус документов стратегического планирования иерархически подчиняется Стратегии национальной безопасности Польши, заявляющей в качестве национальных приоритетов неприкосновенность территории, безопасность граждан, устойчивое развитие, формирование выгодной для Варшавы архитектуры глобальной безопасности. Автор исходит из понимания политики безопасности как сложной системы, состоящей из взаимосвязанных элементов: целей, инструментов, институтов, угроз и ресурсов, которые в польском случае лишь частично являются предметом межпартийного консенсуса релевантных игроков.

Польская политика безопасности в ее внешнеполитическом и оборонном измерении является объектом исследования. Базовой гипотезой, которая проверяется автором, выступает понимание приоритетной роли Балтийского региона в современной польской политике безопасности, стремящейся к максимализации собственного оборонительного потенциала при акценте на конструирование региональной (балтийской) архитектуры безопасности, опирающейся на двусторонние и

¹ Brytyjska prasa: Tusk chce nuklearnego parasola dla Polski. Zapowiedział też rozbudowę armii, 2025, *Wprost*, 08.03.2025, URL: <https://www.wprost.pl/kraj/11953720/tusk-zapowiada-polska-chce-broni-nuklearnej-i-500-tysiecznej-armii.html> (дата обращения: 24.04.2026).

² См. Parafianowicz, Z. 2026, *Francuskie głowy w Polsce. Znamy szczegóły wspólnych ćwiczeń i parasola atomowego*, WP Wiadomości, 23.04.2026, URL: <https://wiadomosci.wp.pl/francuskie-glowice-w-polsce-znamy-szczegoly-wspolnych-cwiczen-i-parasola-atomowego-7278089990662528a> (дата обращения: 24.04.2026).

³ Отметим, что часть документов исполнительного характера по тематике национальной безопасности и военного планирования Польши носит «закрытый» статус, что объективно ограничивает базу исследования только публичными, имеющимися в открытом доступе, документами.

многосторонние соглашения. Подчеркивая публично (и на международном уровне, и во внутривнутриполитической коммуникации) приверженность принципам и основаниям трансатлантической архитектуры безопасности, Варшава на деле предпринимает действия по автономизации и регионализации политики безопасности, что свидетельствует о развивающемся недекларируемом сомнении в эффективности гарантий по линии НАТО (с учетом корректировок стратегии США в «европейских делах») и пессимизме в вопросах строительства объединенных вооруженных сил Европейского союза.

Исходя из обрисованного исследовательского поля, сформулировав цель и ожидаемые научные результаты изучения проблематики, автор ставит следующие задачи исследования:

1. Охарактеризовать институциональную логику формирования и реализации политики безопасности, выявить и систематизировать оценки современных угроз, закрепленных в документах стратегического планирования.

2. Проанализировать национальный корпус актуальных стратегических документов для определения иерархии приоритетов политики безопасности страны.

3. Охарактеризовать военно-дипломатические инициативы Польши, направленные на обеспечение национальных интересов в Балтийском регионе и оценить современную практику реализации польской политики безопасности на Балтике.

Проблематика внешней политики Польши и ее военно-дипломатических усилий по обеспечению желаемого контура региональной архитектуры безопасности в российских исследованиях до момента обострения мирового политического кризиса и начала острой фазы конфликта вокруг Украины в 2022 г. рассматривалась преимущественно как элемент политики крупных альянсов — НАТО и ЕС, в которых Польша («средняя страна» в принятой терминологии) наряду со странами Прибалтики («малыми странами») максимально стремилась секьюритизировать (используем этот термин в понимании Б. Бузана [7]) любые взаимодействия с Россией, повышая тем самым свою роль в системе военно-политического планирования и распределения ресурсов, выступая с амбициями провайдера экспертизы по так называемой «восточной политике» в рамках ЕС и НАТО (см. например [8—11]). Балтийское измерение внешней политики Польши и — шире — политики безопасности традиционно рассматривалось как важный, но не имеющий принципиального значения компонент и в профильных зарубежных исследованиях [12—15], фактически исходивших из понимания совпадения целей, инструментов и ожидаемых результатов реализации политики безопасности в рамках крупных альянсов (НАТО / ЕС).

Начало активных боевых действий на Украине в 2022 г. и вмешательство Польши в конфликт спровоцировали пересмотр в военно-политическом руководстве страны критериев эффективности прежней оборонной политики и корректировку региональных приоритетов, что выразилось в запуске масштабной программы перевооружения армии за счет закупок на внешнем рынке (США, Южная Корея, Швеция, ФРГ) и всплеске дипломатической активности в регионе Балтийского моря. Этот тренд в результате смены правительства по итогам парламентских выборов осени 2023 г. эволюционировал в автономистский, стремящийся к повышению собственного оборонного потенциала, что нашло отражение в документах стратегического планирования в сфере политики безопасности и реакции на них: начинают появляться серьезные экспертные материалы и весьма качественные исследования по проблематике ускоренной модернизации польской армии, оценки военно-дипломатических и оборонных инициатив с учетом небывалой динамики мирового политического кризиса и российских [16—21] и зарубежных исследователей [22—24]. Тем не менее, учитывая необычайно высокую интенсивность происходящих процессов

в регионе и в рамках мировой политической системы в целом, необходимо обратить внимание на следствие современной региональной динамики для польской политики безопасности, что и предпринимает автор в настоящем исследовании.

Политика безопасности: институты, механизмы, документы

Институциональный дизайн системы обеспечения национальных интересов в военно-политической и оборонной сферах определяется конституцией страны и дополнительными законами, регулирующими полномочия главы государства как ключевого игрока в сфере выработки и реализации политики безопасности. В соответствии со ст. 126 Конституции Республики Польша¹ президент сочетает функции стратегического координатора всех ветвей власти, надпартийного лидера и гаранта непрерывности государственной традиции. Как верховный представитель Республики Польша в системе международных отношений (ст. 133 Конституции) президент поддерживает суверенитет и обеспечивает безопасность государства, неприкосновенность границ и территориальную целостность. Глава государства имеет преимущественные полномочия в разработке и реализации внешней политики страны в сфере международной безопасности, координируя мониторинг, выявление, оценку всех возможных (включая военные, политические, экономические и гибридные) угроз и противодействие им для нормального функционирования польского государства и сохранения благополучия его граждан.

Институциональный дизайн системы государственной власти Польши как парламентской республики создает условия для так называемого «спора компетенций» между президентом и правительством (формируемым парламентским большинством) в части внешней политики и политики безопасности [25]: в зависимости от текущей внутривластной конфигурации и личных амбиций главы государства и главы правительства практика лидерства в этой сфере в каденции президентов Анджея Дуды (2015—2025) и Кароля Навроцкого (с 2025 г.) различается.

Анджей Дуда в период нахождения у власти союзного ему правительства «Права и справедливости» под руководством Беаты Шидло (2015—2017) и сменившего ее Матеуша Моравецкого (2017—2023) фактически находился в роли «второго номера», не стремясь замыкать на себя вопросы выработки и реализации политики безопасности, координируя свою внешнеполитическую активность с профильными ведомствами, подчиняющимися премьер-министру.

После формирования в 2023 г. коалиционного правительства Дональда Туска (лидера «Гражданской платформы»), пришедшего к власти под лозунгами категорического отрицания политики «Права и справедливости», спор компетенций между двумя институтами государственной власти обострился: президент А. Дуда стремился расширять свое поле ответственности и самостоятельности в части внешней политики и политики безопасности, что нередко входило в противоречия с реализуемыми инициативами правительства на международной арене. Во многом активность президента в этой сфере диктовалась как требованиями политической конкуренции между двумя противоборствующими лагерями (необходимо было демонстрировать неэффективность правительства и создавать условия для победы ставленника партии «Право и справедливость» в грядущих выборах главы государства), так и вполне субъективными факторами — Анджей Дуда активно ис-

¹ Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r., *Dziennik Ustaw* № 78, poz. 483, sprostowanie: *Dziennik Ustaw* z 2001 r. № 28, poz. 319, zmiana: *Dziennik Ustaw* z 2006 r. № 200, poz. 1471, *Dziennik Ustaw* z 2009 r. № 114, poz. 946.

кал возможные варианты развития карьеры на международном уровне (в том числе в НАТО) после завершения своего второго президентского срока (впрочем, безуспешно).

Кароль Навроцкий, формально внепартийный кандидат, но по факту — ставленник Ярослава Качиньского, лидера партии «Право и справедливость», заняв пост главы государства в 2025 г., решительно принялся за формирование центра тяжести в политике безопасности Польши именно в президентском дворце, понимая свою роль как лидера и стратегического модератора повестки безопасности страны. Происходило наполнение внутривластной повестки событиями, связанными с разработкой и реализацией военно-дипломатических и внешнеполитических инициатив как двустороннего характера, так и на уровне ЕС, НАТО и ООН. Именно при новом президенте аппаратно и кадрово укрепился Совет национальной безопасности (СНБ), который выполняет роль консультативного органа при главе государства, аккумулируя информацию, определяя приоритеты и выпуская рекомендации (в том числе по кадровым решениям в пределах компетенций президента).

Кароль Навроцкий и его администрация в свою пользу расширительно трактовали и конституцию, и закон от 2022 г. «Об обороне Отчизны»¹, в силу ст. 26 которого политика в сфере безопасности и обороны формируется и реализуется при помощи Бюро национальной безопасности (далее — БНБ), находящегося в структуре администрации главы государства. Так как по положениям этого закона представитель президента имеет право принимать участие в заседаниях правительства и его комитетов, на которых рассматриваются вопросы безопасности и обороны (в том числе и в заседаниях «закрытого характера»), то БНБ активно включилось в деятельность правительства и силовых структур, находящихся в прямом подчинении премьер-министру. В силу этого же закона, закреплявшего логику того, что именно президент играет ключевую роль в формировании документов стратегического планирования в сфере политики безопасности, правительство перед началом работы по подготовке Стратегии национальной безопасности получает рекомендации от БНБ, а перед направлением главе государства документов на подпись получает предварительное заключение и рекомендации по доработке.

В вопросах, требующих особой координации между президентом и правительством, конституция страны определяет возможность созыва по инициативе президента специальной консультационной площадки под названием «Кабинетный совет», по сути представляющей собой заседание кабинета министров под председательством главы государства. Например, в эпоху глобальной пандемии коронавируса прошли два заседания по проблемам преодоления ее последствий — в 2020 и в 2021 гг., а Кароль Навроцкий практически сразу после вступления в должность в августе 2025 г. собрал первый «Кабинетный совет», в рамках которого обсуждались перспективы реализации проекта строительства АЭС, поскольку национальная программа в сфере ядерной энергетики рассматривается им как краеугольный камень в формировании «вдолгую» взаимоотношений с США.

В результате формирования в последние несколько лет и в букве права, и в политической практике преимущественных компетенций президента в сфере политики безопасности можно в целом зафиксировать сдвиг институционального устройства Республики Польша в сторону президентско-парламентской республики. Этот тренд активно развивается Каролем Навроцким, который стремится буквально «отвоевывать» компетенции и полномочия в сферах внешней политики и безопасности у правительства, прибегая к имеющимся в его распоряжении инструментам аппаратного влияния и кадровой политики (в том числе откладывая присвоение

¹ Ustawa z dnia 11 marca 2022 r. o obronie Ojczyzny, *Dziennik Ustaw* z 2025 r., poz. 825.

очередных офицерских званий, подписание назначения послов и представителей при международных организациях и т.д.) для вынуждения уступок со стороны премьер-министра Д. Туска в избранных приоритетными К. Навроцким сферах. В случае победы союзной К. Навроцкому партии «Право и справедливость» на ближайших парламентских выборах можно предположить дальнейшее укрепление президентской власти — вплоть до возможных корректировок в конституции страны, фиксирующих амбиции К. Навроцкого по развитию президентской модели управления государством.

Упоминаемый выше закон «Об обороне Отчизны» от 2022 г. ввел формулу взаимодействия между Министерством обороны и главой государства в части определения стратегических приоритетов развития вооруженных сил, по которой именно президент по представлению Министерства обороны подписывает документы стратегического планирования в этой сфере, включающие планы применения армии, принципы и организацию функционирования вооруженных сил в мирный и военный периоды¹. Президент по аналогичной формуле — по представлению министра обороны — принимает и формальное решение о размещении на территории страны иностранных войск, что позволяет деятельно участвовать в разработке и непосредственно влиять на содержание таких документов.

Таким образом, институциональная логика, предполагающая разделение компетенций и ответственности главы государства и главы правительства в сфере формирования и реализации политики безопасности, с 2022 г. претерпевает изменения, обусловленные спецификой внутривластной динамики, на которую накладываются личные амбиции нового президента Кароля Навроцкого: президентский аппарат замыкает на себя определение приоритетов в сфере национальной безопасности путем активного вмешательства в подготовку документов стратегического планирования, фиксирует лидирующую роль в сфере военно-дипломатической активности и фактически определяет направления развития и модернизации польских вооруженных сил как в части определения финансовых источников модернизации армии, так и в части определения роли армии в военное и мирное время. Это новое явление сопровождается динамичными изменениями в стратегической культуре Польши (об эволюции стратегической культуры Польши см. [26]).

Ключевым документом в системе стратегического планирования в политике безопасности Польши является Стратегия национальной безопасности (далее — Стратегия НБ), которая публично заявляет о национальных интересах страны и объявляет цели политики безопасности. На основании Стратегии НБ формируются исполнительные акты, определяются финансовые механизмы для их реализации, готовятся корректировки законодательства и определяются принципы и направления реализации внешней политики страны.

Документ в концентрированном виде отражает логику стратегической культуры страны, позволяя понять принципы мышления о настоящем («мир вокруг нас») и выявить образ желаемого будущего. Правительство Д. Туска 25 июля 2025 г. приняло новую версию Стратегии НБ, которая должна быть подписана президентом для вступления в силу². Несмотря на тот факт, что по состоянию на конец апреля 2026 г. формально действует Стратегия НБ от 2020 г.³, акцентировавшая глобальные

¹ Обширные полномочия президента в сфере обеспечения внутренней безопасности остаются за рамками настоящего исследования.

² По состоянию на 30 марта 2026 г. Стратегия НБ не была подписана К. Навроцким.

³ *Postanowienie prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 12 maja 2020 r. w sprawie zatwierdzenia „Strategii Bezpieczeństwa Narodowego Rzeczypospolitej Polskiej”*, 2020, *Monitor Polski*, poz. 413.

угрозы и гибридные действия как приоритеты, правительство страны уже с момента направления документа на подпись президенту в своей текущей работе исходило из логики нового документа.

В Стратегии НБ 2025 г. кроме описанных в конституции страны целей сохранения территориальной целостности и неприкосновенности государства, независимости и суверенности особое внимание уделяется вопросу формирования мирового порядка, опирающегося на принципы сотрудничества и соблюдения международного права, что должно гарантировать безопасность Польши. Для этого, по замыслу разработчиков, Польша должна активно участвовать в формировании политики НАТО и ЕС в выгодном для себя направлении, сохраняя стратегическое партнерство с США и наращивая региональное и двустороннее военно-дипломатическое и оборонное сотрудничество. Отметим, что в заявленной логике действий польского правительства эти два направления не противоречат себе, но по ситуации 2026 г. зафиксируем, что наращивание регионального (балтийского) и двустороннего (формирование системы двусторонних отношений в сфере безопасности с ФРГ, Францией и Великобританией, Швецией, странами Прибалтики) является процессом, прямо противоречащим сохранению стратегического партнерства с США.

В этом же документе прямо указывается, что национальным интересам Польши противоречат стремления России создать систему безопасности в мире, опирающуюся на сферы влияния. Украина же понимается как важный игрок мировой политики, независимость и прозападную ориентацию которого необходимо поддерживать — в том числе в военно-политическом измерении.

Принципы формирования политики безопасности в оборонной сфере опираются на укрепление способности польской армии к эффективной обороне и нанесению противнику неприемлемого ущерба в условиях интенсивного и длительного конфликта. Для этого предпринимаются шаги по техническому перевооружению армии и на этом основании пересматриваются планы боевого применения сил и средств. Современные технические решения должны обеспечивать интересы страны в мультисредовых конфликтах, в том числе в космосе¹. Заявляется о реализации действий по развитию потенциала гражданской обороны, повышению устойчивости функционирования критической инфраструктуры и созданию интегрированной системы управления безопасностью страны с учетом военной и гражданской инфраструктуры. Значимым аспектом политики безопасности (оставляем его за рамками настоящего исследования и запланируем в ближайшей перспективе к нему обратиться) Стратегия НБ видит развитие готовности граждан к активному сопротивлению и обороне государства с оружием в руках.

Особое место в системе документов стратегического планирования в сфере безопасности занимает секретная «Политико-стратегическая оборонная директива Республики Польша» (далее — ПСОД), которая является исполнительным актом для Стратегии национальной безопасности. ПСОД готовится Министерством обороны, выпускается от имени главы государства с предварительного одобрения (так называемого «контрасигната») премьер-министра. Документ описывает военно-политические угрозы и сценарии развития ситуации как в мирное, так и в военное время, определяет конкретные способы противодействия им в форме операционных планов для Вооруженных сил, государственной администрации, местного самоуправления и научно-исследовательских и производственных задач для оборонной промышленности.

¹ Польша уже обладает собственной спутниковой группировкой в целях формирования независимого от НАТО канала получения разведывательной информации по региону Балтийского моря, России и Беларуси.

Программа развития вооруженных сил Республики Польша (далее — ПРВС) представляет собой стратегический документ, определяющий ключевые направления модернизации оборонного потенциала государства. Документ был утвержден профильной парламентской комиссией, а затем подписан министром национальной обороны Владиславом Косиняк-Камышем 22 декабря 2025 г.¹ На его основе формируется План технической модернизации армии, предусматривающий закупку современных вооружений и технологий у национальных и зарубежных поставщиков.

Содержание программы включает ряд секретных сведений, касающихся детальных планов развития операционных возможностей вооруженных сил, параметры инвестиционных программ в сфере вооружений, детали международного оборонного сотрудничества и мобилизационные сценарии. При этом ключевые военно-стратегические решения и приоритеты обсуждались публично — как на политическом уровне, так и в экспертном сообществе, происходили намеренные утечки данных в профильные СМИ. Генеральный штаб польской армии опубликовал краткое сообщение² о приоритетах программы, не раскрывающее конкретных параметров, но совокупность этих данных с известными деталями ПРВС, имеющимися в открытых источниках данных о закупках и внешнеполитических консультациях по закупкам вооружений и технологий, вместе с публичной Стратегией НБ позволяет выявить и систематизировать оценки современных угроз в политике безопасности страны и предлагаемые способы реагирования на них, которые далее отражались во внешнеполитических документах и практических действиях.

В официальных внешнеполитических документах и публичных выступлениях политического руководства Польши³ Российская Федерация прямо характеризуется как государство, представляющее угрозу национальной безопасности и «свободе» не только Польши, но и международного сообщества в целом. Угроза интерпретируется в двух измерениях: как «подпороговые» действия — события, формально не подпадающие под определение агрессии (оказывающие дестабилизирующее воздействие), и как прямые акты саботажа и диверсий, предвещающих потенциальную военную агрессию экзистенциального характера. В основу ПРВС заложен принцип «качества, умноженного на количество», предполагающий компенсацию потенциального численного превосходства противника (под которым понимается, разумеется, Россия и Беларусь) за счет повышения эффективности управленческих процессов в вооруженных силах, роста уровня подготовки военнослужащих (на 2026 г. общая численность военнослужащих составляет около 100 тыс. чел.) и материально-технического переоснащения. Опираясь на анализ боевых действий на территории Украины, Министерство обороны Польши планирует реализовать комплекс мер, направленных на радикальное наращивание возможностей противовоздушной и противоракетной обороны (в том числе на объектах критической инфраструктуры) и повышение выживаемости подразделений на поле боя за счет насыщения их беспилотными летательными аппаратами (БПЛА) и комплексами радиоэлектрон-

¹ 22 grudnia 2025 roku minister obrony narodowej Władysław Kosiniak-Kamysz podpisał Program Rozwoju Sił Zbrojnych RP na lata 2025—2039, 2025, *Ministerstwo Obrony Narodowej*, 22.12.2025, URL: <https://www.gov.pl/web/obrona-narodowa/program-rozwoju-sil-zbrojnych-rp-na-lata-20252039-podpisany> (дата обращения: 20.03.2026).

² Plan Modernizacji Sił Zbrojnych RP, URL: <https://www.wojsko-polskie.pl/sgwp/articles/aktualnosci-w/nowy-program-rozwoju-sil-zbrojnych-rp-wyznacza-kierunki-transformacji-wojska-polskiego> (дата обращения: 23.03.2026).

³ См. Rutkowski, P. 2026, *Spicie Nawrockiego z dziennikarzem TVN24*. “Pan redaktor się ogarnie i słucha”, *Gazeta.pl*, 23.03.2026, URL: <https://wiadomosci.gazeta.pl/polityka/7,198012,32680085,spicie-nawrockiego-z-dziennikarzem-tvn24-pan-redaktor-sie.html> (дата обращения: 23.03.2026).

ной борьбы (РЭБ). Особое внимание уделяется внедрению искусственного интеллекта (ИИ) в аналитические процессы и элементы боевого управления, ускорению проникновения цифровых технологий для обеспечения осведомленности об оперативной обстановке на тактическом уровне (использование цифровых моделей театра военных действий, получение разведывательной информации и целеуказания в режиме реального времени) и интеграции систем боевого управления экипажной техники и автоматических боевых систем. Согласно представлениям Генерального штаба, боевые действия с Россией будут носить характер оборонительной операции, успех которой должен быть обеспечен угрозой нанесения неприемлемого ущерба критически важной инфраструктуре не только на приграничной территории (Калининградской области), но и в регионах, удаленных от зоны потенциально-го прямого столкновения. Программа развития вооруженных сил Польши отражает стремление государства адаптироваться к меняющейся архитектуре международной безопасности, сочетая оборонительные и наступательные компоненты, а также расширяя спектр операционных сред за счет освоения современных технологий. Анализ указанных данных и открытых сведений о состоявшихся и перспективных закупках вооружений (современные танки и самоходная артиллерия¹, колесная техника, реактивные системы залпового огня, многоцелевые самолеты², программа закупки подводных лодок и кораблей контроля ближней морской зоны с развитыми возможностями ПВО) позволяет высказать предположение о подготовке польских вооруженных сил к сценарию самостоятельных действий в случае неисполнения союзниками своих обязательств.

Вышеупомянутые документы, разработанные при прямом участии администрации президента, составляют основу документов стратегического планирования в сфере политики безопасности, которые дополняются документами в сфере внешнеполитического планирования, принятыми на уровне правительства — облик и содержание которых, несмотря на общие стратегические установки, тем не менее, находятся под сильным влиянием Радослава Сикорского, вице-премьера, министра иностранных дел. Ключевым документом такого рода, который необходимо анализировать в контексте настоящего исследования, является Стратегия польской внешней политики на 2026—2030 гг., опубликованная 3 марта 2026 г.³ (отметим, что предыдущий стратегический документ в сфере внешней политики был принят в 2017 г.), а вспомогательный характер носят ежегодные программные выступления министра иностранных дел в парламенте (*exposé*), представляющие информацию о международном положении страны и ключевые направления и принципы реализации внешней политики.

В Стратегии польской внешней политики закрепляется понимание долговременной угрозы со стороны России, декларируется стремление опираться «на две ноги»: продолжать военное сотрудничество с США и развивать оборонительный потенци-

¹ Программа модернизации бронетанковых сил Польши предусматривает достижение к концу 2026 г. численности современных основных боевых танков в количестве 779 единиц, включая «Абрамс» версии M1A1 FEP (116 ед.), «Абрамс» версии M1A2 SEPv3 (250 ед.), K2 «Черная Пантера» (180 ед.) и Leopard 2PL/2A5 (233 ед.). К 2030 г. ожидается увеличение общего числа современных танков и инженерных машин в строевых частях до более чем 1100 единиц.

² Современные самолеты в польских ВВС: Ф-16 Блок 52+ (48 ед.), ФА-50 ГФ/ПЛ (18 ед.), законтрактованы (35 ед.) и ожидаются поставки первых Ф-35 в 2026 г. Выводятся из эксплуатации по состоянию на апрель 2026 г. Су-22 и Миг-29.

³ Strategia polskiej polityki zagranicznej na lata 2026—2030, 2026, *Ministerstwo Spraw Zagranicznych*, 03.03.2026, URL: <https://www.gov.pl/web/dyplomacja/strategia-polskiej-polityki-zagranicznej-na-lata-2026--2030> (дата обращения: 04.03.2026).

ал Европейского союза для гарантии экономической и военной стабильности в ЕС (что, по логике Р.Сикорского, должно подтверждать эффективность демократической системы и служить ориентиром для вступающих на путь реформ государств вне контура ЕС). Суммируя, можно охарактеризовать заложенную в этот документ концепцию как «влиятельная Польша в сильном Европейском союзе» с активной ролью страны, что отражает нарастающие автономистские устремления правительства Д. Туска (на фоне роста сомнений в эффективности строительства общих для всего ЕС механизмов обеспечения военной безопасности) по укреплению макрорегионального (ЕС) контекста своей политики безопасности. Логика внешнеполитической деятельности, предлагаемая в качестве оптимальной для Польши, должна быть направлена на усиление собственного оборонного потенциала, укрепление договорной базы в сфере военно-политического сотрудничества, сохранение приоритетного внимания НАТО и ЕС по всей линии соприкосновения с Россией — прежде всего в Балтийском регионе.

Стратегические оценки региональной безопасности: динамика, потенциал, реагирование

Региональная система международных отношений на Балтике с момента обострения мирового политического кризиса вокруг Украины радикально изменила свой облик: продвигавшаяся прежде всеми странами региона концепция «региона сотрудничества» фактически заместились логикой взаимоотношений в условиях «региона конфликта» [1, с. 155]. Это понимание стало общим как для российской системы внешнеполитических взглядов, в которой определяющим стало осознание превращения Балтийского региона в «регион сотрудничества без России», так и для остальных стран региона вместе с ЕС и НАТО как региональных игроков наднационального характера, реализующих концепцию «Балтика — внутренне море НАТО», что окончательно оформилось после вступления Финляндии и Швеции в Североатлантический альянс [2; 27]. Отметим, что логика исключения России из региональной системы сотрудничества уже прорабатывалась в рамках принятой Стратегии ЕС для Балтийского региона (EUSBSR, 2009 г.), которая символически, финансово и политически продвигала концепцию Балтики как внутреннего моря ЕС, на окраинах которого выстраиваются взаимоотношения с Россией, Исландией, Беларусью и Норвегией. Именно Европейская комиссия виделась инициатором разработки Стратегии, полномочным модератором региональной повестки и источником ресурсов для преобразования региона для снижения ценности «российского» компонента общерегиональной повестки [1]. Польша предприняла действия по переключению программных приоритетов Стратегии ЕС для Балтийского региона на вопросы региональной безопасности, используя для этого председательство Латвии в 2023 г. и свое председательство в 2024 г. (в повестку были включены вопросы поддержки Украины и вопросы энергетической, транспортной и военной безопасности в регионе). Общий вектор секьюритизации в содержании «Стратегии ЕС для Балтийского региона» был синхронизирован с согласованной на саммите Европейского совета «Стратегической повесткой на 2024—2029 гг.»¹

Балтийский регион имеет ключевое значение для польской политики безопасности не только как транспортный хаб, обеспечивающий глобальную торговлю и включение в мировые производственные цепочки, но и как регион размещения критической энергетической инфраструктуры (терминал «Газопорт» в Свиноустье,

¹ *European Council Strategic Agenda 2024—2029*, URL: https://www.consilium.europa.eu/media/4aldqfl2/2024_557_new-strategic-agenda.pdf (дата обращения: 24.04.2026).

терминал «Нафтопорт» в Гданьске), через которую Польша по состоянию на конец 2025 г. импортирует 48 % энергоресурсов (нефть, газ, моторное топливо и электроэнергия)¹, в которой ведется строительство АЭС, происходит интенсивное развитие ветрогенерации. Польша в сотрудничестве со скандинавскими инвестиционными фондами продолжает активное развитие прибрежных и морских парков ветрогенерации (на 2026 г. эксплуатируются 18 объектов), в том числе отрабатывая технологии строительства более эффективных передвижных морских платформ ветрогенерации, разрабатывая в рамках планов применения вооруженных сил сценарии обеспечения их физической и цифровой безопасности². По дну Балтийского моря проложены несколько десятков энергетических кабелей и 15 оптоволоконных линий, которые ЕС относит к категории «подводной критической инфраструктуры». Для Польши в этой сети ключевое значение имеют *SwePolLink* (польско-шведская высоковольтная линия постоянного тока) и *BalticPipe* (подводный газопровод между Польшей и норвежскими месторождениями).

Принятая стратегия превращения Польши в газовый хаб для Центральной и Восточной Европы (см. стратегию «Энергетической политики Польши до 2040 г.») опирается на существующие долгосрочные контракты с США и Катаром по поставкам газа через польскую газотранспортную инфраструктуру, в том числе с учетом перспективы снабжения Словакии и Венгрии. Деятельность польской дипломатической службы в этой части сосредоточена на формализации договоренностей с потенциальными потребителями под лозунгом отказа от российских поставок с секьюритизацией экономических факторов. Анализируя практику действий Польши в регионе, выступления представителей польского МИДа³ и польских экспертов по региональной проблематике⁴, зафиксировав, что подтверждается исследовательская гипотеза о растущем значении широко понимаемой безопасности в регионе (в том числе безопасное торговое мореходство, открытое воздушное пространство, обеспечение свободного прохода через датские проливы, сохранение подводной критической инфраструктуры) в условиях развития военно-политического конфликта между Россией и странами коллективного Запада для современной политики безопасности Польши. Оценивая как угрозу для своей безопасности политику США по снижению участия в «европейских делах», военно-политическое руководство страны стремится создать систему региональной безопасности, опирающейся на вовлечение всех стран региона в активные действия по противодействию так называемой «российской агрессии».

Используя многочисленные инциденты на объектах критической подводной инфраструктуры в качестве аргумента, Польша при поддержке стран Прибалтики и Швеции на площадках НАТО и ЕС продвигает предусмотренную документами

¹ Ciszak, P. 2025, Oczy na Bałtyk. Wiele może się tu wydarzyć. “Strategiczny akwen”, *Money.pl*, 16.11.2025, URL: <https://www.money.pl/gospodarka/oczy-na-baltyk-wiele-moze-sie-tu-wydarzyc-strategiczny-akwen-7221723941030784a.html> (дата обращения: 04.03.2026).

² Акцент на развитие ветрогенерации параллельно форсированному строительству АЭС сделан для того, чтобы иметь возможность компенсировать неизбежный ценовой скачок при постепенном снижении собственной угольной генерации в энергетическом балансе страны.

³ Министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский: «Балтика — одно из ключевых мест, в котором вершатся судьбы нашего региона». Ciszak, P. 2025, Oczy na Bałtyk. Wiele może się tu wydarzyć. “Strategiczny akwen”, *Money.pl*, 16.11.2025, URL: <https://www.money.pl/gospodarka/oczy-na-baltyk-wiele-moze-sie-tu-wydarzyc-strategiczny-akwen-7221723941030784a.html> (дата обращения: 04.03.2026).

⁴ См. например: Romanów, M. 2025, Bezpieczeństwo Morza Bałtyckiego, *Instytut Sobieskiego*, 20.06.2025, URL: <https://sobieski.org.pl/bezpieczenstwo-morza-baltyckiego> (дата обращения: 04.03.2026).

стратегического планирования логику необходимости военной и политической готовности к реагированию на неизбежные (в их трактовке — российского происхождения) инциденты, которые будут угрожать каждому из элементов региональной безопасности. С этой целью в 2024 г. по инициативе Польши, Швеции и ФРГ в немецком Ростоке был создан региональный штаб НАТО¹ на Балтике (*Command Task Force Baltic*), группа боевого управления которого состоит из офицеров немецкого, польского и шведского ВМФ. После проведения необходимых сертификационных процедур и обучения персонала в 2028 г. центр руководства международными силами на Балтике будет перенесен в Гданьск, а в 2032 г. — в Швецию.

Военно-дипломатические усилия Польши сосредоточены на обеспечении условий для эффективного обмена данными (ведется отработка единой региональной системы осведомленности о маневрах торговых судов под флагами третьих стран и российских военных кораблей), развитии совместного потенциала по противодействию российским системам РЭБ и возможностям радиоэлектронной разведки армии России (с фокусом на возможности группировки Балтийского флота, дислоцированной в Калининградской области). Эта деятельность была запущена в рамках инициативы «Балтийский часовой», предложенной в 2024 г. Польшей и стартовавшей в январе 2025 г. как совокупность аналитических, разведывательных и оперативных действий сил и средств НАТО в регионе Балтийского моря по анализу и противодействию военным угрозам в регионе, якобы исходящим от России. На встрече высокого уровня НАТО (*Baltic Sea NATO Allies Summit*) в Хельсинки премьер-министр Польши Дональд Туск подтвердил приверженность ценностям трансатлантического сотрудничества в области безопасности и роли США как ключевого гаранта стабильности в регионе, хотя анализ состава участников этой инициативы и ведущая роль Польши и стран Прибалтики в мобилизации к участию в «Балтийском часовом» Скандинавских стран и ФРГ показывают региональный, «балтийский» характер этой инициативы под флагом НАТО.

Анализируя логику и практику реализации инициативы «Балтийский часовой», зафиксировав, что кроме разработки сценариев боевого применения сил и средств фактически происходила отработка сценариев военно-дипломатического обеспечения изоляции Балтийского региона в интересах стран НАТО. Обратим внимание, что авторитетные российские исследователи П. А. Гудев и Д. В. Офицеров-Бельский приходят к выводу о том, что для объектов критической подводной инфраструктуры на Балтике происходит отработка сценариев реагирования, которые могут быть транслированы в глобальном масштабе [28]. Такое наблюдение дополнительно подтверждается анализом последовавшего в сентябре 2025 г. решения о старте под очередным своевременным предлогом (якобы нарушение российскими беспилотниками воздушного пространства Польши) новой инициативы НАТО «Восточный часовой», имеющей беспрецедентно угрожающий характер по отношению к России. Кроме отработки задач контроля за акваторией и воздушным пространством Балтики в рамках этой инициативы были реализованы элементы проецирования французской системы ядерного сдерживания на регион путем передислокации на польскую базу ВВС в Минске-Мазовецким трех истребителей *Rafale* эскадрильи *The Escadron de Chasse 2/4 Lafayette*, поддерживающей постоянную готовность к применению крылатых ракет (ASMP-A) в ядерном снаряжении. Вне всякого сомнения, Россия рассматривает такие действия как откровенно враждебные, носящие эскалационный характер, что находит соответствующее отражение в системе военного планирования вооруженных сил Российской Федерации.

¹ Подчиняющийся Морскому командованию НАТО (MARCOM), размещенному в г. Нортвуде, Великобритания.

Схожую логику — выступать инициатором и драйвером максимальной военно-политической интеграции региона в условиях развивающегося сомнения (укрепляющегося по мере расширения вовлеченности США в конфликт на Ближнем Востоке) в долгосрочной роли США как гаранта региональной безопасности — Польша реализует в рамках председательства с 1 июля 2025 г. в Совете государств Балтийского моря (СГБМ). Заявив в качестве приоритета своей программы безопасность и развитие региональной идентичности, Варшава предприняла серьезные усилия по переориентации повестки СГБМ на проблематику общерегиональной безопасности и превращения организации в политическую платформу выработки и продвижения региональных интересов в рамках НАТО и ЕС, в том числе в части совместного освоения средств из специализированных фондов и программ ЕС (этот процесс проходил параллельно с окончательной деградацией инициативы «Троеморья», прежде считавшейся одной из флагманских политико-экономических инициатив Польши в регионе). Важно обратить внимание, что схожие рекомендации — по усилению регионального компонента политики безопасности, выработке протоколов взаимодействия и реагирования на весь спектр возможных угроз — озвучивались аналитическим центром при МИД страны — Польским институтом международных дел [29]. Авторитетный исследовательский центр проблем международных отношений *The Opportunity Institute for Foreign Affairs* прямо называет ключевым вызовом для политики безопасности страны задачу формирования дипломатическими и военными инструментами условий для обеспечения безопасности для судоходства и функционирования подводной критической инфраструктуры Балтики, а в случае развития кризисного сценария — обеспечения непрерывности поставок энергоресурсов альтернативными маршрутами [30]. Эволюция стратегических оценок ключевых игроков в регионе Балтийского моря приведена в таблице.

Эволюция стратегических оценок в польской политике безопасности

Документ стратегического планирования Польши	Стратегические оценки			
	США	ЕС	НАТО	Россия
Стратегия национальной безопасности 2014 г.	Ключевой союзник, предоставляющий гарантии безопасности через расширение военного присутствия	Безусловная уверенность в единстве ЕС перед лицом вызовов «посткрымской» эпохи, развитие инструментов «мягкой безопасности»	Безусловная уверенность в принципе коллективной обороны, рост расходов на оборону	Значительная потенциальная угроза, источник гибридных угроз, политический ревизионизм и политико-экономическая экспансия
Стратегия национальной безопасности 2020 г.	Опора на США как на главный ресурс безопасности, расширение военного присутствия	Необходимость сохранения единства перед угрозами, задача мобилизации ресурсов для модернизации ВПК, противодействие гибридным угрозам	Необходимость сохранения единства перед угрозами, рост расходов на оборону, усиление присутствия в регионе Балтики	Главная угроза, проводник неоимпериальной политики, глобальный ревизионизм

Окончание табл.

Документ стратегического планирования Польши	Стратегические оценки			
	США	ЕС	НАТО	Россия
Стратегия национальной безопасности 2026 г. (экспертная оценка)	Стратегическое партнерство, сохранение военного присутствия, но развитие автономного потенциала самообороны с учетом рисков снижения вовлеченности США в «европейские дела»	Повышение роли Польши в структурах ЕС и формирование политической повестки, мобилизация ресурсов ЕС на развитие ВПК, развитие двусторонних механизмов с членами ЕС	Способность Польши к автономным действиям без НАТО при декларируемом безусловном исполнении собственных союзнических обязательств	Экзистенциальная угроза, фактор внутриполитической мобилизации общества

Составлено на основании документов стратегического планирования Польши.

Девятого января 2026 г. произошло важнейшее событие для польской политики безопасности в регионе — президент Кароль Навроцкий подписал закон «О безопасной Балтике»¹, который суммирует военные и политические усилия государства по обеспечению национальных интересов в Балтийском регионе. Прежде всего значительно расширены полномочия Министерства обороны в части принятия решений о проведении миссий военного характера (патрулирование, пресечение нелегальной деятельности, противодействие гибридным угрозам, выяснение намерений и характера груза подозрительных судов), а военно-морской флот получил упрощенные процедуры применения оружия в международных водах и право контролировать судоходство в польских территориальных водах (прежде эти полномочия были исключительно у пограничной службы). Закон принят в ответ на растущее значение Балтики в политике безопасности страны и подтверждает тенденцию к автономизации в вопросах обеспечения национальных интересов Польши.

Выводы. Региональные сценарии в условиях повышения автономности

Даже с учетом необычайно высокой интенсивности происходящих процессов в регионе и в рамках мировой политической системы в целом понимание текущих действий игроков ведет нас к выявлению вероятных будущих сценариев реагирования и потенциальных контуров формирующегося регионального порядка. Изучив логику и траектории стратегического мышления Варшавы о Балтике, зафиксируем, что исследовательская гипотеза о нарастающем с 2022 г. значении Балтийского региона в польской политике безопасности подтвердилась. Это выражается в происходящей системной адаптации институтов государства к воз-

¹ Полное название: Ustawa o zmianie niektórych ustaw w celu usprawnienia działań Sił Zbrojnych Rzeczypospolitej Polskiej na wypadek zagrożenia bezpieczeństwa państwa na polskich obszarach morskich oraz zapewnienia bezpieczeństwa na Morzu Bałtyckim, URL: https://orka.sejm.gov.pl/proc10.nsf/ustawy/1862_u.htm (дата обращения: 04.03.2026).

возможности действий на Балтике (в том числе и автономно — в ситуации, когда союзники откажутся от выполнения своих обязательств): в сфере политики безопасности сформировался один центр принятия решений и контроля за их исполнением (аппарат президента), приняты новые документы стратегического планирования и на их основе происходит стремительное перевооружение вооруженных сил, формируются военно-дипломатические рамки для региональной модели безопасности (хоть и формально в рамках НАТО), проводится модернизация соответствующего законодательства и расширение компетенций ВМФ. Угроза польским интересам на Балтике стала основным нарративом, объясняющим во внутривластительской коммуникации необходимость гигантских расходов на перевооружение польского ВМФ, что сопровождается не только закупками у союзников, но и модернизацией собственных оборонных предприятий, совершающих настоящий технологический рывок.

Документы стратегического планирования в сфере политики безопасности основаны на идее подготовки государства к реагированию на различные сценарии в регионе Балтийского моря, где Россия, разумеется, является исключительно источником угроз. Угрозы классифицируются в категориях как «подпороговых» действий, формально не подпадающих под определение агрессии (оказывающих дестабилизирующее воздействие), так и прямых актов саботажа и диверсий, предваряющих потенциальную военную агрессию экзистенциального характера. В случае «подпороговых» ситуаций Польша рассчитывает на демонстрацию солидарности региональных игроков, а в случае военного конфликта — готовится вести автономные боевые действия оборонительного характера и наносить удары вглубь территории противника (России), причиняя неприемлемый ущерб. *Наиболее вероятной моделью поведения России в такой ситуации станет поэтапное усиление военной и доктринальной составляющей политики безопасности и обеспечения национальных интересов на Балтике, что подразумевает применение решений, предусмотренных указом Президента России от 19.11.2024 г. № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания»¹.*

Подчеркнем, что, несмотря на публичные заверения об опоре «на две ноги» в сфере политики безопасности (прямые гарантии США вместе с институциональными гарантиями по линии НАТО и ЕС), на деле Варшава предпринимает шаги по развитию собственного оборонительного потенциала при акценте на конструирование региональной (балтийской) архитектуры безопасности. Это красноречиво свидетельствует о развивающемся недекларируемом сомнении в эффективности гарантий по линии НАТО (с учетом корректировок стратегии США в «европейских делах») и пессимизме в вопросах строительства объединенных вооруженных сил Европейского союза. Развитие собственного военного потенциала не разрешает региональные противоречия, не позволяет гарантировать соблюдение национальных интересов в регионе, но довольно серьезно укрепляет международные позиции страны в НАТО и ЕС. Оптимальным сценарием региональной динамики, на реализацию которого направлены усилия Польши, является сохранение тлеющей конфликтной ситуации на Балтике, не перерастающей

¹ Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания, Указ Президента России от 19.11.2024 г. № 991, URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51312> (дата обращения: 24.04.2026).

в полномасштабное столкновение, что позволяет конвертировать угрозы в ресурс промышленного перевооружения в обоснование модернизации армии и повышать собственную роль в регионе и — шире — в системе мировой политики.

Финансирование. Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Список литературы

1. Жуковский, И. И. 2024, Некоторые вопросы эволюции модели современных международных отношений в Балтийском регионе, *Балтийский регион*, т. 16, № 4, с. 145—160, EDN: ZGCUFQ, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-4-7>
2. Межевич, Н. М. 2025, Балтика: гарантии опасности, *Международная жизнь*, № 8, с. 62—69, EDN: CWJGOR
3. Зверев, Ю. М., Стрюковатый, В. В. 2025, *Россия и НАТО: противостояние на Балтике: информационно-аналитический доклад*, Калининград, 144 с., EDN: SCSFVL
4. Павлова, М. С., Тимофеев, П. П. 2025, Франко-польский договор в Нанси: дружба без обязательств?, *Балтийский регион*, т. 17, № 4, с. 49—67, EDN: MAUYLU, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2025-4-3>
5. Беспалов, А. С. 2007, Польская восточная политика после 1989 г., *Россия и современный мир*, № 2 (55), с. 52—69, EDN: HZVPLZ
6. Офицеров-Бельский, Д. В. 2023, Восточная политика Польши: концептуальные основы и практические аспекты, *Россия и новые государства Евразии*, № IV (LXI), с. 51—61, EDN: DDALCL, <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-4-51-61>
7. Buzan, B., Wæver, O. 2003, *Regions and Powers: The Structure of International Security*, Cambridge, Cambridge University Press.
8. Ковалев, А. А., Балашов, А. И. 2018, Военная безопасность Балтийского региона в условиях продвижения военной инфраструктуры НАТО к границам Российской Федерации, *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, т. 14, № 6 (363), с. 1151—1165, EDN: XQBRGP, <https://doi.org/10.24891/ni.14.6.1151>
9. Корэйба, Я. В. 2011, Концептуальные основы внешней политики Польши в отношении европейских стран постсоветского пространства, *Вестник МГИМО-Университета*, № 6 (21), с. 234—240, EDN: ONJXFP, <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-6-21-234-240>
10. Довжик, Н. Р. 2014, Бинарность стратегий национальной безопасности современной Польши, *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*, № 2, с. 91—99, EDN: SHVDTL
11. Чернова, А. В. 2013, «Восточная политика» Польши: от концепции «УЛБ» до «Восточного партнерства», *Вестник МГИМО-Университета*, № 6 (33), с. 15—24, EDN: RQDLWZ
12. Kaczmarczyk, B., Wiśniewski, B. 2017, The Essence of the Strategy and System of Security of the Republic of Poland. Theoretical and Practical Considerations (Part I). *Security Dimensions*, vol. 24, № 24, p. 108 119, <https://doi.org/10.24356/SD/24/6>
13. Koziej, S. 2012, 25 lat polskiej strategii bezpieczeństwa, *Bezpieczeństwo Narodowe*, № I (21), p. 11—40.
14. Minkina, M. 2011, Evolution of the Perception of Threats to the Security of the Republic of Poland in Polish Strategic Documents, *The Journal of Slavic Military Studies*, vol. 24, № 4, p. 621—647, <https://doi.org/10.1080/13518046.2011.624466>
15. Zieba, R. 2020, *Poland's Foreign and Security Policy: Problems of Compatibility with the Changing International Order*, Springer Cham, 289 p., EDN: ISUYXA, <https://doi.org/10.1007/978-3-030-30697-7>
16. Трунов, Ф. О. 2024, Усиление сухопутных войск как индикатор приоритетов внешней политики Польши, *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 3, с. 31—41, EDN: DJEYHT, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran320243141>

17. Овчарук, А.П. 2024, Милитаризация Балтийского региона блоком НАТО и риски безопасности России, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*, №4, с. 89—102, EDN: FKFTKI, <https://doi.org/10.5922/vestnikhum-2024-4-8>
18. Кувалдин, С. А. 2024, Постоянная варшавская величина, *Россия в глобальной политике*, т. 22, №4 (128), с. 98—108, EDN: EINUWJ, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-4-98-108>
19. Зверев, Ю. М. 2024, *Наращивание и модернизация вооруженных сил Польши, Литвы и других стран НАТО вокруг Калининградской области: информационно-аналитический доклад*, Калининград, 68 с., EDN: VXANVZ
20. Войтоловский, Ф. Г., Кислицын, С. В. (ред.). 2025, *Балтийский регион: тенденции и риски в сфере социально-экономического развития и международной безопасности: доклад ИМЭМО РАН*, Москва, 47 с.
21. Барынкин, А. В., Межевич, Н. М. 2025, Испытание на прочность: польский атлантизм перед лицом геополитической неопределенности, *Современная Европа*, №4 (132), с. 126—136, EDN: FJLQZH, <https://doi.org/10.7868/S3034599525040114>
22. Bieńczyk-Missala, A. 2025, Poland's Foreign Policy Choices in a Changing International Environment, in: Baxter, P.M. (ed.), *Examining Perspectives of Small-to-Medium Powers in Emergent Great Power Competition*. Palgrave Studies in Global Security, Palgrave Macmillan, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-031-86901-3_5
23. Bharti, S. S. 2024, The Ukraine crisis: Poland as a strategic crossroad in Eastern Europe, *Eastern Journal of European Studies*, vol. 15, №1, p. 324—344, EDN: HSYTMR, <https://doi.org/10.47743/ejes-2024-0114>
24. Jureńczyk, Ł. 2023, Changing the Importance of Poland in the Security Policy of the United States in the Context of the war in Ukraine, *Przegląd Politologiczny*, №1, p. 53—64, EDN: SWXPZ, <https://doi.org/10.14746/pp.2022.28.1.4>
25. Жуковский, И. И. 2025, Внешнеполитические оценки и стратегии в избирательных программах кандидатов на пост президента Польши в 2025 г., *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*, №1, с. 107—128, EDN: VQENUX, doi: 10.55959/MSU0868-4871-12-2025-3-1-107-128, .
26. Лошкарев, И. Д., Кучук, А. В. 2022, Стратегическая культура Польши: вариации и их отражение в официальном дискурсе, *Современная Европа*, №4 (111), с. 37—49, EDN: GJHMDO, <https://doi.org/10.31857/S0201708322040039>
27. Дорошенко, И. С. 2025, Эволюция военной политики Финляндии и Швеции в Арктическом регионе и вступление в НАТО, *Сравнительная политика*, т. 16, №2, с. 124—145, EDN: RVLNYS, <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2025-2-16-10>
28. Гудев, П. А., Офицеров-Бельский, Д. В. 2025, Защита и милитаризация подводной инфраструктуры в акватории Балтийского моря: проблемный дискурс, правовые аспекты и практические шаги, *Пути к миру и безопасности*, №1 (68), с. 87—105, EDN: VKOZZA, <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2025-1-87-105>
29. Dudzińska, K. 2025, Bezpieczeństwo infrastruktury krytycznej w regionie Morza Bałtyckiego, *Biuletyn PISM*. nr 5 (3008). Warszawa.
30. Nowak, Z. (ed.). 2024, *Czy morze pomoże? Bałtyk a bezpieczeństwo energetyczne Polski*, №2, p. 70.

Об авторе

Игорь Игоревич Жуковский, кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-8689-3898>

E-mail: igor@izhukovski.ru

THE BALTIC REGION IN POLAND'S SECURITY POLICY: STRATEGIC ASSESSMENTS AND RESPONSE

I. I. Zhukovsky

Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations of the Russian Academy of Sciences,
23 Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russia

Received 30 March 2026
Accepted 28 April 2026
doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-2
© Zhukovsky I. I., 2026

For the first time in Russian academic discourse, the article examines strategic assessments of the Baltic region's role in Poland's contemporary security policy, drawing on institutional and situational analysis as well as elements of scenario modelling. These assessments serve as the basis for military and diplomatic initiatives and adjustments to strategic planning in the development and modernisation of the armed forces. Building on strategic foreign and security policy documents, a corpus of legislative acts, and statements by Poland's political and military leadership, the author reconstructs the hierarchy of priorities underpinning Poland's contemporary security policy. The findings reveal a marked increase in the significance of the Baltic region within Poland's security policy since the escalation of the international political crisis in 2022. This trend is reflected in the systematic adaptation of state institutions to the prospect of conducting autonomous operations in the Baltic region. Consistent efforts have been undertaken to strengthen national defence capabilities, with particular emphasis on the development of a regional Baltic security architecture. The study contributes to a deeper understanding of subregional security dynamics in the Baltic Sea region and has practical relevance for foreign and security policy planning institutions in the Russian Federation.

Keywords:

security policy, foreign policy, strategic assessments and scenarios

References

1. Zhukovsky, I. I. 2024, The model of international relations in the Baltic sea region: political shifts and current challenges, *Baltic Region*, vol. 16, № 4, p. 145—160, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-4-7>
2. Mezhevich, N. M. 2025, Baltika: guarantees of danger, *International Affairs*, № 8, p. 62—69 (in Russ.), EDN: CWJGOR
3. Zverev, Yu. M., Stryukovatyy, V. V. 2025, *Russia and NATO: the confrontation in the Baltic*: an information and analytical report, Kaliningrad, 144 p. (in Russ.), EDN: SCSFVL
4. Pavlova, M. S., Timofeev, P. P. 2025, The Nancy treaty: friendship without commitment?, *Baltic Region*, vol. 17, № 4, p. 49—67, EDN: EAFOLL, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2025-4-3>
5. Bepalov, A. S. 2007, Poland's eastern policy after 1989, *Russia and the contemporary world*, № 2 (55), p. 52—69 (in Russ.), EDN: HZVPLZ
6. Ofitserov-Bel'skiy, D. 2023, Poland's Eastern Policy: Conceptual Foundations and Practical Aspects, *Russia and New States of Eurasia*, № IV(LXI), p. 51—61 (in Russ.), EDN: DDALCL, <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-4-51-61>

To cite this article: Zhukovsky, I. I. 2026, The Baltic Region in Poland's security policy: strategic assessments and response, *Baltic Region*, vol. 18, № 2, p. 26—46, doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-2

7. Buzan, B., Wæver, O. 2003, *Regions and Powers: The Structure of International Security*, Cambridge, Cambridge University Press.
8. Kovalev, A. A., Balashov, A. I. 2018, The Military Security of the Baltic Region and the NATO Military Infrastructure Approximating the Border of the Russian Federation, *National Interests: Priorities and Security*, vol. 14, № 6 (363), p. 1151—1165 (in Russ.), EDN: XQBRGP, <https://doi.org/10.24891/ni.14.6.1151>
9. Korejba, J. V. 2011, The Conceptual Basis of Polish Foreign Policy towards Post soviet States in Europe, *MGIMO Review of International Relations*, № 6 (21), p. 234—240 (in Russ.), EDN: ONJXFP, <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-6-21-234-240>
10. Dovzhik, N. R. 2014, Binarism of national security strategies in Poland, *Izvestia Ural federal university journal. Series 3, Social and political sciences*, № 2, p. 91—99 (in Russ.), EDN: SHVDTL
11. Chernova, A. V. 2013, Poland's "Eastern policy": from "Ukraine, Lithuania, Belarus" to the "Eastern partnership", *MGIMO Review of International Relations*, № 6 (33), p. 15—24 (in Russ.), EDN: RQDLWZ, <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-6-33-15-24>
12. Kaczmarczyk, B., Wiśniewski, B. 2017, The Essence of the Strategy and System of Security of the Republic of Poland. Theoretical and Practical Considerations (Part I). *Security Dimensions*, vol. 24, № 24, p. 108—119, <https://doi.org/10.24356/SD/24/6>
13. Koziej, S. 2012, 25 lat polskiej strategii bezpieczeństwa, *Bezpieczeństwo Narodowe*, № I (21), p. 11—40.
14. Minkina, M. 2011, Evolution of the Perception of Threats to the Security of the Republic of Poland in Polish Strategic Documents, *The Journal of Slavic Military Studies*, vol. 24, № 4, p. 621—647, <https://doi.org/10.1080/13518046.2011.624466>
15. Zieba, R. 2020, *Poland's Foreign and Security Policy: Problems of Compatibility with the Changing International Order*, Springer Cham, 289 p., EDN: ISUYXA, <https://doi.org/10.1007/978-3-030-30697-7>
16. Trunov, Ph. O. 2024, Strengthening of ground forces as an indicator of Poland's foreign policy priorities, *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, № 3, p. 31—41 (in Russ.), EDN: DJEYHT, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran320243141>
17. Ovcharuk, A. P. 2024, NATO militarisation of the Baltic region and risks security of Russia, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, № 4, p. 89—102 (in Russ.), EDN: FKFTKI, <https://doi.org/10.5922/vestnikhum-2024-4-8>
18. Kuvaldin, S. A. 2024, Constant Warsaw Value, *Russia in Global Affairs*, vol. 22, № 4 (128), p. 98—108 (in Russ.), EDN: EINUWJ, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-4-98-108>
19. Zverev, Yu. M. 2024, *Build-up and modernization of the armed forces of Poland, Lithuania and other NATO countries around the Kaliningrad region: information and analytical report*, Kaliningrad, 68 p. (in Russ.), EDN: BXAHVZ
20. Voitolovsky, F. G., Kislitsyn, S. V. (eds.). 2025, *Baltic Region: Trends and Risks in Socio-Economic Development and International Security: report Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences*, Moscow, 47 p. (in Russ.).
21. Barynkin, A. V., Mezhevich, N. M. 2025, A Test of Strength: Polish Atlanticism in the Face of Geopolitical Uncertainty, *Contemporary Europe*, № 4 (132), p. 126—136 (in Russ.), EDN: FJLQZH, <https://doi.org/10.7868/S3034599525040114>
22. Bieńczyk-Missala, A. 2025, Poland's Foreign Policy Choices in a Changing International Environment, in: Baxter, P. M. (ed.), *Examining Perspectives of Small-to-Medium Powers in Emergent Great Power Competition. Palgrave Studies in Global Security*, Palgrave Macmillan, Cham, https://doi.org/10.1007/978-3-031-86901-3_5
23. Bharti, S. S. 2024, The Ukraine crisis: Poland as a strategic crossroad in Eastern Europe, *Eastern Journal of European Studies*, vol. 15, № 1, p. 324—344, EDN: HSYTMR, <https://doi.org/10.47743/ejes-2024-0114>
24. Jureńczyk, Ł. 2023, Changing the Importance of Poland in the Security Policy of the United States in the Context of the war in Ukraine, *Przegląd Politologiczny*, № 1, p. 53—64, EDN: SWXPZP, <https://doi.org/10.14746/pp.2022.28.1.4>

25. Zhukovskiy, I. I. 2025, Vneshnepoliticheskie otsenki i strategii v izbiratel'nykh programmakh kandidatov na post prezidenta Pol'shi v 2025 g., *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, № 1, p. 107—128, EDN: VQENUX, doi: 10.55959/MSU0868-4871-12-2025-3-1-107-128

26. Loshkariov, I. D., Kuchuk, A. V. 2022, Poland's Strategic Culture: Variations and Their Reflection in Official Discourse, *Contemporary Europe*, № 4 (111), p. 37—49 (in Russ.), EDN: GJHMDO, <https://doi.org/10.31857/S0201708322040039>

27. Doroshenko, I. S. 2025, Evolution of Sweden and Finland's Military Policy in the Arctic and Accession to NATO, *Comparative Politics Russia*, vol. 16, № 2, p. 124—145 (in Russ.), EDN: RVLNYS, <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2025-2-16-10>

28. Gudev, P. A., Ofitserov-Belsky, D. V. 2025, Protection and militarization of undersea infrastructure in the Baltic Sea: problem discourse, legal aspects, and practical steps, *Pathways to Peace and Security*, № 1 (68), p. 87—105 (in Russ.), EDN: BKOZZA, <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2025-1-87-105>

29. Dudzińska, K. 2025, Bezpieczeństwo infrastruktury krytycznej w regionie Morza Bałtyckiego, *Biuletyn PISM*, № 5 (3008).

30. Nowak, Z. (ed.). 2024, Czy morze pomoże? Bałtyk a bezpieczeństwo energetyczne Polski, № 2, p. 70.

Funding. This research was supported by a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development № 075-15-2024-551 “Global and regional centres of power in the emerging world order.”

The author

Dr **Igor I. Zhukovsky**, Associate Professor, Senior Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-8689-3898>

E-mail: igor@izhukovski.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

ISAMRL

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ СУДОХОДСТВА И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В БАЛТИЙСКОМ МОРЕ

В. В. Войников^{1, 2} **И. В. Дыханов²**

¹ МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 29.03.2026 г.

Принята к публикации 15.05.2026 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-3

© Войников В. В., Дыханов И. В., 2026

Вопросы судоходства и мирного использования морских пространств являются одними из наиболее сложных в международном морском праве, поскольку они затрагивают интересы значительного круга акторов, включая хозяйствующих субъектов, государства и международные организации. Дополнительную актуальность эти вопросы приобрели в XXI в. в связи с гибридизацией международных конфликтов и превращением Мирового океана в арену противоборства. Наиболее ощутимые последствия этого противоборства наблюдаются в Балтийском море, где повреждение подводной инфраструктуры, акты диверсий и саботажа, а также задержание судов и иные ограничения свободы судоходства стали обыденными явлениями. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы определить правовую природу ограничений судоходства и иной хозяйственной деятельности в Балтийском море, а также предложить возможные пути по преодолению указанных ограничений. Для достижения поставленной цели авторами проанализированы источники международного морского права, которыми устанавливается режим морских пространств и регулируется свобода судоходства и осуществление хозяйственной деятельности, с международно-правовой точки зрения рассмотрены и оценены ситуации, связанные с задержанием судов в Балтийском море, повреждением подводной инфраструктуры, а также выявлены особенности осуществления хозяйственной деятельности в Балтийском море на современном этапе. Авторы пришли к выводу о том, что, несмотря на беспрецедентный уровень напряженности и эскалации, международное морское право остается единственным надежным регулятором отношений по реализации свободы судоходства и хозяйственной деятельности в Балтийском море, которое в данном качестве признается большинством государств Балтийского региона.

Ключевые слова:

международное морское право, подводная инфраструктура, Балтийское море, свобода судоходства, теневой флот

Для цитирования: Войников, В. В., Дыханов, И. В. 2026, Международно-правовые аспекты реализации свободы судоходства и хозяйственной деятельности в Балтийском море, *Балтийский регион*, т. 18, № 2, с. 47–65, doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-3

Введение

Балтийское море всегда занимало особое место в экономической и политической жизни европейского континента. Оно являлось и является не только важным транспортным маршрутом, но и нередко выступало и продолжает выступать местом столкновения интересов различных государств.

Россия получила выход к Балтийскому морю во времена правления Петра I по результатам Северной войны, что юридически было закреплено в Ништадском мирном договоре [1]. После окончания Великой отечественной войны к СССР отошел г. Кёнигсберг с прилегающей областью, где находится незамерзающий порт на Балтике [2, с. 163].

После распада Советского Союза непосредственный выход к Балтийскому морю имеют три субъекта РФ: Калининградская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область. В указанных субъектах расположены морские порты, осуществляющие транспортное сообщение между собой и за пределами Балтийского моря.

В период экономического сотрудничества между Россией и ЕС Балтийское море использовалось как важный транспортный маршрут, обеспечивающий связь между портами РФ и странами ЕС. Особая роль отводилась газовым трубопроводам «Северный поток-1» и «Северный поток-2» между Россией и Германией, которые рассматривались обеими странами как надежный маршрут экспорта природного газа из России.

В настоящее время в результате деградации отношений между Россией и странами ЕС Балтийское море превратилось в арену политического противостояния с высоким риском эскалации ситуации. Для России Балтийское море имеет особое значение, поскольку оно выступает единственным стабильным маршрутом транспортного сообщения между Калининградской областью и остальной частью России, а также используется для транспортировки товаров, включая энергоресурсы между российскими портами на Балтике и портами в различных частях Мирового океана. При этом обеспечение транспортной доступности Калининградской области за счет функционирования паромной линии в направлении морских портов Усть-Луга и Санкт-Петербург выступает одним из приоритетов национальной морской политики в регионе Балтийского моря.

Текущая геополитическая обстановка в регионе Балтийского моря отличается нестабильностью и напряженностью. Как следствие, в последнее время появились серьезные вызовы безопасности, связанные с угрозой ограничения судоходства и препятствования законной деятельности по использованию морских пространств.

Указанные действия способны серьезно подорвать сложившуюся систему международного морского права и потенциально перерасти в более существенную конфронтацию. Сложившаяся ситуация демонстрирует, что участники международных отношений нередко отступают от требований международного права или своеобразно трактуют его нормы. Однако именно международное право способно быть отправной точкой для обеспечения стабильности в регионе и выстраивания стабильных отношений.

Виды и правовой режим морских пространств в Балтийском море

По терминологии Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.¹ (далее — Конвенция ООН 1982 г.) Балтийское море относится к категории полузамкнутых морей. Согласно ст. 122 Конвенции ООН 1982 г. «замкнутое или полузамкнутое

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года, Ст. 21, URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 09.02.2026).

море» означает залив, бассейн или море, окруженное двумя или более государствами и сообщаемое с другим морем или океаном через узкий проход или состоящее полностью или главным образом из территориальных морей и исключительных экономических зон двух или более прибрежных государств.

В настоящее время прибрежными странами Балтийского моря являются девять стран, восемь из которых являются государствами — членами ЕС и НАТО. Все прибрежные страны Балтийского моря участвуют в Конвенции ООН 1982 г. Кроме того, порядок судоходства через Балтийские (Датские) проливы регулируется многосторонним международным договором — Копенгагенским трактатом, заключенным в 1857 г.¹, а также аналогичным двухсторонним договором между Данией и США, который был заключен в том же году в Вашингтоне².

Акватория Балтийского моря включает в себя различные виды морских пространств, правовой режим которых определяется Конвенцией ООН 1982 г. В настоящий момент вся акватория Балтийского моря состоит из территориального моря, внутренних морских вод, прилежащих зон и исключительных экономических зон (далее — ИЭЗ). В Балтийском море отсутствует открытое море, как оно определено в ст. 86 Конвенции ООН 1982 г. Это означает, что на всю акваторию Балтийского моря распространяются суверенитет, суверенные права и юрисдикция прибрежных государств. Хотя Конвенция ООН 1982 г. гарантирует суверенитет прибрежного государства на акваторию территориального моря и внутренних вод, дно и недра этих морских районов, а также воздушное пространство над ними, существуют определенные изъятия и ограничения, действующие в отношении данного суверенитета в соответствии с положениями Конвенции или иных международных договоров, — в частности, право мирного прохода. В отношении ИЭЗ и прилежащей зоны прибрежные государства обладают ограниченной юрисдикцией, при этом Конвенция ООН 1982 г. гарантирует свободу судоходства и полетов, прокладки подводных кабелей и трубопроводов и другие правомочные виды использования моря (ст. 58).

Акватория Балтийского моря соединена с открытым морем через систему проливов (Малый Бельт, Большой Бельт, Эресунн³), получивших название Балтийские (Датские) проливы. Балтийские (Датские) проливы относятся к проливам, используемым для международного судоходства. В силу ст. 38 Конвенции ООН 1982 г. в проливах, используемых для международного судоходства, все суда и летательные аппараты пользуются правом транзитного прохода, а прибрежные государства не могут чинить препятствия такому проходу. При этом, согласно ст. 35 Конвенции она не затрагивает правового режима проливов, проход в которых регулируется в целом или частично давно существующими и находящимися в силе международными конвенциями, которые относятся специально к таким проливам. В отношении Балтийских (Датских) проливов действует специальный правовой режим, установленный Копенгагенским трактатом 1857 г. и аналогичным договором с США. В силу указанных документов Дания приняла на себя обязательство не взимать таможенных и иных сборов за проход судов че-

¹ Трактат об отмене пошлин, взимаемых с судов и грузов при проходе их через проливы Зунда и обоих Бельтов (Подписан в г. Копенгагене 14.03.1857), 1997, Действующее международное право, Москва, т. 3, с. 525—528 (извлечение).

² Convention between Denmark and the United States of America for the Abolition of the Sound Dues, Washington, 11 April 1857, p. 7—9, URL: <https://dheller.org/Timeline-files/US-Statutes/v18-2/v18-2-Treaties/Treaties/Denmark.pdf> (дата обращения: 05.05.2026).

³ Navigational Regimes of Particular Straits, Baltic Straits (The Oresund and the Belts) case study, URL: <https://iilss.net/navigational-regimes-of-particular-straits-baltic-straitsthe-oresund-and-the-belts-case-study/> (дата обращения: 29.01.2026).

рез Балтийские (Датские) проливы, а также обеспечивать всем судам беспрепятственный проход через проливы, при этом никакое судно не может подвергаться задержанию или остановке (ст. 1).

Проблемные аспекты судоходства в Балтийском море

Проблема обеспечения свободы судоходства в современном мире приобретает особую актуальность, причем в различных частях Мирового океана.

В Морской доктрине РФ среди основных угроз национальной безопасности и устойчивому развитию РФ в регионе Балтийского моря указана попытка ограничения доступа РФ к ресурсам Мирового океана и жизненно важным морским транспортным коммуникациям, а также попытки ряда государств изменить действующие правовые режимы морских пространств и проливов, используемых для международного судоходства, в интересах достижения собственных геополитических целей (п. 22).

Свобода судоходства представляет собой старейший и важнейший принцип международного морского права [3]. Согласно ст. 87 Конвенции ООН 1982 г. свобода судоходства выступает в качестве одной из свобод открытого моря. Согласно Конвенции к открытому морю относится часть моря, которая не входит ни в исключительную экономическую зону (ИЭЗ), ни в территориальное море или внутренние воды какого-либо государства, ни в архипелажные воды государства-архипелага (ст. 86). Однако принцип свободы судоходства соблюдается и в иных морских пространствах: так, в ИЭЗ он действует в том же объеме, что и в открытом море, тогда как в территориальном море он реализуется через право мирного прохода [4, с. 99].

В настоящее время со стороны ряда политиков государств — членов ЕС в регионе Балтийского моря постоянно звучат призывы по ограничению судоходства российских судов, а также судов, перевозящих российские энергоресурсы.

В рамках указанной кампании активно продвигается нарратив о «российском теневом флоте». Однако использование данного термина применительно к судам, перевозящим российскую нефть, представляет собой подмену понятий, искажая смысл, закрепленный в документах Международной морской организации (ИМО). В Резолюции A.1192(33) от 6 декабря 2023 г.¹ понятие «теневой флот» (dark fleet / shadow fleet) применяется исключительно к судам, участвующим в незаконных операциях с целью обхода санкций, нарушающим требования безопасности или охраны окружающей среды, избегающих страховых расходов или участвующих в других незаконных действиях.

В отношении судов, перевозящих российскую нефть, следует отметить, что они, как правило, используют «удобные» флаги, не взаимодействуют с портами ЕС и не подпадают под действие санкционного законодательства ЕС и «Группы семи». Осуществляя перевозку российской нефти, указанные суда не нарушают норм международного права и национального законодательства большинства государств мира, тем более они не нарушают режим международных санкций, поскольку в от-

¹ Resolution A.1192(33) Adopted on 6 December 2023 (Agenda item 13) Urging Member States and All Relevant Stakeholders to Promote Actions to Prevent Illegal Operations in the Maritime Sector by the «Dark Fleet» or «Shadow Fleet», *International Maritime Organization*, URL: [https://www.wcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/AssemblyDocuments/A.1192\(33\).pdf](https://www.wcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/AssemblyDocuments/A.1192(33).pdf) (дата обращения: 26.10.2025).

ношении России не действует ни одна международная санкция [5, с. 53]¹. Более того, находясь в территориальных водах стран ЕС, такие суда также не нарушают односторонние санкции ЕС, поскольку Регламент №833/2014 не имеет экстерриториального действия и устанавливает запрет на заход в порты стран ЕС, а также на оказание услуг таким судам компаниями из ЕС.

Кроме того, в политической и экспертной среде искусственно создается многократно тиражируемое представление, согласно которому в так называемый «российский теневой флот» входят старые и ненадежные танкеры, владельцы которых нарушают правила безопасности [6]. Вполне очевидно, что среди танкеров, перевозящих российскую нефть, есть старые суда, а судовладельцы могут нарушать правила судоходства. Однако такие явления характерны практически для любых судовладельцев. Поэтому такое обобщение применительно ко всем судам так называемого «российского теневого флота» представляется неверным. В любом случае выводы о техническом состоянии и соблюдении правил судоходства могут быть сделаны исключительно на основании индивидуальной оценки применительно к конкретной ситуации.

Использование понятия «российский теневой флот» обусловлено тем, что указанные суда осуществляют транспортировку нефти, не соблюдая так называемый потолок цен на российскую нефть (oil price cap), введенный в одностороннем порядке ЕС в координации со странами «Группы семи» [7, с. 29]. В ст. 3п Регламента Совета №833/2014 установлен запрет на осуществление торговли, брокерской деятельности или транспортировки в третьи страны сырой нефти или нефтепродуктов, которые происходят из России или были экспортированы из России, а также на оказание любых услуг, связанных с указанной выше деятельностью, если закупочная цена такой продукции не превышает установленного потолка (первоначально этот потолок был установлен на уровне 60 долл. США за баррель).

Сами по себе меры по установлению потолка цен на нефть по сделкам, где участвуют третьи лица, представляют собой вмешательство в дела третьих стран и с позиции международного права являются незаконными. Однако ЕС стремится побудить все остальные страны мира их соблюдать. С этой целью ЕС ввел ограничительные меры в отношении различных судов, работающих в интересах РФ, включая те, которые перевозят российскую нефть без учета потолка цен (ст. 3s (2) b). Согласно ст. 3s Регламента №833/2014 установлен запрет на оказание любых услуг судам, причисленным к так называемому «российскому теневому флоту» (приложение XLII к Регламенту). В настоящее время в указанном списке числятся более 650 судов. Иными словами, причиной включения судна в состав «теневого флота» выступают не факты нарушения правил судоходства, а то, что они участвуют в правомерной деятельности по транспортировке российской нефти или иных товаров, которая не соответствует политическим интересам ЕС.

Таким образом, Регламент №833/2014 запрещает компаниям из ЕС производить транспортировку российской нефти, а также оказывать услуги иным лицам, осуществляющим указанную деятельность. Значит, сама транспортировка нефти из России в третьи страны, осуществляемая иностранными компаниями, формально не противоречит праву ЕС.

¹ Следует различать международные санкции, принимаемые Советом Безопасности ООН, и односторонние ограничительные меры (санкции), принимаемые отдельными государствами или группой государств. Так, режим международных санкций может вводиться лишь Советом Безопасности ООН на основании главы VII Устава ООН в целях поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Такие санкции являются вертикальными, тогда как ограничительные меры других государств или их групп — горизонтальными, или односторонними.

Следует отметить, что включение судна в санкционный перечень ЕС ограничивает деятельность указанного судна только на территории, подпадающей под суверенитет ЕС. За пределами ЕС, в том числе в акватории ИЭЗ, такие суда могут свободно осуществлять проход, а также иные виды деятельности.

Несмотря на введенные ограничения, танкеры продолжают перевозить российскую нефть без учета так называемого потолка цен, что вызывает недовольство со стороны некоторых стран ЕС. В этой связи в общественном пространстве стали активно продвигаться идеи о необходимости досмотра и задержания судов, включенных в санкционный список ЕС. Более того, в последнее время участились случаи задержания или попыток задержания судов, которые имели место в акватории Балтийского моря и за его пределами. Однако именно в Балтийском море указанная проблема приобрела особую актуальность ввиду особого значения данного региона, а также того факта, что представители стран Балтийского региона проводят достаточно жесткую по отношению к «теневому флоту» политику [8].

В этой связи все более остро встает вопрос о правомерности уже совершенных или потенциально возможных действий по ограничению судоходства на Балтике.

Действующее международное морское право допускает возможность остановки и осмотра иностранных торговых судов как в территориальном море, так и за его пределами. Такое право прибрежного государства в территориальном море напрямую следует из ст. 25 Конвенции ООН 1982 г. Кроме того, в соответствии со ст. 27 Конвенции прибрежное государство вправе реализовывать уголовную юрисдикцию на борту иностранного судна, что включает в себя возможность проведения осмотра с последующим задержанием. Вместе с тем данные права прибрежного государства в территориальном море ограничены: уголовная юрисдикция на борту иностранного судна может осуществляться лишь в ряде случаев, предусмотренных в ст. 27 Конвенции, тогда как реализация гражданской юрисдикции подчиняется ряду требований относительно допустимых мер недискриминационного характера и освобождения судна после задержания. Несмотря на действующий суверенитет прибрежного государства в территориальном море, его права ограничены необходимостью соблюдать право мирного прохода¹, из чего и исходят рассмотренные выше положения Конвенции.

Право остановки и осмотра в открытом море подвержено еще более существенным ограничениям. Так, согласно ст. 110 Конвенции ООН 1982 г. в открытом море военный корабль может произвести проверку на флаг при наличии объективных сомнений в национальной принадлежности судна, а также подозрений в участии судна в пиратстве, работорговле или несанкционированном вещании. В силу ст. 58 Конвенции аналогичные права могут быть реализованы и в ИЭЗ. Кроме того, в акватории ИЭЗ прибрежное государство может осуществлять досмотр, инспекцию, арест и судебное разбирательство, которые могут быть необходимы для обеспечения соблюдения законов и правил в части осуществления прав на разведку, эксплуатацию, сохранение живых ресурсов (ст. 73). Рассмотренный правовой режим ИЭЗ значительно отличается от такового в территориальном море, поскольку в нем прибрежное государство наделено суверенными правами и юрисдикцией, а не полноценным суверенитетом². Ввиду данных обстоятельств основания для задержания судна ограничены еще более существенно.

¹ Гудев, П., Поливач, А. 2025, Борьба с теневым флотом на Балтике. Правовые и институциональные ограничения, *Россия в глобальной политике*, 18.03.2025, URL: <https://globalaffairs.ru/articles/baltika-gudev-polivach/> (дата обращения: 05.05.2026).

² Там же.

Приведенные примеры демонстрируют, что государства действительно обладают полномочиями по осмотру, задержанию и применению иных административных мер в отношении иностранного судна. Вместе с тем данные полномочия не могут реализовываться произвольно и требуют наличия объективных фактов, подтверждающих, что судно нарушило те или иные требования международной морской безопасности. Важно упомянуть, что в любых случаях произвольного задержания либо осмотра и задержания, не подтверждающих имеющиеся подозрения, судовладелец вправе требовать возмещения возникших в ходе вынужденного простоя убытков от ответственного государства (п. 3 ст. 110 Конвенции ООН 1982 г.).

Необходимо отметить, что подавляющее большинство судов, задержанных в рамках борьбы с так называемым «теневым флотом России», не имеет прочной юридической связи с Россией. Так, практически все задержанные на данный момент танкеры пользовались «удобными флагами», а их классификация и освидетельствование проводились классификационными обществами, не имеющими никакого отношения к России. Более того, такие суда могут и формально, и фактически не находиться под контролем российских лиц, а лишь оказывать услуги по транспортировке российской нефти.

В некоторых ситуациях, например при задержании танкера *Eagle S* властями Финляндии в декабре 2024 г., обнаруживается наличие страхового полиса, выданного российским страховщиком¹, однако это не подтверждает юридическую связь с Россией, кроме того, в ситуации с *Eagle S* действие страхового полиса прекратилось задолго до задержания судна.

Помимо причины задержания ключевое значение имеет правовой режим водного пространства, где происходят указанные действия. Так, в территориальном море стран ЕС судовладельцам необходимо соблюдать особую осторожность при реализации права мирного прохода: экипаж должен неукоснительно соблюдать требования прибрежного государства и правила техники безопасности, внимательно следить за указаниями администраций портов и информацией, содержащейся в лоциях. Следует отметить, что данные рекомендации не являются новшеством, связанным именно с существованием «теневого флота» — им рекомендуется следовать всем судовладельцам, не желающим привлекать внимание контролирующих органов [9], однако в случае с «теневым флотом» они приобретают особую актуальность и значимость.

За пределами территориального моря задержание судна возможно лишь в исключительных случаях, прямо предусмотренных в ст. 110 Конвенции ООН 1982 г. Задержание судна возможно лишь в случае подтверждения подозрений в совершении правонарушений, прямо указанных в Конвенции. Перевозка российской нефти в любом случае не является достаточным основанием ни для осмотра, ни тем более для задержания судна, поскольку это противоречит правовому режиму ИЭЗ и открытого моря. У прибрежных государств отсутствует суверенитет в отношении данных морских пространств. Как указывалось ранее, в ИЭЗ государства располагают лишь суверенными правами и юрисдикцией, причем преимущественно в части добычи морских живых ресурсов и полезных ископаемых, а также защиты морской среды.

Случаи задержания судов так называемого «теневого флота» имели место как в территориальном море, так и в ИЭЗ Балтийского моря. Так, 14 мая 2025 г. ВМС

¹ Bockmann, M. 2024, Finland police seize Russian-linked dark fleet tanker Eagle S in cable-cutting investigation, *Lloyd's List*, 26.12.2024, URL: <https://www.lloydslist.com/LL1151950/Finland-police-seize-Russian-linked-dark-fleet-tanker-Eagle-S-in-cable-cutting-investigation> (дата обращения: 09.02.2026).

Эстонии в ИЭЗ Финского залива попытались задержать танкер *Jaguar*, шедший в российский порт Приморск под флагом Габона¹. Возможно, эстонские власти планировали провести проверку судна на флаг на основании ст. 110 Конвенции, однако после вмешательства российского боевого самолета ВМС Эстонии отказались от дальнейших попыток остановить танкер.

Фактором, характеризующим большинство случаев задержания танкеров в 2024—2026 гг., является наличие отступлений от сложившейся нормальной морской практики и от действующих актов в сфере международного морского права, которые допускали судовладельцы задержанных судов. Как ранее указывалось, у танкера *Eagle S* отсутствовал действующий страховой полис. Кроме того, изначально задержание было осуществлено в связи с произошедшим в ИЭЗ Финляндии повреждением подводного силового кабеля *Estlink 2* якорем танкера. Хотя версия Финляндии о диверсии не подтвердилась и дело было прекращено финским судом ввиду отсутствия юрисдикции², сам по себе факт случайного повреждения кабеля протаскиванием якоря говорит о неосмотрительности экипажа и нарушении базовых правил безопасности на судне. Для расследования указанного инцидента использовалась система *Nordic Warden* («Северный страж») [10, с. 30].

Существенные нарушения были выявлены в отношении танкера Кивала, задержанного эстонскими властями в апреле 2025 г., было выявлено 40 нарушений, 29 из которых носили существенный характер (технические неполадки, отсутствие системы управления безопасностью, отсутствие документов о подготовке экипажа на случай чрезвычайных ситуаций). Подобные проблемы являются своеобразным «магнитом» для различного рода проверок, осуществляемых компетентными органами прибрежных государств.

Политика ЕС по ограничению передвижения судам, отнесенным к так называемому «теневому флоту», осуществляется не только в акватории Балтийского моря. Необходимо упомянуть задержание французскими ВМС танкера *Grinch* в январе 2026 г., которое было произведено в море Альборан. Французские власти, комментируя задержание, сообщили, что оно было осуществлено в связи с подозрениями в незаконном поднятии коморского флага³. Таким образом, Франция сослалась на ст. 110 Конвенции ООН 1982 г., поскольку задержание было произведено именно в открытом море. Вероятно, зона для задержания специально была выбрана таким образом, чтобы не возникало вопросов относительно действий французских ВМС в территориальных водах какого-либо из прибрежных государств — в море Альборан есть лишь небольшой участок открытого моря, существующий вследствие особенностей законодательства Испании в области делимитации морских пространств [11, р. 13].

Данные ситуации обнажают еще одну проблему судов: игнорирование действующих требований в части корректного применения флага, что выражается, помимо всего прочего, в использовании флагов из «черного списка». В случае с танкером *Grinch* судовладелец решил использовать флаг Коморских островов — этот флаг некоторые аналитические организации относят к «черному списку», поскольку суда,

¹ Кондратьев, А. 2025, Эстония попыталась остановить танкер в Финском заливе. Его спас российский Су-35, *Газета.ru*, 16.05.2025, URL: https://www.gazeta.ru/politics/2025/05/16/21047240.shtml?utm_auth=false&updated (дата обращения: 20.12.2025).

² Judgement of the Helsinki District Court. Ruling № 1035 6447, 03.10.2025, URL: <https://www.ejiltalk.org/wp-content/uploads/2025/11/Tuomio-asiassa-706-2025-12270-EN.pdf> (дата обращения: 05.05.2026).

³ Staalesen, A. 2026, French Navy boards shadow tanker carrying Arctic oil, *The Barents Observer*, 23.01.2026, URL: <https://www.thebarentsobserver.com/news/french-navy-boards-shadow-tanker-carrying-arctic-oil/444053> (дата обращения: 10.02.2026).

следующие под ним, чаще становятся целью проверок и задержаний¹. Вероятно, именно применение флага Коморских островов изначально привлекло внимание французских властей. Подобный подход вполне объясним, поскольку часто критикуемая в научном сообществе система присвоения судам флагов [12] требует от государств создания собственных механизмов по установлению реальной связи между судном и государством флага [13]. Представляется, что для судов подобного класса более рационально применять удобные флаги из «серого» или «белого» списка, которые не привлекают повышенного внимания со стороны портовых администраций. Именно наличие права судна на его флаг чаще всего выступает формальным поводом для его проверки за пределами территориального моря [14].

Еще более неординарная ситуация сложилась с задержанием в открытом море властями США танкера *Marinera*, поменявшим флаг непосредственно в ходе осуществления рейса. Основной причиной задержания стало нарушение режима односторонних экстерриториальных санкций США в отношении венесуэльской нефти, о чем представители США открыто заявляли. С точки зрения международного права экстерриториальные санкции являются неправомерными [15, с. 6; 16, р. 61], тем более неправомерными выступают любые принудительные действия к нарушителям таких санкций, включая задержание судов. Однако в указанной ситуации у властей США формально могли быть иные причины для задержания судна, которые заключались в подозрениях относительно подлинности флага. На момент задержания судно следовало под флагом РФ: оно было зарегистрировано в Российском международном реестре судов. В соответствии с законодательством большинства государств мира для регистрации в реестре судов необходимо осуществление процедуры классификации и освидетельствования. Согласно Кодексу торгового мореплавания Российской Федерации (КТМ РФ) судно может быть зарегистрировано в одном из реестров судов РФ только при условии проведения классификации и освидетельствования². Кроме того, классификация и освидетельствование могут проводиться лишь уполномоченными на то организациями и классификационными обществами³.

На данный момент в открытых источниках отсутствует информация о наличии такого свидетельства. Представляется, что у береговой охраны США могли быть определенные основания полагать, что судно не имеет национальности, особенно если принять во внимание действующий в США жесткий подход к досмотру судов без национальности [17, р. 110]. Вместе с тем у нее не было никаких оснований производить задержание судна, так как подтверждение наличия права плавания под флагом РФ было предоставлено российскими официальными лицами практически сразу же после задержания. Соответственно, любые дальнейшие действия США были незаконны с позиций международного морского права.

Следует отметить, что рассмотренный выше случай с задержанием судна в открытом море береговой охраной США был воспринят некоторыми странами Балтийского моря как прецедент, позволяющий им действовать аналогичным образом в отношении судов, перевозящих российскую нефть. Однако страны ЕС не обладают такими же возможностями и влиянием в мире, как США, и не всегда могут себе позволить подобные действия, тем более что в отличие от США все страны ЕС являются участниками Конвенции ООН 1982 г. Хотя ими и предпринимались

¹ Paris MoU Black List, 2024, URL: <https://parismou.org/system/files/2025-06/Paris%20MoU%20Black%20List%202024.pdf> (дата обращения: 10.02.2026).

² Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 24.06.2025), П. 1.1 ст. 37, URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22916/ (дата обращения: 10.02.2026).

³ Там же, ст. 23, 24.

попытки действовать в противовес международно-правовому смыслу Конвенции, например, запретить вход в свои территориальные воды всем судам под флагом РФ (что некоторыми исследователями рассматривалось как решение, необходимое для обеспечения стабильности международного права [18]), операция по безосновательному задержанию судна в открытом море является гораздо более существенным и прямым нарушением ее положений.

Несмотря на активное продвижение в общественном пространстве готовности стран ЕС бороться с так называемым «теневым флотом», имевшие место случаи задержания судов формально связаны с другими причинами. Как уже отмечалось выше, с точки зрения международного морского права внесение судна в санкционный список ЕС не дает странам Союза оснований для введения каких-либо принудительных мер в его отношении. Однако это выступает основанием для более пристального внимания к такому судну со стороны контрольных ведомств. Соответственно, в случае появления обстоятельств, дающих право осмотреть или даже задержать судно, такие действия сразу предпринимаются. Чаще всего такие ситуации происходят в территориальных водах стран ЕС. Нередко в ходе проверок действительно устанавливаются те или иные нарушения правил мореплавания. С учетом данных обстоятельств лучшей мерой защиты для судовладельцев, осуществляющих управление танкерами в территориальном море ЕС, является неукоснительное соблюдение всех требований в отношении безопасности мореплавания, наличие актуальных документов в области управления безопасностью, а также отсутствие требований или претензий со стороны администрации флага.

В этой связи следует разделять две ситуации: с одной стороны, это причисление судна к так называемому «теневому флоту», которое имеет исключительно политический характер и не влечет за собой никаких международно-правовых последствий, с другой — нарушение судном существующих правил судоходства, которое уже имеет правовой характер и может повлечь за собой соответствующие последствия. При этом указанные ситуации никак не взаимосвязаны друг с другом.

Подводная инфраструктура в Балтийском море

По дну Балтийского моря проложена разветвленная подводная инфраструктура в виде телекоммуникационных и электрических кабелей, а также магистральных трубопроводов, которые принадлежат компаниям из стран ЕС и России. Согласно Морской доктрине РФ, утвержденной Указом президента РФ от 31.07.2022 г. № 512, в качестве одного из приоритетов российской политики на Балтике указано дальнейшее развитие в интересах экспорта системы подводных трубопроводов, обеспечение их эффективного и безопасного функционирования (п. 56 (2)).

Вместе с тем текущая политическая напряженность в регионе диктует новые условия эксплуатации данной инфраструктуры. Так, в сентябре 2022 г. была совершена диверсия, в результате которой были уничтожены обе нитки газопровода «Северный поток-1» и одна нитка газопровода «Северный поток-2». Диверсия носила беспрецедентный характер и практически сразу вызвала опасения относительно безопасности иной подводной инфраструктуры.

С 2023 г. и по настоящий момент был зафиксирован целый ряд повреждений кабелей, проходящих по дну Балтийского моря [19]. При этом пострадавшими от указанных повреждений были как компании из ЕС, так и российские компании: к примеру, 8 февраля 2025 г. были повреждены участки подводной волоконно-оптической линии связи, принадлежащей компании «Ростелеком» [20].

Проблема повреждения подводной инфраструктуры имеет общий характер, такие случаи происходят по всему миру [21], однако в силу ряда политических причин ситуация в Балтийском море занимает особое место.

Ситуация с повреждением подводной инфраструктуры порождает целый комплекс проблем, включая проблемы правового характера. Как правило, подводная инфраструктура проходит через различные водные пространства, относящиеся к разным государствам, а также через открытое море. В связи с этим возникают вопросы определения государства, обладающего юрисдикцией по расследованию данных правонарушений, механизма возмещения убытков, мер по охране и предупреждению противоправных действий, а также возможности использования мер принуждения в акватории, выходящей за пределы территориального моря. Конвенция ООН 1982 г. гарантирует всем странам свободу прокладки кабелей и трубопроводов (ст. 58, 87 Конвенции) [22] как в открытом море, так и в пределах ИЭЗ, однако не содержит соответствующих современным вызовам достаточных механизмов защиты прав государств. Это наглядно продемонстрировала ситуация с подрывами «Северных потоков». Заключенная еще в XIX в. и действующая по сей день Конвенция по охране подводных телеграфных кабелей¹ содержит общие положения об ответственности, но вряд ли может служить адекватным правовым инструментом в современных условиях.

Если повреждение подводных кабелей могло быть связано с непреднамеренными действиями и эти действия не привели к крупному ущербу, то подрыв «Северных потоков» имел умышленный характер, нанес существенный вред окружающей среде, а также привел к многомиллиардным убыткам как для оператора, так и для поставщика и потребителя газа. Несмотря на это, именно разрыв телекоммуникационных кабелей, а не диверсия на Северных потоках заставила страны ЕС искать пути защиты подводной инфраструктуры. В начале 2025 г. восемь стран НАТО объявили о начале операции «Балтийский часовой» (*Baltic Sentry*) по патрулированию акватории Балтийского моря с целью защиты энергообъектов и критической подводной инфраструктуры². Данный вопрос также был увязан с мерами по борьбе с так называемым «теневым флотом», в том числе в акватории, выходящей за пределы территориального моря стран ЕС. В публичном пространстве стала продвигаться мысль о том, что именно суда так называемого «теневого флота» преднамеренно повреждают подводную инфраструктуру³, однако никаких доказательств представлено не было.

Одновременно в экспертном сообществе был начат поиск юридических оснований для борьбы с «российским теневым флотом» и преднамеренного повреждения подводной инфраструктуры. Иными словами, решение правовой проблемы приобрело чисто политический характер. В научной литературе можно встретить даже попытки оправдания диверсий на «Северные потоки» с позиций международного права [23, р. 57]. В западной правовой доктрине началось формирование позиции, обосновывающей расширение полномочий прибрежных государств по задержанию и аресту судов за действия, которые якобы представляют угрозу международному

¹ Международная конвенция по охране подводных телеграфных кабелей. Париж, 14.03.1884, URL: <https://docs.cntd.ru/document/901786544> (дата обращения: 10.02.2026).

² Joint Statement of the Baltic Sea NATO Allies Summit, 2025, *Tasavallan Presidentti*, 14.01.2025, URL: <https://www.presidentti.fi/joint-statement-of-the-baltic-sea-nato-allies-summit/> (дата обращения: 20.03.2026).

³ Whitaker, B., de Granados, O. Z., Chasan, A., Gordon, E. 2025, Authorities investigate possible Russian “hybrid warfare” after oil tanker cuts undersea cables, *CBS News*, 28.09.2025, URL: <https://www.cbsnews.com/news/eagle-s-baltic-cut-cable-investigation-russia-ties-60-minutes/> (дата обращения: 20.03.2026).

миру и безопасности [24, с. 88]. Некоторые исследователи даже принимали попытки квалифицировать повреждение подводной инфраструктуры как акт пиратства, хотя данная позиция противоречит Конвенции ООН по морскому праву [25, с. 92]. Однако идея с расширением полномочий прибрежных государств за пределами территориального моря не находит убедительных обоснований в нормах действующего международного морского права.

В таких позициях можно усмотреть попытку найти юридические механизмы, позволяющие под видом защиты подводной инфраструктуры решить политические задачи. В данной ситуации выработка общих юридических механизмов защиты подводной инфраструктуры вряд ли возможна.

Политические разногласия не должны быть препятствием для решения реальной проблемы обеспечения безопасности подводной инфраструктуры. Текущая ситуация показывает, что правовые механизмы защиты подводной инфраструктуры должны одновременно содержать гарантии по недопущению использования прибрежными государствами своих полномочий для достижения политических или коммерческих целей.

Добыча общераспространенных полезных ископаемых и дноуглубительная деятельность

На шельфе Балтийского моря прибрежные государства осуществляют различную деятельность, в том числе добычу общераспространенных полезных ископаемых, таких как песок и песчано-гравийная смесь. Указанная деятельность чаще всего происходит в пределах внутренних вод и территориального моря, в связи с этим она в меньшей степени зависит от международного сотрудничества.

Однако при добыче общераспространенных полезных ископаемых возникают правовые проблемы внутреннего характера. В частности, российское законодательство предусматривает достаточно сложную процедуру получения лицензии для добычи общераспространенных полезных ископаемых, требующей согласования со стороны Федерального агентства по рыболовству, Федерального агентства по недропользованию и Правительства РФ. Согласно требованиям ФЗ «О континентальном шельфе» и ФЗ «О недрах» добычу песка могут осуществлять только предприятия, имеющие опыт освоения континентального шельфа не менее чем 5 лет и доля РФ в уставном капитале которых составляет более 50 %¹. Это существенно сужает круг лиц, имеющих право на осуществление данной деятельности.

Перечень участков недр федерального значения содержит всего одно месторождение в Калининградской области — на Западном участке месторождения Рыбачье². При этом Калининградская область остро нуждается в независимом и стабильном источнике песка и гравия для строительства и намыва пляжей. Хотя ресурсообеспеченность региона и считается высокой [26, с. 104], в связи с растущими темпами строительства в Калининградской области существующие месторождения вскоре могут перестать его обеспечивать.

Процесс получения лицензии на добычу общераспространенных полезных ископаемых в Балтийском море представляется излишне сложным. Нерациональным видится требование в части опыта и формы собственности заявителя. Добыча пе-

¹ Закон РФ «О недрах» от 21.02.1992 г. № 2395-1, П. 3 ст. 9, URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343/bc0a0696165f6d59cd074f61479ec17e862c5211/ (дата обращения: 01.03.2026).

² Перечень участков недр федерального значения, URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=508526#4Ry6lBVofkMgUdwj> (дата обращения: 01.03.2026).

ска со дна моря представляет собой разновидность гидротехнических, дноуглубительных работ, и в данном смысле значение имеет не опыт работ на шельфе, а опыт выполнения дноуглубительных работ, то есть реальная компетенция лица в эксплуатации земснарядов и иных технических единиц дноуглубительного флота. Неверно ограничивать список потенциальных лицензиатов лишь государственными компаниями, так как ни одна из них не обладает необходимым и достаточным опытом выполнения дноуглубительных работ, равно как не располагает собственным дноуглубительным флотом.

При оформлении тех или иных разрешений необходимо учитывать возможные последствия добычи общераспространенных полезных ископаемых для окружающей среды, в частности для экосистем дна Балтики, поскольку подобное вмешательство может негативным образом сказаться на их состоянии. Другим важным фактором является необходимость обязательного учета эрозии — любое изменение ландшафта дна может привести к изменению карты течений, и море начнет подмывать берег в тех местах, где ранее не наблюдалось никаких проблем с формированием береговой линии [27].

Активная хозяйственная деятельность неизбежно приводит к ухудшению экологической обстановки в Балтийском море. Так, недавние оценки экологического состояния Балтийского моря, проводившиеся Хельсинской комиссией по защите морской среды Балтийского моря (*HELCOM*, ХЕЛКОМ), выявили множество проблем: от чрезмерной эвтрофикации (насыщения акватории биогенными элементами, что приводит к бурному развитию водорослей и появлению ядовитых цианобактерий) до наличия высоких концентраций тяжелых металлов (ртуть, свинец, кадмий) в биоте моря¹. С марта 2022 г. участие России в ХЕЛКОМ приостановлено. Тогда же Международный совет по исследованию моря (*ICES*, ИКЕС) приостановил участие РФ в своей работе, и Конвенция ИКЕС была денонсирована Россией. Заморозка международного сотрудничества повышает риски и снижает эффективность от любой хозяйственной деятельности [28].

Приостановка взаимодействия в рамках региональных форматов и организаций выступает существенным фактором, оказывающим негативное воздействие на состояние биологических ресурсов в Балтийском море. В результате приостановки участия России в работе ХЕЛКОМ указанная организация не получает и, соответственно, не учитывает в своих обзорах данные о состоянии среды Балтийского моря из России. Из-за замкнутого характера этого моря и, как следствие, крайне медленного водообмена с Мировым океаном [29, с. 167] любые меры по защите морской среды могут принести пользу лишь в том случае, если они применяются всеми прибрежными государствами. Несмотря на то что планы действий ХЕЛКОМ зачастую не могут быть исполнены в установленный срок [30, с. 109], а также на некоторые проблемы эффективности процесса принятия решений [31], эта организация все равно является достаточно важной дискуссионной и научно-исследовательской площадкой, оказывающей значительное влияние на экологическое состояние Балтийского моря. В любом случае политические противоречия не должны становиться препятствием для реализации международно-правовых механизмов защиты окружающей среды в Балтийском регионе.

Таким образом, конфронтационная политика и прекращение сотрудничества уже оказали и продолжают оказывать существенное негативное влияние на экологию

¹ State of the Baltic Sea, The HELCOM Holistic Assessment 2016—2021, URL: <https://stateofthebalticsea.helcom.fi/wp-content/uploads/2023/10/Executive-summary-chapter.pdf> (дата обращения: 01.03.2026).

гическую обстановку. Умышленное и неумышленное разрушение подводной инфраструктуры, активизация военной активности и прочие факторы существенно подрывают экосистему Балтики.

Заключение

Обеспечение свободы судоходства на Балтике имеет стратегическое значение для России. Политическая напряженность со странами ЕС и НАТО, а также введение односторонних ограничительных мер создают дополнительные трудности для судоходства по Балтике российских судов, а также судов третьих стран, перевозящих российские товары, включая нефть и нефтепродукты.

Однако, несмотря на политическое и экономическое давление, судоходство, а также иная хозяйственная деятельность России на Балтике продолжается.

С позиции международного права односторонние санкции ЕС в отношении российской нефти, а также судов так называемого «теневого флота» не имеют серьезных правовых последствий для деятельности по транспортировке российской нефти. Указанные санкции лишь ограничивают доступ к услугам, которые оказываются на территории ЕС. В этой связи угрозы по ограничению судоходства, связанного с транспортировкой российской нефти, не имеют под собой правовой почвы. Иными словами, тот факт, что судно перевозит российскую нефть в нарушение односторонне установленного потолка цен не является достаточным основанием для страны ЕС задерживать его или каким-либо образом ограничивать его движение, даже если оно находится в территориальных водах. Однако в рамках борьбы с «теневым флотом» страны ЕС стали уделять более пристальное внимание указанным судам с целью выявления иных нарушений, которые могут создать правовые основания для ограничения судоходства. Иными словами, внешне такая деятельность выглядит как борьба с «теневым флотом», а с правовой точки зрения чаще всего представляет собой реализацию полномочий по выявлению различных нарушений правил судоходства, которые никак не связаны с транспортировкой российской нефти.

Неблагоприятная политическая обстановка также существенно осложняет деятельность по использованию ресурсов Балтийского моря. Кроме того, текущая политическая ситуация привела к повреждению или уничтожению подводной инфраструктуры, беспрецедентным примером чего послужила диверсия на «Северных потоках». Действующее международное право не содержит эффективных механизмов, позволяющих обеспечивать защиту подводной инфраструктуры. В связи с этим необходима выработка общих подходов к решению данной проблемы, чему мешает текущая конфронтация в регионе и мире.

Несмотря на достаточно высокую степень эскалации и громкие заявления политиков, в настоящее время страны Балтийского моря стараются действовать в рамках существующих международных норм, правда, нередко позволяя слишком широкую трактовку тех или иных правил. Международное морское право действует и может служить основой для выстраивания нормальных взаимодействий, а также выработки правовых решений в отношении новых вызовов.

Список литературы

1. Лебедева, О.В. 2021, Ништадтский мир и его роль в становлении российской государственности в период с 1721 по 1917 гг., *Вестник МГИМО-Университета*, т. 14, № 6, с. 49—70, EDN: QSPUIY, <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-6-81-49-70>
2. Золов, А.В. 2020, «Русским нужен незамерзающий порт на Балтике» (К вопросу об истории передачи Кёнигсберга Советскому Союзу), в: Кретинин, Г.В., Давиденко, А.А., Мегем, М.Е. (ред.), *В боях за Восточную Пруссию. 75 лет Великой Победе!*, Калининград, с. 149—170, EDN: QGWAPP

3. Wolfrum, R. 2009, Freedom of Navigation: New Challenges, in: Nordquist, M. H., Koh, T., Moore, J. N. (eds.), *Freedom of Seas, Passage Rights and the 1982 Law of the Sea Convention*, Martinus Nijhoff Publishers, p. 79—101, <https://doi.org/10.1163/ej.9789004173590.i-624.31>
4. Гудев, П. А. 2023, Свобода судоходства на Балтике (Риски и вызовы для Российской Федерации), *Современная Европа*, № 7 (121), с. 98—110, EDN: RYXQLH, <https://doi.org/10.31857/S0201708323070082>
5. Войников, В. В. 2025, Калининградская область в рамках санкционной политики ЕС, *Современная Европа*, № 4 (132), с. 52—63, EDN: BWIQRJ, <https://doi.org/10.7868/S3034599525040059>
6. Beckman, R., Nguyen, T., Ong, J. 2025, Possible Actions by Coastal States to Protect Their Marine Environment from Oil Tankers in the Dark Fleet, *The International Journal of Marine and Coastal Law*, vol. 40, № 1, p. 1—28, EDN: HXDHRE, <https://doi.org/10.1163/15718085-bja10219>
7. Войников, В. В. 2025, Правовые аспекты влияния ограничительных мер ЕС на Калининградскую область Российской Федерации: аналитический доклад, Калининград, 50 с., EDN: APHINN
8. Рогинко, С. А. 2025, 15-й пакет антироссийских санкций ЕС: роль Балтийско-Скандинавского макрорегиона, *Аналитические записки Института Европы РАН*, № 1 (41), с. 17—26, EDN: GYBEIH, <https://doi.org/10.15211/analytics1320251726>
9. Heij, C., Knapp, S. 2019, Shipping inspections, detentions, and incidents: an empirical analysis of risk dimensions, *Maritime Policy & Management*, vol. 46, № 7, p. 866—883, EDN: HDBMMF, <https://doi.org/10.1080/03088839.2019.1647362>
10. Гриняев, С. Н. 2025, Анализ деятельности США и НАТО по нейтрализации «теневое флота» РФ: подходы и технологии, *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 3 (45), с. 28—36, EDN: LPIRAB, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran320252836>
11. Báez, J. C., Vázquez, J.-T., Camiñas, J. A., Idrissi, M. M. (eds.). 2021, *Alboran Sea — Ecosystems and Marine Resources*, Springer Cham, 939 p., <https://doi.org/10.1007/978-3-030-65516-7>
12. Андриянов, Д. В. 2023, Международно-правовые проблемы установления реальной связи судна и государства флага: торжество формализма над содержанием?, *Журнал ВШЭ по международному праву*, т. 1, № 2, с. 54—71, EDN: JXQUMN, <https://doi.org/10.17323/jil.2023.18189>
13. Kuznietsov, S. 2021, The “Genuine link” Concept: Is It Possible to Enhance the Strength?, *Lex Portus*, vol. 7, № 6, p. 65—89, EDN: TIWOZZ, <https://doi.org/10.26886/2524-101X.7.6.2021.3>
14. Lewis, A. 2015, Flag Verification on the High Seas: Understanding Requirements for Masters and Commanders, *The International Journal of Marine and Coastal Law*, vol. 30, № 2, p. 335—360, <https://doi.org/10.1163/15718085-12341352>
15. Boklan, D. S., Koval, V. V. 2024. Unilateral Sanctions under International Law and Effectiveness of Blocking, *Moscow Journal of International Law*, № 1, с. 6—23, EDN: MLJGHG, <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-6-23>
16. Schmidt, Ju. 2022, The Legality of Unilateral Extra-territorial Sanctions under International Law, *Journal of Conflict and Security Law*, vol. 27, № 1, p. 53—81, EDN: ZKPOMM, <https://doi.org/10.1093/jcsl/krac005>
17. Norris, A. 2025. Rudderless and Adrift: States’ Unwarranted Timidity Respecting Stateless Vessels, *International Law Studies*, vol. 106, p. 102—115.
18. Lewis, R. 2025. The ‘Constitution for the Oceans’? The Law of the Sea Convention as a Living Treaty, *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 74, № 1, p. 1—31, EDN: GHQIXX, <https://doi.org/10.1017/s0020589325000120>
19. Ringbom, H. 2025, New Threats—Old Rules: Law of the Sea Issues Raised by Suspected Attacks on Submarine Infrastructure in the Baltic Sea, *Ocean Development & International Law*, vol. 56, № 3, p. 390—414, EDN: JXCHVB, <https://doi.org/10.1080/00908320.2025.2534621>
20. Колесникова, М. Л. 2026, Инициативы ЕС 2026 года по обеспечению безопасности подводных кабелей: Балтийско-Скандинавский макрорегион, *Аналитические записки Института Европы РАН*, № 1 (45), с. 73—81, EDN: QUPOHU, <https://doi.org/10.15211/analytics11020267381>

21. Lott, A. 2025, Conventional Jurisdictional Approaches to Protecting Submarine Cables and Pipelines, *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 74, № S1, p. 63—84, EDN: JPNVZF, <https://doi.org/10.1017/s0020589325101164>
22. Sun, Z. 2025, Coastal State Rights and the Freedom of the Laying of Submarine Cables and Pipelines, in: Sun, Z. (ed.), *Finding a Balance in the Exclusive Economic Zone: Conflict and Stability in the Law of the Sea*, Cambridge, p. 142—198, <https://doi.org/10.1017/9781009471329>
23. Pedrozo, P. 2025, Safeguarding Submarine Cables and Pipelines in Times of Peace and War, *International Law Studies*, vol. 106, p. 44—65.
24. Гудев, П. А., Поливач, А. П. 2025, Всем выйти из тени! *Россия в глобальной политике*, т. 23, № 4 (134), с. 70—88, EDN: UYDNSC, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-4-70-88>
25. Гудев, П. А., Офицеров-Бельский, Д. В. 2025, Защита и милитаризация подводной инфраструктуры в акватории Балтийского моря: проблемный дискурс, правовые аспекты и практические шаги, *Пути к миру и безопасности*, № 1 (68), с. 87—105, EDN: VKOZZA, <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2025-1-87-105>
26. Машевская, Л. А., Харин, Г. С., Ерошенко, Д. В., Жуковская, И. П. 2015, Экзарационное происхождение котловин Центральной Балтики и роль ледникового материала в формировании полезных ископаемых Калининградской области, в: Жуковская, И. П., Поплавская, Л. Г., Шидловская, Ю. А. (ред.), *Проблемы изучения и охраны природного и культурного наследия национального парка «Куриская коса»*: сборник научных статей, Калининград, с. 92—105, EDN: YJEYWL
27. Ялтанец, И. М., Мясков, А. В., Дробаденко, В. П., Пастихин, Д. В. 2018, Проблемы освоения месторождений твердых полезных ископаемых дна морей и океанов, *Гидротехническое строительство*, № 11, с. 8—15, EDN: YOYMVV
28. Колесникова, М. Л. 2024, Возможные риски для рыболовства России в Балтийском море (аспект Евросоюза), *Аналитические записки ИЕ РАН*, № 26 (358), с. 28—35, EDN: ISXHFZ, <https://doi.org/10.15211/analytics42620242835>
29. Ежова, Т. Г. 2012, Сотрудничество России и Европейского Союза в области охраны морской среды Балтийского моря от загрязнения, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*, № 3, с. 166—173, EDN: OWMTCF
30. Минин, В. Б. 2020, К новому плану действий ХЕЛКОМ по защите Балтийского моря, *АгроЭкоИнженерия*, № 1, с. 108—122, EDN: NUOIAY, <https://doi.org/10.24411/0131-5226-2020-10260>
31. Кулаковская, В. А. 2025, Совершенствование управления трансграничными водными объектами на примере Балтийского моря, *Проблемы теории и практики управления*, № 10, с. 34—45, EDN: XLAVEC

Об авторах

Вадим Валентинович Войников, доктор юридических наук, профессор кафедры интеграционного права и прав человека, МГИМО МИД России, Россия; профессор Высшей школы права, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-1495-3227>

E-mail: voinicov@yandex.ru

Иван Вячеславович Дыханов, аспирант Высшей школы права, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия; юрисконсульт, ООО «Балтийская морская дноуглубительная компания», Россия.

<https://orcid.org/0009-0003-5340-9256>

E-mail: dykahnov39@gmail.com

INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF THE FREEDOM OF NAVIGATION AND ECONOMIC ACTIVITIES IN THE BALTIC SEA

V. V. Voynikov^{1, 2}

I. V. Dykhanov²

¹ MGIMO University,
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

² Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Received 29 March 2026

Accepted 15 May 2026

doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-3

© Voynikov V. V., Dykhanov I. V., 2026

Freedom of navigation and the peaceful use of maritime spaces are among the most complex issues in contemporary international maritime law, as they involve the interests of states, economic actors, and international organisations. These issues have gained particular relevance in the twenty-first century in the context of growing geopolitical tensions and the increasing use of hybrid methods in interstate confrontation. Their consequences are especially evident in the Baltic Sea, where incidents involving damage to underwater infrastructure, acts of sabotage, vessel detentions, and restrictions affecting navigation and economic activity have become increasingly frequent. This article aims to examine the legal nature of restrictions on navigation and economic activities in the Baltic Sea and to identify possible legal approaches to overcoming them. To achieve this objective, the authors analyse the international legal framework governing maritime space, freedom of navigation, and economic activity at sea. Particular attention is paid to the assessment of incidents involving vessel detentions and damage to underwater infrastructure in the Baltic Sea, as well as to the legal implications of these developments for the exercise of navigational rights and maritime economic activities. The study concludes that, despite the unprecedented level of political tension in the region, the law of the sea remains the principal legal framework governing navigation and economic activity in the Baltic Sea. It continues to provide the normative basis for balancing the interests of coastal states and other users of maritime spaces and remains the primary mechanism for regulating maritime relations in the region.

Keywords:

the law of the sea, underwater infrastructure, the Baltic Sea, freedom of navigation, shadow fleet

References

1. Lebedeva, O. V. 2021, The Nystadt Peace and its Role in the Formation of Russian Statehood from 1721 to 1917, MGIMO Review of International Relations, vol. 14, №6, p. 49—70 (in Russ.), EDN: QSPUIY, <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-6-81-49-70>
2. Zolov, A. V. 2020, “The Russians need an ice-free port on the Baltic” (On the history of the transfer of Königsberg to the Soviet Union), in: Kretinin, G. V., Davidenko, A. A., Megem, M. E. (eds.), In the battles for East Prussia. 75 years of the Great Victory!, Kaliningrad, p. 149—170 (in Russ.), EDN: QGWAPP
3. Wolfrum, R. 2009, Freedom of Navigation: New Challenges, in: Nordquist, M. H., Koh, T., Moore, J. N. (eds.), Freedom of Seas, Passage Rights and the 1982 Law of the Sea Convention, Martinus Nijhoff Publishers, p. 79—101, <https://doi.org/10.1163/ej.9789004173590.i-624.31>

4. Gudev, P. A. 2023, Freedom of Navigation in the Baltic (Risks and Challenges for the Russian Federation), *Contemporary Europe*, № 7 (121), p. 98—110 (in Russ.), EDN: RYXQLH, <https://doi.org/10.31857/S0201708323070082>
5. Voynikov, V. V. 2025, Kaliningrad Region in the Framework of EU Sanction Policy, *Contemporary Europe*, № 4 (132), p. 52—63 (in Russ.), EDN: BWIQJR, <https://doi.org/10.7868/S3034599525040059>
6. Beckman, R., Nguyen, T., Ong, J. 2025, Possible Actions by Coastal States to Protect Their Marine Environment from Oil Tankers in the Dark Fleet, *The International Journal of Marine and Coastal Law*, vol. 40, № 1, p. 1—28, EDN: HXDHRE, <https://doi.org/10.1163/15718085-bja10219>
7. Voynikov, V. V. 2025, Legal aspects of the impact of EU restrictive measures on the Kaliningrad region of the Russian Federation: an analytical report, Kaliningrad, 50 p. (in Russ.), EDN: APHINN
8. Roginko, S. A. 2025, The 15th package of EU anti-Russian sanctions: the role of Baltic-Scandinavian macroregion, *Analytical papers of the Institute of Europe RAS*, № 1 (41), p. 17—26 (in Russ.), EDN: GYBEIH, <https://doi.org/10.15211/analytics1320251726>
9. Heij, C., Knapp, S. 2019, Shipping inspections, detentions, and incidents: an empirical analysis of risk dimensions, *Maritime Policy & Management*, vol. 46, № 7, p. 866—883, EDN: HDBMMF, <https://doi.org/10.1080/03088839.2019.1647362>
10. Grinyaev, S. N. 2025, Analysis of US and NATO efforts to neutralize Russia's «shadow fleet»: approaches and technologies, *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, № 3 (45), p. 28—36 (in Russ.), EDN: LPIRAB, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran320252836>
11. Báez, J. C., Vázquez, J.-T., Camiñas, J. A., Idrissi, M. M. (eds.). 2021, *Alboran Sea — Ecosystems and Marine Resources*, Springer Cham, 939 p., <https://doi.org/10.1007/978-3-030-65516-7>
12. Andriyanov, D. V. 2023, International Legal Problems of Establishing a Genuine Link between the Ship and the Flag State: the Triumph of Formalism over Content?, *HSE University Journal of International Law*, vol. 1, № 2, p. 54—71 (in Russ.), EDN: JXQUMN, <https://doi.org/10.17323/jil.2023.18189>
13. Kuznietsov, S. 2021, The “Genuine link” Concept: Is It Possible to Enhance the Strength?, *Lex Portus*, vol. 7, № 6, p. 65—89, EDN: TIWOZZ, <https://doi.org/10.26886/2524-101X.7.6.2021.3>
14. Lewis, A. 2015, Flag Verification on the High Seas: Understanding Requirements for Masters and Commanders, *The International Journal of Marine and Coastal Law*, vol. 30, № 2, p. 335—360, <https://doi.org/10.1163/15718085-12341352>
15. Boklan, D. S., Koval, V. V. 2024. Unilateral Sanctions under International Law and Effectiveness of Blocking, *Moscow Journal of International Law*, № 1, p. 6—23, EDN: MLJGHG, <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-6-23>
16. Schmidt, Ju. 2022, The Legality of Unilateral Extra-territorial Sanctions under International Law, *Journal of Conflict and Security Law*, vol. 27, № 1, p. 53—81, EDN: ZKPOMM, <https://doi.org/10.1093/jcsl/krac005>
17. Norris, A. 2025. Rudderless and Adrift: States' Unwarranted Timidity Respecting Stateless Vessels, *International Law Studies*, vol. 106, p. 102—115.
18. Lewis, R. 2025. The ‘Constitution for the Oceans’? The Law of the Sea Convention as a Living Treaty, *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 74, № 1, p. 1—31, EDN: GHQIXX, <https://doi.org/10.1017/s0020589325000120>
19. Ringbom, H. 2025, New Threats—Old Rules: Law of the Sea Issues Raised by Suspected Attacks on Submarine Infrastructure in the Baltic Sea, *Ocean Development & International Law*, vol. 56, № 3, p. 390—414, EDN: JXCHVB, <https://doi.org/10.1080/00908320.2025.2534621>
20. Kolesnikova, M. L. 2026, EU's 2026 initiatives to ensure the security of submarine cables: Baltic-Scandinavian macroregion, *Analytical papers of the Institute of Europe RAS*, № 1 (45), p. 73—81 (in Russ.), EDN: QUPOHU, <https://doi.org/10.15211/analytics11020267381>
21. Lott, A. 2025, Conventional Jurisdictional Approaches to Protecting Submarine Cables and Pipelines, *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 74, № S1, p. 63—84, EDN: JPNVZF, <https://doi.org/10.1017/s0020589325101164>
22. Sun, Z. 2025, Coastal State Rights and the Freedom of the Laying of Submarine Cables and Pipelines, in: Sun, Z. (ed.), *Finding a Balance in the Exclusive Economic Zone: Conflict and Stability in the Law of the Sea*, Cambridge, p. 142—198, <https://doi.org/10.1017/9781009471329>

23. Pedrozo, P. 2025, Safeguarding Submarine Cables and Pipelines in Times of Peace and War, *International Law Studies*, vol. 106, p. 44—65.

24. Gudev, P. A., Polivach, A. P. 2025, Everyone, come out of the shadow!, *Russia in Global Affairs*, vol. 23, № 4 (134), p. 70—88 (in Russ.), EDN: UYDNSC, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-4-70-88>

25. Gudev, P. A., Ofitserov-Belsky, D. V. 2025, Protection and militarization of undersea infrastructure in the Baltic Sea: problem discourse, legal aspects, and practical steps, *Pathways to Peace and Security*, № 1 (68), p. 87—105 (in Russ.), EDN: BKOZZA, <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2025-1-87-105>

26. Mashevskaya, L. A., Harin, G. S., Eroshenko, D. V., Zhukovskaya, I. P. 2015, Exaration origin of the Central Baltic basins and the role of glacial material in the formation of minerals in the Kaliningrad region, in: Zhukovskaya, I. P., Poplavskaya, L. G., Shidlovskaya, Yu. A. (eds.), *Problems of Explore and Conservation Natural and Cultural Heritage of the Curonian Spit National Park: collection of scientific articles*, Kaliningrad, p. 92—105 (in Russ.), EDN: YJEYWL

27. Yaltanets, I. M., Myaskov, A. V., Drobadenko, V. P., Pastikhin, D. V. 2018, Issues of seabed and ocean floor solid mineral deposits development, *Hydraulic engineering construction*, № 11, p. 8—15 (in Russ.), EDN: YOYMVV

28. Kolesnikova, M. L. 2024, Possible risks for Russian fishing industry in the Baltic Sea (the EU aspect), *Analytical papers of IE RAS*, № 26 (358), p. 28—35 (in Russ.), EDN: ISXHFZ, <https://doi.org/10.15211/analytics42620242835>

29. Yezhova, T. G. 2012, EU-Russia Cooperation in the Baltic Sea Marine Environment Protection, *IKBFU's Vestnik*, № 3, p. 166—173 (in Russ.), EDN: OWMTCF

30. Minin, V. B. 2020, Towards a New HELCOM Baltic Sea Action Plan, *AgroEcoEngineering*, № 1, p. 108—122 (in Russ.), EDN: NUOIAY, <https://doi.org/10.24411/0131-5226-2020-10260>

31. Kulakovskaya, V. A. 2025, Improving the management of transboundary water bodies on the example of the Baltic Sea, *International Journal of Management Theory and Practice*, № 10, p. 34—45 (in Russ.), EDN: XLAVEC

The authors

Prof **Vadim V. Voynikov**, Department of Integration Law and Human Rights, MGIMO University, Russia; Professor, Higher School of Law, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-1495-3227>

E-mail: voinicov@yandex.ru

Ivan V. Dykhanov, PhD Student, Higher School of Law, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Legal Adviser, Baltic Maritime Dredging Company Ltd., Russia.

<https://orcid.org/0009-0003-5340-9256>

E-mail: dykahnov39@gmail.com

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

JOSKOJ

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ США В ОТНОШЕНИИ ГРЕНЛАНДИИ: ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (1941–1968)

В. В. Воротников К. О. Галкин

МГИМО МИД России,
119454, Москва, просп. Вернадского, 76

Поступила в редакцию 29.03.2026 г.
Принята к публикации 05.06.2026 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-4
© Воротников В. В., Галкин К. О., 2026

Статья посвящена формированию и эволюции политики Соединенных Штатов в отношении Гренландии в 1941–1968 гг. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить, каким образом менялось место Гренландии в системе американского внешнеполитического и оборонного планирования, а также определить роль межведомственных согласований в выработке курса Вашингтона на данном направлении. Исследование опирается на рассекреченные архивные материалы американских внешнеполитических, разведывательных и военных ведомств, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, что позволяет проследить взаимосвязь между стратегическими задачами США, логикой двусторонних отношений с Данией и развитием арктической инфраструктуры. В результате установлено, что значение Гренландии для США постепенно вышло за рамки задач локальной обороны и стало частью более широкой стратегии сдерживания Советского Союза. Показано, что на разных этапах Вашингтон сочетал дипломатическую гибкость с настойчивым стремлением сохранить долгосрочное военное присутствие на острове. Особое внимание уделено тому, как изменялись функции американской военной инфраструктуры в Гренландии по мере развития ядерной стратегии, средств доставки и систем раннего предупреждения. Делается вывод, что политика США в отношении Гренландии определялась не одним фактором, а совокупностью стратегических, дипломатических и институциональных интересов, а кризис вокруг американского военного присутствия в 1968 г. в связи с крушением американского бомбардировщика с ядерным оружием на борту обозначил предел прежней модели двустороннего взаимодействия.

Ключевые слова:

военная база в Туле, ядерное сдерживание, США, Гренландия, американо-датские отношения

Введение

Сегодня Гренландия оказалась в центре международно-политической повестки. Особую актуальность этому придали заявления американского президента Дональда Трампа, который еще в 2019 г. публично высказывался относительно

Для цитирования: Воротников, В. В., Галкин, К. О. 2026. Эволюция политики США в отношении Гренландии: военно-стратегические и дипломатические аспекты (1941–1968), *Балтийский регион*, т. 18, № 2, с. 66–94, doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-4

желательности для США приобретения острова, а в 2025 г., после возвращения в Белый дом, вновь вернулся к этой теме, увязывая контроль над Гренландией с интересами национальной безопасности США в Арктике. Такая риторика американского президента вызвала негативную реакцию как в самой Дании, так и в Европе в целом, что актуализировало дискуссии относительно серьезности намерений Д. Трампа, который рассматривает Гренландию в качестве одного из элементов новой архитектуры американской противоракетной обороны.

Однако интерес США к Гренландии на современном этапе — это не новое явление, он имеет глубокие исторические корни. В этом контексте представляется особенно актуальным исследование того, каким образом формировалась и трансформировалась стратегия США в отношении Гренландии в годы Холодной войны, какие ведомства определяли ее содержание, как соотносились дипломатические и военно-стратегические мотивы Вашингтона и каким образом Дания и Соединенные Штаты выстраивали взаимодействие на гренландском направлении.

Степень разработанности проблемы и методология исследования

В зарубежной историографии проблема политики США в отношении Гренландии в годы Холодной войны получила значительно более обстоятельное рассмотрение, чем в отечественной исторической науке. Отправной точкой для большинства исследований является коллективная работа Датского института международных отношений «Greenland During the Cold War: Danish and American Security Policy 1945—68», в которой на основе датских и американских источников была принята попытка комплексной реконструкции американско-датских отношений по гренландскому вопросу¹. Тем не менее следует заметить, что хотя на сегодняшний день данное исследование продолжает оставаться наиболее целостным, ряд рассекреченных в последующие годы архивов не был доступен авторам в момент написания данной работы, что ставит вопрос о ее актуализации в свете появления новых источников.

В дальнейшем исследовательское поле развивалось преимущественно по линии тематической специализации. Значительное число исторических исследований посвящено военно-политическим аспектам политики США в Гренландии. В частности, в работах Н. Петерсена центральной темой стала роль американской базы в Туле в контексте полярной стратегии США [1; 2]. К. Фишер также затрагивал проблемы модернизации американского радара на военной базе в Туле, хотя его исследование охватывало период американско-датских отношений уже в конце Холодной войны [3]. Эволюция переговорного процесса между Вашингтоном и Данией по вопросам размещения американских военных объектов в Гренландии нашла отражение в исследованиях Клайва Арчера [4; 5]. Особый интерес у историков традиционно вызывают вопросы эволюции американской стратегической авиации, включая ее деятельность на северном направлении [6—8]. Широкий пласт исследований посвящен проблематике военно-научного освоения Соединенными Штатами Гренландии в годы Холодной войны [9; 10]. В работах Т. Олсена основное внимание уделяется проблеме суверенитета Дании над Гренландией в контексте отношений Копенгагена с Вашингтоном, а также дипломатическим аспектам взаимодействия Дании и США по вопросу размещения ядерного оружия (ЯО) на

¹ Greenland during the Cold War: Danish and American Security Policy 1945—68, 1997, Copenhagen: Danish Institute of International Affairs, URL: <https://ciaotest.cc.columbia.edu/wps/dup03/> (дата обращения: 23.03.2026).

территории острова [11; 12]. Кроме того, в отдельных работах рассматриваются вопросы ядерных инцидентов в годы Холодной войны, к которым относится и падение американского бомбардировщика с ЯО на борту в Гренландии в 1968 г. [13].

В российской исторической науке отношения США и Дании по гренландскому сюжету исследованы фрагментарно. Наиболее разработанной темой является проблема военно-политического планирования США в годы Холодной войны и роль американской базы в Туле в более широком военно-стратегическом контексте [14]. Кроме того, отдельные работы также посвящены американским секретным проектам по исследованию и освоению Гренландии в годы Холодной войны в контексте анализа возможностей для применения северной территории в военных целях [15]. Тем не менее проблематика самих американско-датских отношений в таких работах не затрагивается. Можно констатировать, что проблемы межведомственного согласования в США относительно формирования внешнеполитической и военной стратегии на гренландском направлении остаются слабо изученными как в отечественной, так и в зарубежной историографии.

Настоящее исследование призвано решить две основные задачи. Во-первых, предполагается дополнить уже имеющиеся знания об особенностях американско-датских отношений на гренландском направлении в 1941—1968 гг. за счет новых раскритикованных источников. Во-вторых, планируется большее смещение акцента на вопросы межведомственного согласования в США относительно реализации внешнеполитического и военно-стратегического курсов в отношении Гренландии в указанный период, что получило гораздо меньшее освещение в историографии.

Исследование опирается на корпус источников американских ведомств, задействованных при реализации внешнеполитического курса. В частности, были использованы аналитические доклады, служебные записки, ноты Государственного департамента, часть из которых до настоящего момента не введена в научный оборот в отечественной науке. Важную часть работы составляют новые рассекреченные документы ЦРУ, также ранее не использованные исследователями, что добавляет дополнительные детали при анализе рассматриваемой темы. Для рассмотрения военно-политических и военно-стратегических аспектов политики Вашингтона в отношении Гренландии были использованы документы Совета национальной безопасности (СНБ), а также первоисточники Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ), Министерства обороны США и Командования стратегической авиации (КСА). Использование вышеупомянутых источников позволило решить двудеиную задачу. Во-первых, это дало возможность встроить сюжет американско-датских отношений в Гренландии в более широкую дискуссию в США относительно значимости этой территории в годы Второй мировой войны и периода Холодной войны до 1968 г. Во-вторых, применение документов американских внешнеполитических и военных ведомств позволило проследить основные проблемы и противоречия внутренних согласований в Вашингтоне относительно формирования стратегии на гренландском направлении.

Хронологические рамки исследования определяются внутренней логикой рассматриваемой проблемы. Нижняя рамка связана с подписанием 9 апреля 1941 г. американско-датского соглашения, которое определило правовой статус американского военного присутствия в Гренландии. Верхняя граница обусловлена авиакатастрофой американского бомбардировщика В-52 недалеко от военной базы США в Туле, что подвело черту под практикой американского постоянного воздушного патрулирования с ЯО на борту в Гренландии и в мире в целом, а также потребовало от Дании и США пересмотреть секретные договоренности относительно американского ЯО на острове.

Теоретическая рамка исследования

Исследование опирается на теоретическую модель двухуровневой игры, предложенную американским политологом Р. Патнэмом [16]. Ключевая идея его концепции сводится к необходимости учета двухуровневой природы внешней политики, которая представляет собой не только переговоры, соглашения, расхождения и конфронтацию между государствами, но и сложный, нелинейный процесс согласования внешнеполитического курса на внутригосударственном уровне. Принципиальными акторами в этом контексте выступают не только общественное мнение, способное оказывать значительное давление на политиков, но и элитарные группы, бюрократический аппарат, партии и группы интересов. При этом если межгосударственный уровень (уровень I), как правило, в большей степени доступен исследователям для анализа, то внутригосударственный (уровень II), особенно на этапе межведомственных и межэлитарных согласований, значительно сложнее поддается реконструкции вследствие повышенной секретности, институциональной закрытости и неформального характера значительной части подобных процессов. В этом смысле полноценное использование данной модели ограничивается доступом к информации, отражающей позиции и интересы сторон на уровне II, что снижает ее познавательную пользу.

Тем не менее для целей настоящего исследования применение модели двухуровневой игры представляется обоснованным. Значительное количество рассекреченных документов США относительно выработки внешнеполитического курса на гренландском направлении позволяет более целостно восстановить процесс межведомственного согласования в Вашингтоне, что дает возможность комплексно проследить эволюцию американо-датских отношений в указанный период в целом. Государственный департамент, Министерство обороны, ОКНШ и КСА не всегда одинаково оценивали оптимальные формы присутствия США в Гренландии, что выводило переговоры с Данией из исключительно межгосударственной плоскости в том числе и на внутриполитический уровень. Тем самым американская политика в отношении Гренландии являлась и результатом внутренних дискуссий между различными центрами принятия решений, каждый из которых по-разному понимал границы допустимого компромисса.

Дополнительную аналитическую ценность для настоящего исследования представляет теория асимметричных альянсов, в рамках которой отношения между союзниками рассматриваются не в качестве взаимодействия равноправных партнеров, а как система, в которой более слабое государство получает гарантии безопасности и доступ к ресурсам, а более сильное — инфраструктуру, политическую поддержку и расширение собственного влияния. При этом младший союзник не выступает лишь объектом давления со стороны великой державы, а способен использовать собственные внешнеполитические ресурсы для корректировки стратегии своего союзника. Именно такая ситуация наблюдалась в американо-датских отношениях по вопросу Гренландии: Вашингтон, обладая решающим военно-политическим превосходством, был вынужден учитывать позицию Копенгагена, сохранявшего суверенные права на остров. В результате асимметрия сил не устраняла необходимость переговоров, а лишь придавала им специфическую форму, в которой США были вынуждены искать приемлемые для Дании способы политического и институционального закрепления собственных интересов. В этом смысле американо-датские отношения в рассматриваемый период нельзя свести как исключительно к логике диктата со стороны Соединенных Штатов, так и к модели равноправного партнерства между странами. Военно-стратегическая зависимость Дании от США

сочеталась с ее способностью ограничивать отдельные формы американского присутствия или по крайней мере требовать их более приемлемого с дипломатической точки зрения оформления, которое бы устраивало датское общество.

Таким образом, сочетание вышеуказанных концепций позволяет предложить более точную интерпретацию политики США в отношении Гренландии. Договоренности, достигавшиеся между Вашингтоном и Копенгагеном, были не только обусловлены объективной стратегической значимостью острова и военным превосходством США, но и представляли собой результат многоуровневых переговоров, тогда как внешнеполитические решения оказывались тесно связанными с вопросами межведомственных согласований и возможностью внутренней легитимации достигнутых международных соглашений.

Гренландия в военно-политической стратегии США в 1940-х — начале 1950-х годов

На протяжении второй половины XIX — первой половины XX в. США неоднократно предпринимали попытки приобретения Гренландии у Дании¹. Тем не менее этот вопрос стал особенно острым после начала Второй мировой войны, когда оборона острова рассматривалась в Вашингтоне как важный компонент обеспечения национальной безопасности Соединенных Штатов. Следует, однако, подчеркнуть, что США не сразу отреагировали на призыв посла Дании Хенрика Кауффманна установить американский протекторат над Гренландией, о чем он сообщил государственному секретарю Корделлу Халлу в апреле 1940 г.² Последний отметил, что это создаст прецедент американской оккупации территории государства, который мог бы использоваться другими странами для оправдания агрессивных территориальных захватов. Такого же подхода придерживался и президент США Ф. Рузвельт, считавший, что распространение доктрины Монро на Гренландию преждевременно [17].

Однако стратегические соображения взяли верх над изначальными опасениями государственного секретаря. Недопущение установления контроля нацистской Германии над Гренландией было особенно важно в свете значимости острова как ключевого опорного пункта в Северной Атлантике, который бы давал странам «оси» возможность обеспечивать контроль над морскими и воздушными коммуникациями в регионе. Уже в ноябре 1940 г. помощник К. Халла Адольф Берл в ходе переговоров с Х. Кауффманном и губернатором Южной Гренландии Акселем Сване осторожно озвучил необходимость «принять какие-либо меры обороны, выходящие за пределы возможностей гренландских властей»³.

¹ В частности, после покупки Аляски в 1867 г. государственный секретарь Уильям Сьюард считал возможное приобретение Гренландии «вопросом, достойным рассмотрения», однако до практической реализации тогда дело не дошло. Более предметно обсуждение велось в 1909—1916 гг., когда американский посланник в Дании Морис Иган докладывал в Вашингтон, что часть политической элиты Дании была готова пойти на отчуждение Гренландии для получения политических выгод в Европе. Несмотря на усилия посланника Игана, реализовать этот сценарий в выгодном для США ключе также не удалось.

² Memorandum of Conversation, by the Secretary of State, [Washington,] April 19, 1940, *Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1940, General and Europe*, vol. II, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1940v02/d441> (дата обращения: 23.03.2026).

³ Memorandum of Conversation, by the Consul at Godthaab (Penfield), Temporarily in Washington, November 12, 1940, *Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1940, General and Europe*, vol. II, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1940v02/d460> (дата обращения: 23.03.2026).

В феврале 1941 г. А. Берл сформулировал позицию Вашингтона по поводу Гренландии: внешнеполитический истеблишмент страны рассматривал ее в качестве важного компонента обеспечения межамериканской системы обороны, а также распространял на нее действие доктрины Монро¹. При такой постановке Гренландия также подпадала под действие Гаванского акта, принятого министрами иностранных дел американских республик в конце июля 1940 г. и предполагавшего применение коллективных мер для обеспечения безопасности Западного полушария. В этом контексте помощник государственного секретаря отмечал, что США окажут финансовую и техническую помощь властям Гренландии для постройки аэродромов, которые могли бы быть использованы вооруженными силами «государств Америки». Тем не менее по мере развития военно-политической обстановки в Европе США изменили свою позицию по созданию оборонной инфраструктуры в Гренландии. В марте немецкие бомбардировщики неоднократно пролетали над восточным побережьем острова². В телеграмме консулу США в Гренландии Джеймсу Пенфилду от 4 апреля 1941 г. отмечалось, что все строящиеся объекты будут находиться под юрисдикцией США и охраняться американскими вооруженными силами³.

Логическим завершением стало подписание договора 9 апреля 1941 г., который предусматривал сохранение суверенитета Дании над Гренландией при одновременном размещении американских войск для обеспечения безопасности острова и недопущения его захвата странами «оси». При этом конкретные сроки размещения войск США не оговаривались, а вместо этого была использована расплывчатая формулировка о том, что договор остается в силе «до тех пор, пока не будет достигнуто согласие о том, что нынешние угрозы миру и безопасности Американского континента миновали»⁴. Впоследствии именно эта формулировка вызовет разногласия между США и Данией уже после завершения Второй мировой войны. Несмотря на то что правительство оккупированной Германией Дании 12 апреля 1941 г. заявило об отзыве Х. Кауффманна и недействительности подписанного им соглашения, Вашингтон воспринимал это как законное основание для начала развертывания своих вооруженных сил в Гренландии.

Окончание Второй мировой войны, однако, не привело к прекращению договора 1941 г., который был одобрен парламентом Дании 16 мая 1945 г. На фоне сохранения неопределенности в советско-американских отношениях военно-политическое руководство США не считало нужным торопиться с выводом войск из Гренландии [18]. В 1946 г. государственный секретарь США Джеймс Бернс в переговорах с Густавом Расмуссеном отмечал, что Вашингтон был заинтересован в покупке

¹ Memorandum of Conversation, by the Assistant Secretary of State (Berle), [Washington,] February 13, 1941, *Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1941, General and Europe*, vol. II, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1941v02/d30> (дата обращения: 23.03.2026).

² Agreement Relating to the Defense of Greenland, April 9, 1941, in: *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. 1942—1943*, bd. 11, p. 107, URL: https://www.zaoerv.de/11_1942_43/11_1942_1_b_105_2_112_1.pdf (дата обращения: 23.03.2026).

³ The Secretary of State to the Consul at Godthaab (Penfield), Washington, April 4, 1941—4 p.m., *Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1941, General and Europe*, vol. II, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1941v02/d35> (дата обращения: 23.03.2026).

⁴ Agreement Relating to the Defense of Greenland, April 9, 1941, in: *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. 1942—1943*, bd. 11, p. 110, URL: https://www.zaoerv.de/11_1942_43/11_1942_1_b_105_2_112_1.pdf (дата обращения: 23.03.2026).

Гренландии, и передал ему соответствующий меморандум¹. Однако дальнейшего продолжения эта попытка государственного секретаря не имела, поскольку после Второй мировой войны датчане крайне болезненно относились к сохранению суверенитета над своей последней зависимой территорией. Явно обозначившийся к 1947 г. раскол между СССР и Соединенными Штатами и постепенная институционализация Холодной войны отразились и на внешнеполитической стратегии США в отношении арктического острова.

Директор управления по европейским делам Государственного департамента Гаррисон Метьюз в служебной записке на имя государственного секретаря Джорджа Маршалла, посвященной интересам национальной безопасности США в Северной Атлантике, в январе 1947 г. констатировал стремление правительства Дании к пересмотру соглашения 1941 г. о размещении американских вооруженных сил в Гренландии². В этой ситуации Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) предлагал два наиболее предпочтительных для Вашингтона сценария: покупка Гренландии у Дании или получение долгосрочных прав на размещение американских военных на острове³.

Двадцать шестого мая 1947 г. Центральная разведывательная группа (ЦРГ) — непосредственный организационный предшественник созданного в сентябре того же года ЦРУ — информировала президента Гарри Трумэна, что премьер-министр Дании Кнуд Кристенсен передал через посла США Джосайю Марвела, что «коммунисты намерены внести в парламент резолюцию с призывом принять меры по прекращению американо-гренландского оборонного договора»⁴. Премьер-министр также сообщал, что такая резолюция будет поддержана другими фракциями в парламенте, что вынудит его партию также выступить с ее поддержкой. Одновременно с этим ЦРГ ссылалась на донесения военного атташе США в Копенгагене, который считал принятие такой резолюции «крайне маловероятным»⁵.

В ходе переговоров между государственным секретарем Дж. Маршаллом, министром иностранных дел Дании Г. Расмуссеном и послом Х. Кауфманном в октябре 1947 г. американская сторона дала понять, что вопрос сохранения американского присутствия в Гренландии не подлежит обсуждению, учитывая ее значимость в обеспечении обороны Западного полушария, и Вашингтон лишь стремится выработать формулу, приемлемую для обеих сторон⁶. Представители Дании, в свою очередь, отмечали, что правительство страны сталкивается с возросшим давлением общества, выступавшего за прекращение американского военного присутствия на острове. Кроме того, СССР, хотя напрямую и не оказывал давления на Данию в контексте сохранения американского контингента в Гренландии, пристально следил за динамикой в регионе. В частности, представитель Советского Союза в Копенгагене

¹ The Secretary of State to the Legation in Denmark, Washington, January 2, 1947—6 p.m., *Foreign Relations of the United States, 1947. The British Commonwealth; Europe*, vol. III, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v03/d414> (дата обращения: 23.03.2026).

² Memorandum by the Director of the Office of European Affairs (Matthews) to the Secretary of State, Washington, January 17, 1947, *Foreign Relations of the United States, 1947. General; The United Nations*, vol. I. Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v01/d379> (дата обращения: 23.03.2026).

³ Ibid.

⁴ Daily Summary, May 26, 1947, *Central Intelligence Agency. Reading Room*, URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/DAILY%20SUMMARY%20%23369-394%5B15507019%5D.pdf> (дата обращения: 23.03.2026).

⁵ Ibid.

⁶ Memorandum of Conversation, by the Secretary of State, [New York], October 22, 1947, *Foreign Relations of the United States, 1947. The British Commonwealth; Europe*, vol. III, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v03/d433> (дата обращения: 23.03.2026).

интересовался насчет слухов о том, что США хотят приобрести Гренландию, на что ему было отвечено словами Г. Расмуссена, произнесенными публично за несколько дней до этого, о том, что «Гренландия не продается»¹.

Однако уже в январе 1948 г. исполняющий обязанности начальника отдела по делам Северной Европы Государственного департамента Бенджамин Халли по итогам встречи заместителя государственного секретаря Роберта Ловетта с послом Кауффманом передавал, что последний особенно обеспокоен наращиванием советской пропаганды, которая оказывает влияние на датчан, усиливая в них стремление отказаться от американских сил в Гренландии².

Двадцать пятого ноября 1947 г. был подготовлен совершенно секретный доклад Совета национальной безопасности (СНБ), посвященный в том числе вопросам значимости Гренландии в оборонном планировании США³. В частности, отмечалось, что «трудно представить себе войну в ближайшие 15—20 лет, в которой Гренландия, Исландия и Азорские острова не будут играть крайне значимой роли»⁴. В этом контексте недвусмысленно декларировалась необходимость оккупации этих территорий в случае начала крупномасштабной войны. С военно-политической точки зрения выделялись четыре причины, по которым эти территории представляли особую значимость для США: 1) военные базы для ведения наступательных операций; 2) военные базы, формирующие систему безопасности США; 3) территории, которые не должны находиться под контролем противников США; 4) базы для дозаправки воздушных судов. Гренландия называлась одним из немногих регионов, откуда можно было напрямую нанести удар с использованием сверхтяжелых бомбардировщиков по индустриальным центрам противника, под которым понимался СССР. Более того, военные аналитики считали, что размещение в Гренландии радара раннего обнаружения и ракет перехватчиков значительно усложнит для Советского Союза нанесение воздушной атаки на США.

Тем не менее на фоне роста общественного недовольства в Дании относительно сохранения американского присутствия в Гренландии в Государственном департаменте приняли решение не форсировать процесс заключения комплексного долгосрочного соглашения об американских военных базах на острове. Хотя вариант договора был подготовлен ОКНШ, внешнеполитическое ведомство США официально не передало его через посла Кауффмана в марте 1948 г. в Копенгаген, поскольку в Вашингтоне понимали, что это поставит правительство Дании в сложную ситуацию. Впоследствии министр иностранных дел Дании Г. Расмуссен благодарил руководство США за этот шаг⁵.

Фактически с этого момента переговоры перешли в фазу затяжных и полуофициальных консультаций, в ходе которых стороны старались избежать резких и непродуманных шагов. Копенгаген просил США воздержаться от планирования

¹ Ibid.

² Memorandum of Conversation, by the Acting Chief of the Division of Northern European Affairs (Hulley), [Washington], January 29, 1948, *Foreign Relations of the United States, 1948, Western Europe*, vol. III, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v03/d370> (дата обращения: 23.03.2026).

³ NSC 2/1, "A Report to the President by the National Security Council on Base Rights in Greenland, Iceland, and the Azores," 25 November 1947, Top Secret, *National Security Archive*, URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/33077-document-1-nsc-21-report-president-national-security-council-base-rights-greenland> (дата обращения: 23.03.2026).

⁴ Ibid.

⁵ The Ambassador in Denmark (Marvel) to the Secretary of State, Copenhagen, March 12, 1948, *Foreign Relations of the United States, 1948, Western Europe*, vol. III, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v03/d372> (дата обращения: 23.03.2026).

новых крупных инфраструктурных проектов на острове, поскольку это могло дать повод СССР обвинить Данию в военном альянсе с США¹. Дания требовала определенных уступок от США, например передачи в пользование части объектов в Гренландии, что можно было бы представить для внутренней публики как постепенный возврат полного и реального суверенитета над островом². Тем не менее, с точки зрения Г. Расмуссена, достаточно было лишь небольших объектов, которые не имели реального значения для военного планирования США³. В целом, как отмечало ЦРУ, Дания была удовлетворена общей динамикой переговоров с США по вопросу военных баз в Гренландии⁴.

Однако Вашингтон не отказывался от идеи обеспечения долгосрочного доступа к военным объектам в Гренландии. В октябре 1949 г. Государственный департамент подготовил секретный документ, посвященный внешнеполитическому курсу и основным целям США в отношении Дании⁵. Отдельным пунктом было выделено намерение Вашингтона отказаться от договора 1941 г. в пользу заключения долгосрочного военно-политического соглашения с Копенгагеном, которое бы гарантировало сохранение американского присутствия на острове. Эта же идея ранее была высказана и в служебной записке ОКНШ⁶.

Таким образом, к концу 1940-х гг. в Вашингтоне сложилось межведомственное согласие относительно необходимости сохранения американского присутствия в Гренландии. Несмотря на определенные разногласия между планировщиками, связанные с высокими затратами на содержание военных объектов в Гренландии, стратегические императивы довели над финансовыми издержками. Особенно значимым фактором стало испытание СССР первой атомной бомбы в августе 1949 г., что придало импульс пересмотру самой стратегии США в отношении Гренландии. Если до 1949 г. Гренландия была важным звеном в американской «стратегии периметра»⁷, то после США отводили ей роль одного из ключевых звеньев своей полярной стратегии [2, р. 90]. Во многом это связано с принятием на вооружение новых межконтинентальных бомбардировщиков В-36, что увеличивало значимость кратчайших арктических маршрутов, а также превращало Гренландию в важный

¹ Memorandum of Conversation, by the Ambassador in Denmark (Marvel), Washington, April 14, 1948, *Foreign Relations of the United States, 1948, Western Europe*, vol. III, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v03/d373> (дата обращения: 23.03.2026).

² Memorandum of Conversation, by the Secretary of State, Washington, October 5, 1948, *Foreign Relations of the United States, 1948, Western Europe*, vol. III, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v03/d374> (дата обращения: 23.03.2026).

³ Ibid.

⁴ Daily Summary, July 1948, *Central Intelligence Agency. Reading Room*, URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/DAILY%20SUMMARY%20194807-1948%5B15522226%5D.pdf> (дата обращения: 23.03.2026).

⁵ Policy Statement of the Department of State, [Washington], October 1, 1949, *Foreign Relations of the United States, 1949, Western Europe*, vol. IV, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v04/d352> (дата обращения: 23.03.2026).

⁶ Memorandum by the Joint Chiefs of Staff, "Views of the Joint Chiefs of Staff on Over-all Examination of United States Requirements for Military Bases and Base Rights", Washington, August 2, 1948, *Foreign Relations of the United States, 1948, General; the United Nations*, vol. I, part 2, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v01p2/d34> (дата обращения: 23.03.2026).

⁷ Стратегия «периметра» — концепция, использовавшаяся в американском военно-стратегическом планировании в конце 1940-х — начале 1950-х гг. и предполагавшая нанесение ударов по СССР с военных баз, расположенных по периметру советских границ. Ключевые базы находились в Британии, Северной Африке, на Ближнем Востоке и в Южной Гренландии. Стратегия исходила из приоритетности создания кольца окружения СССР, а не кратчайших маршрутов через Арктику.

промежуточный узел развертывания [2, р. 91]. Осенью 1950 г. министр ВВС Томас Финлеттер отмечал, что передовые американские базы с постоянными размещенными там войсками, входящие в «периметр» сдерживания СССР, становятся крайне не уязвимыми для конвенциональных и ядерных советских ударов [2, р. 93]. Этим объясняется возобновление открытых переговоров между Данией и США по вопросу соглашения об американских силах в Гренландии в октябре 1949 г. Кроме того, создание НАТО и вступление в нее Дании в апреле 1949 г. позитивно воспринимались в Копенгагене, поскольку это давало возможность перевести двусторонние переговоры с Вашингтоном в многостороннюю плоскость, что благоприятно сказывалось на общественном мнении в Дании¹.

На протяжении практически двух лет США и Дания вели переговоры по Гренландии. Ключевые интересы Вашингтона сводились как к долгосрочному доступу к уже имеющимся инфраструктурным военным объектам, так и к возможности создания новых. Отчасти это было связано с переоценкой стратегии США: если в рамках стратегии «периметра» ключевую роль играла Южная Гренландия для нанесения ударов по СССР и в качестве перевалочного пункта для авиации, то в рамках полярной стратегии приоритет отдавался Северной Гренландии, поскольку это был кратчайший путь через полярные районы для дальних бомбардировщиков, а также наиболее подходящее место для размещения систем раннего обнаружения. В этом контексте важным представлялось строительство крупной авиабазы в Туле, о чем США уведомили Данию, прикрыв, однако, свои требования общим планом НАТО по постройке военной инфраструктуры. В декабре 1950 г. было проведено исследование под руководством полковника Джорджа Гловера («комитет Гловера»), в результате которого его авторы приходили к выводу, что создание военной базы в Туле позволит бомбардировщикам В-36 поражать до 85 % всех целей на территории Советского Союза [2, р. 93].

Для Дании переговорная позиция определялась вполне прагматичными соображениями: для внутренней аудитории было необходимо представить будущий договор как победу Копенгагена в контексте восстановления полного суверенитета над Гренландией. Отмена договора 1941 г., по которому у США были практически неограниченные права на острове, дальнейшая передача американских объектов в собственность Дании, а также возможность номинального назначения командующим совместными войсками в Гренландии датского военного выглядели достаточными условиями для благосклонного отношения датчан к новому договору².

Американо-датский договор, регламентирующий пребывание американских войск в Гренландии, был подписан 27 апреля 1951 г. и подвел юридическое основание под сохранявшееся на протяжении всей второй половины 1940-х гг. военное присутствие США на острове. Формально это было представлено как победа датской дипломатии поскольку в отличие от договора 1941 г. США получили ограниченные права на пользование конкретными объектами: базами в Туле, Сондрестреме и Нарсарсуаке³. Еще до подписания договора в ЦРУ отмечали, что правительство Дании стремилось к быстрому приданию огласке заключения нового соглашения

¹ Greenland during the Cold War: Danish and American Security Policy 1945–68, 1997, Copenhagen: Danish Institute of International Affairs, URL: <https://ciaotest.cc.columbia.edu/wps/dup03/> (дата обращения: 23.03.2026).

² Ibid.

³ “Technical Schedule” to U.S.-Denmark Agreement for the Defense of Greenland, 27 April 1951, Top Secret, National Security Archive, URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/33079-document-3-technical-schedule-us-denmark-agreement-defense-greenland-27-april-1951> (дата обращения: 23.03.2026).

с США, чтобы избежать спекуляций в СМИ¹. Это было связано с тем, что руководство страны опасалось обвинений в том, что Копенгаген действует под давлением США и не имеет реального контроля над островом. Для США было особенно значимо, что договор заключался на время существования НАТО и это гарантировало его защиту от преждевременного прекращения действия под влиянием внутривнутриполитических факторов, как это было с договором 1941 г.

Однако важно подчеркнуть, что договор 1951 г. закладывал юридическую неопределенность в отношении возможности размещения на острове ядерного оружия. Фактически по договору не было предусмотрено ни запрета, ни разрешения на базирование в Гренландии американского ЯО, что переводило этот аспект в «серую зону». Соединенные Штаты вполне намеренно шли по пути неакцентирования внимания на возможном размещении ЯО в Гренландии. В частности, Комитет по военной связи при Комиссии по атомной энергии США еще в январе 1951 г. отмечал, что дипломатам не следовало заострять внимание их датских коллег на этом вопросе, поскольку это могло привести к приостановке переговорного процесса по новому договору [19, р. 33]. Впоследствии это обстоятельство приведет к серьезному обострению отношений после ядерного инцидента в 1968 г.

Интересы США в Гренландии в 1951 — 1958 годах

Период 1951 — 1958 гг. характеризуется последовательным освоением Соединенными Штатами пространств и объектов, полученных в результате соглашения 1951 г. Летом этого года начался процесс форсированного строительства военной базы в Туле, который частично завершился к 1952 г., а в полной мере база начала функционировать к середине десятилетия. Более того, в Вашингтоне стали прорабатывать возможность получения еще одной территории на северо-востоке Гренландии, что, однако, встретило сопротивление со стороны Копенгагена, и от этих планов было решено отказаться².

После ввода в эксплуатацию базы в Туле в 1952 г. Командование стратегической авиации (КСА), в ведение которого база перешла в 1957 г., приступило к отработке учений. В указанный период американские стратеги рассматривали базу в Туле не как пункт постоянного размещения бомбардировщиков, а в качестве промежуточной базы развертывания, предназначенной для приема и кратковременного размещения на ротационной основе американской авиации, в первую очередь стратегических бомбардировщиков В-36. Отчасти это было связано с тем, что уже в 1954 г. Объединенный совет по противовоздушной обороне принял решение об ограничении концентрации стратегической авиации на одной военной базе³. Общая идея предполагала рассредоточение и постоянную ротацию стратегических бомбардировщиков, что должно было снизить вероятность внезапной атаки и потери существенной части средств доставки ЯО. Более того, с развитием возможностей дозаправки в воздухе с использованием воздушных танкеров КС-97 стало возможным применять реактивные бомбардировщики В-47.

¹ Central Intelligence Agency, Office of Current Intelligence, Daily Digest, 18 April 1951, Top Secret, excerpt, *National Security Archive*, URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/33078-document-2-central-intelligence-agency-office-current-intelligence-daily-digest-18> (дата обращения: 23.03.2026).

² Greenland during the Cold War: Danish and American Security Policy 1945—68, 1997, *Copenhagen: Danish Institute of International Affairs*, URL: <https://ciaotest.cc.columbia.edu/wps/dup03/> (дата обращения: 23.03.2026).

³ History of the Strategic Air Command, January—June 1958, vol. I, study 73, URL: <https://blog.nuclearsecrecy.com/wp-content/uploads/2021/10/56258265-SAC-History-Jan-Jun-58-Vol-I-Study-73.pdf> (дата обращения: 23.03.2026).

В ноябре 1952 г. в разведсводке ЦРУ сообщалось, что создание советской военной базы в Тикси было средством противодействия новой базе США в Туле¹. Более того, отмечалось дальнейшее развитие железнодорожной и морской инфраструктуры для обеспечения функционирования арктических военных объектов СССР. В Вашингтоне опасались, что Советский Союз наращивает свои военные возможности в арктическом регионе, и считали, что он может получить преимущества в контексте нанесения первого удара. Это обуславливало необходимость дальнейшей интеграции базы в Туле в систему ядерного сдерживания СССР и развития там соответствующей инфраструктуры.

В 1954 г. стали появляться сведения о строительстве «специальных хранилищ», предназначенных для хранения ЯО: атомных бомб МК-6 и МК-8. Хотя официальных данных относительно появления американского ЯО в Гренландии до 1958 г. нет, власти Дании неофициально знали о создании специальных ангаров на территории военной базы в Туле, что вызывало у них опасения². Единственным задокументированным использованием ядерных технологий в Гренландии в середине 1950-х гг. является применение военными малых ядерных реакторов, которые использовались для обеспечения отдаленных военных баз электроэнергией³.

Зимой 1955 г. США уже проводили учения с имитацией использования ЯО. Однако результаты учений *Ballet Dancer* в феврале 1955 г. выявили целый ряд трудностей для использования авиации в Гренландии. В частности, речь шла о суровых климатических условиях и нехватке средств для отопления, что препятствовало выполнению намеченных целей КСА [2, р. 101].

В январе 1955 г. председатель ОКНШ Артур Рэдфорд направил служебную записку министру обороны США Чарльзу Уилсону, в которой вновь повторил тезис о военной значимости Гренландии в контексте сдерживания СССР⁴. Военные продолжали считать, что соглашение с Данией 1951 г. не в полной мере отвечает интересам США, поскольку не дает полной свободы действий на острове и требует постоянного согласования с Копенгагеном. В этой ситуации ОКНШ еще раз озвучил тезис о желательности покупки Гренландии у Дании, который разделял и министр обороны США⁵. Отчасти это можно атрибутировать растущим опасением военно-политического истеблишмента страны в связи с развитием средств доставки ЯО СССР. Так, по оценкам ЦРУ в 1955 г., к середине 1958 г. Советский Союз мог обладать 350 реактивными тяжелыми бомбардировщиками и 250 тяжелыми бомбардировщиками с турбовинтовыми двигателями, а также 450 танкерами

¹ Military — Arctic Bases, *Central Intelligence Agency. Reading Room*, URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80-00809A000700220041-7.pdf> (дата обращения: 23.03.2026).

² Greenland during the Cold War: Danish and American Security Policy 1945—68, 1997, *Copenhagen: Danish Institute of International Affairs*, URL: <https://ciaotest.cc.columbia.edu/wps/dup03/> (дата обращения: 23.03.2026).

³ Memorandum of Discussion at the 240th Meeting of the National Security Council, Washington, March 10, 1955, *Foreign Relations of the United States, 1955—1957, Vol. XX: Regulation of Armaments; Atomic Energy*, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v20/d13> (дата обращения: 23.03.2026).

⁴ Memorandum for the Secretary of Defense from JCS Chairman Arthur Radford, “Possible Acquisition of Greenland by the United States,” 21 January 1955, Top Secret, *National Security Archive*, URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/33080-document-4-memorandum-secretary-defense-jcs-chairman-arthur-radford-possible> (дата обращения: 23.03.2026).

⁵ Memorandum from the Secretary of Defense to President Eisenhower, “Possible Acquisition of Greenland by the United States,” 27 January 1955, Top Secret, *National Security Archive*, URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/33081-document-5-memorandum-secretary-defense-president-eisenhower-possible-acquisition> (дата обращения: 23.03.2026).

для воздушной дозаправки¹. Гренландия в этом смысле представлялась как одна из уязвимых территорий, где находятся базы США, по которым СССР может нанести удар для сокращения возможностей Вашингтона для ответного удара. На этом фоне военные стремились получить полный контроль над островом с целью окончательно освободиться от необходимости согласовывать свои действия с Копенгагеном.

Несмотря на сложности с согласованием военного строительства с властями Дании, посольство США в Копенгагене в мае 1957 г. докладывало, что общество, за исключением коммунистов, в целом не высказывалось критически в отношении американских военных баз в Гренландии². Хотя дипломаты отмечали, что для датчан сохранение суверенитета страны над последней заморской территорией было особенно чувствительной темой, возмущения относительно действий США на острове носили эпизодический характер. Посольство заключало, что все переговоры с Данией и согласования полетов идут хорошо и не вызывают негативной реакции у Копенгагена. Кроме того, Государственный департамент в лице помощника государственного секретаря Берка Элбрика в отличие от Министерства обороны считал, что время для покупки Гренландии прошло, поскольку конституция Дании 1953 г. закрепляла остров в качестве неотъемлемой части страны, что делало практически невозможными любые переговоры относительно ее приобретения³.

Однако испытание СССР первой межконтинентальной баллистической ракеты в августе 1957 г. внесло существенные корректировки в оборонное планирование в целом и изменило роль Гренландии в военной стратегии США. Попытки Вашингтона создать линию раннего радиолокационного обнаружения (*DEW Line*) начались в середине 1950-х гг. по поручению президента Дуайта Эйзенхауэра. В эту систему была интегрирована и Гренландия. Однако уже к концу десятилетия система стала играть второстепенную роль в обеспечении безопасности Соединенных Штатов. Это объяснялось тем, что она была рассчитана прежде всего на предупреждение об атаке стратегических бомбардировщиков и слабо подходила для отслеживания пусков баллистических ракет. Впоследствии министр обороны США в 1960-х гг. Роберт Макнамара отмечал, что «системы слежения и предупреждения, созданные в 1950-е гг., либо уже устарели, либо не представляют большой значимости для обеспечения обороны»⁴.

В ноябре 1957 г. СНБ подготовил доклад для президента, посвященный вопросам ядерного сдерживания, в котором вновь была подтверждена значимость воен-

¹ Soviet Gross Capabilities for Attacks on the US and Key Overseas Installations and Forces Through 1 July 1958, NIE 11-7-55, June 23, 1955, *Central Intelligence Agency. Reading Room*, URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000269429.pdf (дата обращения: 23.03.2026).

² Despatch From the Embassy in Denmark to the Department of State, No. 934, Copenhagen, May 28, 1957, *Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Vol. XXVII: Western Europe and Canada*, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v27/d180> (дата обращения: 23.03.2026).

³ Mr. Kerrigan to BNA [Bureau of European Affairs, Office of Northern European Affairs] — Robert Brandin, “Addendum to Briefing Notes on Greenland”, August 7, 1959, Secretm, *National Security Archive*, URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/33082-document-6-mr-kerrigan-bna-bureau-european-affairs-office-northern-european-affairs> (дата обращения: 23.03.2026).

⁴ The Evolution of U.S. Strategic Command and Control and Warning, 1945–1972. Institute for Defense Analyses, June 1975. P. 208, *National Security Archive*, URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/33089-document-13-excerpts-dew-line-and-bmews-l-wainstein-et-al-evolution-us-strategic> (дата обращения: 23.03.2026).

ной базы в Туле¹. В частности, как отмечалось, арктические территории наиболее подходили для размещения систем раннего обнаружения пуска баллистических ракет, что повышало значимость Гренландии в военно-политическом планировании США. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. военная база Соединенных Штатов в Туле была важной частью новой системы раннего предупреждения о пусках баллистических ракет (*BMEWS*), что стало ее сущностной эволюцией по сравнению с предшествующим периодом.

В соответствии с положениями дополнительного соглашения между Данией и США Вашингтон получил право на расширение своей военной инфраструктуры в дополнительных четырех районах, которые были введены в эксплуатацию в 1961 г.² В августе 1959 г. министр обороны США Нил Макэлрой докладывал советнику президента по национальной безопасности Гордону Грэю, что система раннего обнаружения в Туле готова на 50 %, а ее полноценный ввод в эксплуатацию планируется в сентябре 1960 г.³ В докладе СНБ 1960 г. сохранение военных баз США в Гренландии определялось как одна из ключевых стратегических целей страны и с точки зрения возможности нанесения ударов по СССР, и с позиции размещения там элементов ПРО и ПВО⁴.

Еще в октябре 1957 г. в ходе переговоров между министром иностранных дел СССР Андреем Андреевичем Громыко и госсекретарем США Джоном Фостером Даллесом последний предлагал начать наземные инспекции и аэросъемку именно с арктического региона, отмечая, что это наиболее вероятный регион, через который может быть нанесен неожиданный удар, а также наименее политизированная территория с точки зрения проведения таких мероприятий, в отличие от Европы⁵. Он добавлял, что у Вашингтона в Арктике находится важная военная база в Туле, а СССР проводил там испытания ЯО, что делало обоснованным инспекции в регионе. Однако советский министр иностранных дел в шуточной форме отвечал, что аэросъемка позволит получить лишь «фотографии льда, снега и полярных медведей», и отверг предложения Дж. Даллеса. Позиция Советского Союза в этом контексте закономерна: США, продолжая курс на размещение на острове стратегической авиации на ротационной основе, не имел там постоянно размещенного ЯО, что сильно снижало ценность таких инспекций в глазах руководства СССР, который размещал базы постоянной дислокации в арктических районах.

¹ NSC 5724. Report by the Security Resources Panel of the Science Advisory Committee, "Deterrence and Survival in the Nuclear Age", Washington, November 7, 1957, *Foreign Relations of the United States, 1955—1957, Vol. XIX: National Security Policy*, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v19/d158> (дата обращения: 23.03.2026).

² The Evolution of U. S. Strategic Command and Control and Warning, 1945—1972. Institute for Defense Analyses, June 1975. P. 207, *National Security Archive*, URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/33089-document-13-excerpts-dew-line-and-bmews-l-wainstein-et-al-evolution-us-strategic> (дата обращения: 23.03.2026).

³ Memorandum From Boggs to the NSC, Washington, August 11, 1959, *Foreign Relations of the United States, 1958—1960, Vol. III, Microfiche Supplement: National Security Policy; Arms Control and Disarmament*, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v03mSupp/d193> (дата обращения: 23.03.2026).

⁴ Statement of U.S. policy toward Scandinavia (Denmark, Norway and Sweden), April 6, 1960, *Foreign Relations of the United States, 1958—1960, Vol. VII, Part 2: Western Europe*, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v07p2/d300> (дата обращения: 23.03.2026).

⁵ Memorandum of a Conversation, Department of State, Washington, October 5, 1957, Subject: Disarmament, *Foreign Relations of the United States, 1955—1957, Vol. XX: Regulation of Armaments; Atomic Energy*, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v20/d302> (дата обращения: 23.03.2026).

Размещение американского ядерного оружия в Гренландии

На сегодняшний день рассекреченных документов, объясняющих логику военного командования США относительно размещения ЯО в Гренландии, нет. Можно предположить, что важным фактором, обусловившим такое решение, стало общее следование Вашингтоном идеям доктрины «массированного возмездия», предполагавшей нанесение многочисленных ударов по территории Советского Союза. В этом контексте наличие ядерных зарядов в Гренландии позволяло бомбардировщикам, уже нанеся удар по СССР, взять на борт новые боезаряды для нанесения повторных ударов.

Министерство обороны США считало, что по договору 1951 г. Вашингтон не был обязан уведомлять Копенгаген о намерении разместить в Гренландии ЯО. Государственный департамент тем не менее посчитал необходимым получить мнение американского посла в Дании Уэла Питерсона и направил соответствующий запрос в августе 1957 г.¹ Посол считал, что с учетом негативной реакции датчан на возможность размещения американского ЯО на своей территории, а также заверения правительства Дании, что такое оружие не будет размещено, не следовало «информировать их о том, о чем они не хотели бы знать»². Впоследствии в октябре 1957 г. Государственный департамент телеграфировал послу, чтобы он неформально выяснил позицию властей Дании относительно возможности «нуклеаризации» Гренландии³. В ноябре посол У. Питерсон писал в Вашингтон, что после встречи с премьер-министром Хансом Хенсеном последний направил ему документ, в котором сообщал, что не видит проблем в размещении «особых типов боеприпасов» в Гренландии, что было истолковано как негласное согласие на размещение ЯО⁴. Высокопоставленный дипломат Роберт Мерфи, курировавший вопрос переговоров с Данией по вопросу ЯО по линии внешнеполитического ведомства, в служебной записке советнику министра обороны Мэнсфилду Спрагу сообщал, что согласие Копенгагена получено, но отмечал, что в интересах и США, и Дании было бы крайне важно сохранить эту договоренность в секрете⁵. В феврале 1958 г. 4 ядерных боезаряда были размещены в Туле, но были вывезены уже к октябрю [2, р. 104].

Кроме того, нельзя не отметить крайне амбициозный проект США по созданию в Гренландии под толщей льда сети тоннелей для размещения там ЯО, получившей название «Ледяной червь» [20]. Общая протяженность тоннелей должна была составлять 3000 км, а число баллистических ракет *Icecan* составляло бы 600 единиц. Однако к 1962 г. стало понятно, что реализация задумки столкнулась с рядом ограничений. Так, повышение температуры из-за работы малых атомных реакторов,

¹ Deputy Under Secretary of State Robert Murphy to Assistant Secretary of Defense Mansfield Sprague, Washington, August 23, 1957, *National Security Archive*, URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/33083-document-7-deputy-under-secretary-state-robert-murphy-assistant-secretary-defense> (дата обращения: 23.03.2026).

² Ibid.

³ Philip J. Farley, Special Assistant to the Secretary of State for Atomic Energy, to Ambassador Val Peterson, 22 October 1957, Top Secret, *National Security Archive*, URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/33084-document-8-philip-j-farley-special-assistant-secretary-state-atomic-energy> (дата обращения: 23.03.2026).

⁴ U. S. Embassy Denmark Telegram 419 to Department of State, Copenhagen, November 18, 1957, Top Secret, *National Security Archive*, URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/33085-document-9-us-embassy-denmark-telegram-419-department-state-18-november-1957-top> (дата обращения: 23.03.2026).

⁵ Deputy Under Secretary of State Robert Murphy to Assistant Secretary of Defense Mansfield Sprague, 26 November 1957, Top Secret, *National Security Archive*, URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/33086-document-10-deputy-under-secretary-state-robert-murphy-assistant-secretary-defense> (дата обращения: 23.03.2026).

которые обеспечивали энергией подземный полигон *Camp Century*, вело к быстрой деформации ледяного покрова, что делало опасным проведение дальнейших работ по созданию полноценной сети тоннелей для размещения там ЯО. В 1966 г. проект был полностью закрыт, и ни одна баллистическая ракета в Гренландии так и не была размещена.

Как отмечалось выше, к началу 1960-х гг. роль военной базы США в Гренландии изменилась: на фоне появления межконтинентальных бомбардировщиков В-52, а также изменения вероятной стратегии нападения СССР на США с использованием межконтинентальных баллистических ракет (МБР) база в Туле стала важным, но уязвимым звеном *BMEWS*. Военно-политическое руководство опасалось, что в случае неожиданной атаки на американскую базу в Гренландии США могут лишиться возможности заблаговременно получить сигнал о начале пуска МБР. В этой связи помощник начальника ОКНШ генерал-лейтенант (трехзвездный генерал) Эрл Уилер в 1961 г. направил служебную записку министру обороны Р. Макнамере, в которой информировал, что КСА приняло решение о 24-часовом воздушном патрулировании над базой в Туле с ЯО на борту¹. Особую озабоченность вызывал подводный кабель, соединявший Гренландию с Ньюфаундлендом, поскольку считалось, что СССР может предварительно вывести из строя средства коммуникации с базой в Туле и инициировать последующую ракетную атаку на США. В частности, в ноябре 1961 г. передача сигнала с базы в Гренландии резко прекратилась, что вызвало мгновенную тревогу КСА, но уже через несколько минут воздушный патруль сообщал, что база работает в штатном режиме [2, р. 112].

Важно отметить, что постоянное воздушное патрулирование над Гренландией укладывалось и в более широкую программу США, реализовавшуюся с конца 1950-х гг., получившую название *Airborne Alert Program* и предполагавшую постоянное нахождение в воздухе стратегической авиации с ЯО на борту для возможности быстрого нанесения ударов по целям в СССР. Несмотря на то что конкретные маршруты бомбардировщиков постоянно менялись, общее северное направление через Гренландию оставалось одним из ключевых, что было обусловлено как возможностью поражать большое число целей на советской территории за кратчайшие сроки. По состоянию на май 1964 г. общее число бомбардировщиков, осуществлявших ежедневное постоянное патрулирование, составляло 12 единиц, а на северном направлении — 4². Помимо этого по маршруту *Hard Head*, который включал в себя территорию стратегических коммуникаций между военной базой в Гренландии и США, ежедневное патрулирование осуществляли дополнительно два самолета в день (рис.).

Министр обороны США Р. Макнамара скептически относился к программе *Airborne Alert* и выступал за ее прекращение³. В частности, он указывал на то, что к середине 1960-х гг. основным средством доставки ЯО стали МБР, а также на тот факт, что усовершенствованные системы раннего предупреждения о ракетной атаке позволяли давать достаточно времени для поднятия в воздух не менее 50 % от

¹ General Earle Wheeler, Director, Joint Staff, to Secretary of Defense, "SAC Airborne Alert Indoctrination Program," 8 August 1961, Top Secret, *National Security Archive*, URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/33090-document-14-general-earle-wheeler-director-joint-staff-secretary-defense-sac> (дата обращения: 23.03.2026).

² Deputy Secretary of Defense Cyrus Vance to the President, "Strategic Air Command Airborne Alert Indoctrination Training Program for FY 1965," 4 May 1964, Top Secret, *National Security Archive*, URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/33092-document-16-deputy-secretary-defense-cyrus-vance-president-strategic-air-command> (дата обращения: 23.03.2026).

³ Memorandum by the J-5 for the Joint Chiefs of Staff on SAC Airborne Alert Indoctrination Program, Washington, December 5, 1965, *National Security Archive*, URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/33093-document-17-memorandum-j-5-joint-chiefs-staff-sac-airborne-alert-indoctrination> (дата обращения: 23.03.2026).

общего числа стратегических бомбардировщиков. Председатель ОКНШ Э. Уилер, однако, выступал против отказа от программы *Airborne Alert*, считая, что основной тоннаж ЯО, несмотря на рост числа МБР, все равно приходится на стратегические бомбардировщики¹. В служебной записке от имени ОКНШ в декабре 1965 г. он предлагал уменьшить количество боевых вылетов до шести, но сохранить программу в целом².

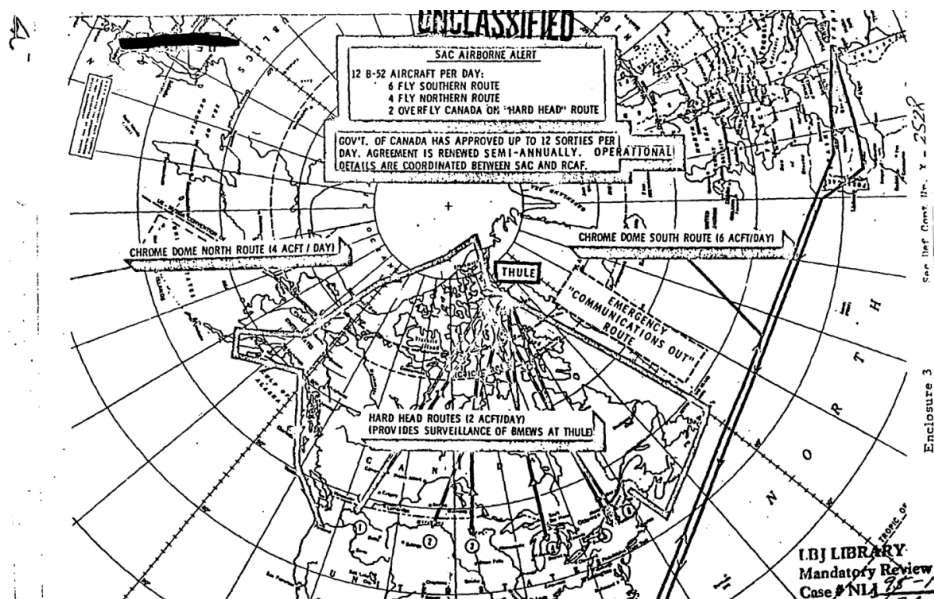

Рис. Схема маршрутов американской стратегической авиации в рамках программы *Airborne Alert*, май 1964 г.

Источник: Strategic Air Command Airborne Alert Indoctrination Training Program for FY 1965³.

Авиакатастрофа с участием американского стратегического бомбардировщика В-52 в январе 1966 г. недалеко от испанского поселка Паломарес привела к серьезным корректировкам в отношении *Airborne Alert Program*. Так, восточный маршрут патрулирования через Атлантический океан был прекращен, а общее число бомбардировщиков сократилось до четырех с июля 1966 г. Весьма примечательно, что из четырех оставшихся бомбардировщиков один отвечал за патрулирование северного маршрута, один — района Аляски, а два оставшихся осуществляли визуальный контроль за базой в Туле⁴.

¹ Memorandum by the J-5 for the Joint Chiefs of Staff on SAC Airborne Alert Indoctrination Program, Washington, December 5, 1965, *National Security Archive*, URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/33093-document-17-memorandum-j-5-joint-chiefs-staff-sac-airborne-alert-indoctrination> (дата обращения: 23.03.2026).

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Headquarters Strategic Air Command, History and Research Division, History of Strategic Air Command, January—June 1968, Historical Study №112, February 1969, Top Secret (excerpt), *National Security Archive*, URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/33115-document-28-headquarters-strategic-air-command-history-and-research-division-history> (дата обращения: 23.03.2026).

Можно констатировать, что значимость *Airborne Alert Program* к концу десятилетия значительно сократилась. Обозначившееся расхождение оценок Министерства обороны и ОКНШ относительно ее целесообразности, а также ядерный инцидент в Испании предопределили значительное сокращение числа стратегической авиации, которая осуществляла воздушное патрулирование. На этом фоне военно-стратегическая ценность базы в Туле к концу десятилетия определялась в большей степени расположением там системы раннего обнаружения пуска МБР.

Политико-дипломатические и военно-стратегические аспекты крушения бомбардировщика В-52 в Гренландии

Двадцать первого января 1968 г. американский стратегический бомбардировщик В-52, выполнявший патрулирование над военной базой в Туле с четырьмя ядерными боезарядами МК-28 на борту, потерпел крушение в заливе Северной Звезды в Гренландии. Хотя крушение не привело к непосредственному ядерному взрыву, конвенциональная часть сдетонировала, что обусловило частичное плутониевое заражение определенной территории. Этот эпизод привел как к военно-стратегическим переоценкам, так и к политико-дипломатическим сложностям для США.

Хотя часть военного истеблишмента США выступала за продолжение полетов без ЯО на бортах бомбардировщиков после инцидента 1968 г., командующий КСА считал это бесполезным со стратегической точки зрения, и полеты по северным и западным маршрутам были прекращены, сохранилось лишь патрулирование над базой в Туле, но без ЯО. В ходе встречи с президентом Линдоном Джонсоном 22 января Р. Макнамара отметил, что по согласованию с председателем ОКНШ Э. Уилером было принято решение прекратить практику воздушного патрулирования с ЯО на борту¹. Однако весьма примечательно, что тема крушения В-52 в Гренландии практически не обсуждалась на заседании в Белом доме. Основное внимание было уделено другим вопросам, таким как ситуация в Юго-Восточной Азии и задержание разведывательного судна Северной Кореи. Свое короткое выступление по авиакатастрофе в Туле Р. Макнамара практически сразу прервал для продолжения дискуссии относительно задержания судна в Северо-Восточной Азии.

Несмотря на сложные поисковые условия, связанные с низкими температурами, продолжительным снегопадом и полярной ночью, Комиссия по атомной энергетике США 24 января сообщала, что на месте падения бомбардировщика наблюдается «незначительный уровень заражения»². Тридцатого января ВВС докладывало ОКНШ, что попадание плутония в толщи льда и воду может вызвать заражение, что сделает территории непригодными для проживания около 200 семей³. В ходе совместного заседания Министерства обороны и Комиссии по атомной энергетике

¹ Note from Tom Johnson to the President, enclosing notes of the President's Tuesday Luncheon, 23 January 1968, Top Secret, *National Security Archive*, URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/33110-document-23-note-tom-johnson-president-enclosing-notes-presidents-tuesday-luncheon> (дата обращения: 23.03.2026).

² Message from USAEC Lee Hancock to USAEC Charles Winter, "Thule Broken Arrow" 24 January 1968, Secret, Excised copy, *National Security Archive*, URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/33111-document-24-message-usaec-lee-hancock-usaec-charles-winter-thule-broken-arrow-24> (дата обращения: 23.03.2026).

³ Message from Chief of Staff Air Force to Joint Chiefs, National Military Command Center, "Supplemental Report Number 7 of Nuclear Accident," 31 January 1968, Secret, *National Security Archive*, URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/33498-document-6-message-chief-staff-air-force-joint-chiefs-national-military-command> (дата обращения: 23.03.2026).

помощник министра обороны Карл Уолске отмечал, что «38 % от общего объема плутония осело на снегу и льду в районе падения», а общая площадь заражения составляла около 20 акров¹.

Генерал Эдвард Гиллер 23 февраля докладывал в Вашингтон, что «99 % обломков бомбардировщика было собрано», что существенно снизило уровень ядерного загрязнения². Помощник госсекретаря по европейским делам Дж. Ледди также сообщал Д. Раску, что умелые действия США и Дании, а также публичное акцентирование внимания на том, что все действия ведутся в рамках датско-американских совместных групп, позволили избежать негативного отношения со стороны датчан³. Он также утверждал, что уровень загрязнения оставался невысоким и что по достигнутому соглашению США вывезут и переработают до 50 % зараженного льда и снега.

Наиболее сложная для Вашингтона ситуация сложилась в политико-дипломатической сфере. После крушения бомбардировщика В-52 для правительства Дании особенно важно было не допустить обвинений со стороны избирателей в негласном согласии на размещение американского ЯО в Гренландии. На пресс-конференции в тот же день министр иностранных дел Ханс Табор заявил, что Копенгаген продолжает придерживаться политики неразмещения на своей территории ЯО, о чем Вашингтон осведомлен⁴. Крушение же, по мнению министра, было связано с неисправностью американского бомбардировщика в ходе полетов в арктическом регионе, и он пытался аварийно приземлиться на базе в Туле.

Однако заявления датской стороны после катастрофы вызвали негативную реакцию в Вашингтоне. Внешнеполитический истеблишмент страны крайне негативно воспринимал любые публичные упоминания о каких-либо договоренностях в отношении размещения или неразмещения американского ЯО. Государственный секретарь Дин Раск телеграфировал в посольство США в Копенгагене, что датскому послу напомнили о существовании секретных договоренностей конца 1950-х гг. относительно ЯО, а также вновь повторили американскую формулу в отношении ЯО: «Не подтверждать и не опровергать публично наличие ЯО на самолетах или военных базах где бы то ни было в мире»⁵. Более того, Вашингтон считал, что в ходе встречи американского посла Уильяма Блэра с датским заместителем министра по

¹ "The Chairman's Account of the Preliminary View of the Safety Evaluation Panel for Thule Incident Following DoD-AEC Briefing, February 5, 1968," with list of members of Panel, chaired by Herbert M. Parker, Battelle Memorial Institute, 5 February 1968, Secret, *National Security Archive*, URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/33499-document-7-chairmans-account-preliminary-view-safety-evaluation-panel-thule-incident> (дата обращения: 23.03.2026).

² Brig. General Edward B. Giller, Assistant General Manager for Military Application, to Atomic Energy Commission Members, "B-52 Crash at Thule Air Base, Greenland," 23 February 1968, Secret, Excised Copy, with Joint U.S.-Denmark Statement, 16 February 1968 attached, *National Security Archive*, URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/33501-document-9-brig-general-edward-b-giller-assistant-general-manager-military> (дата обращения: 23.03.2026).

³ Information Memorandum from the Assistant Secretary of State for European Affairs (Leddy) to Secretary of State Rusk, Washington, February 23, 1968, *Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XII: Western Europe*, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v12/d9> (дата обращения: 23.03.2026).

⁴ U.S. Embassy Denmark Telegram 2835 to State Department, Copenhagen, January 22, 1968, *National Security Archive*, URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/33109-document-22-us-embassy-denmark-telegram-2835-state-department-22-january-1968-secret> (дата обращения: 23.03.2026).

⁵ Telegram From the Department of State to the Embassy in Denmark, Washington, January 27, 1968, *Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XII: Western Europe*, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v12/d3> (дата обращения: 23.03.2026).

делам Гренландии Эске Бруном после крушения стратегического бомбардировщика в Мэриленде в январе 1964 г. было получено негласное согласие Копенгагена на продолжение полетов с ЯО на борту¹. В этом смысле Вашингтон не считал себя ответственным за нарушение каких-либо договоренностей с Данией, а любые заявления Копенгагена в отношении безъядерного статуса Гренландии должны были быть сделаны без ссылок на США.

В ходе переговоров между датским послом Торбеном Ренне и госсекретарем Д. Раском 28 января последний отмечал, что в планировавшемся заявлении премьер-министра Йенса Крага в отношении Гренландии не должно было быть упоминаний о каких-либо контактах с США по вопросу отсутствия на острове ЯО, то есть должна была излагаться позиция только самой Дании². В Вашингтоне опасались, что такой прецедент может подорвать американское ядерное сдерживание в мире в целом, поскольку обсуждение вопроса размещения американского ЯО вышло бы в публичную плоскость. Примечательно, что на апелляцию госсекретаря к договоренностям относительно размещения ЯО в Гренландии посол отвечал, что уже в 1960-е гг. было сделано несколько публичных заявлений о том, что Дания выступает против размещения ЯО на острове. Д. Раск, в свою очередь, отмечал, что США не потерпят обвинений в нарушении договоренностей.

Наибольшую обеспокоенность в Вашингтоне в конце января вызывала вероятность разрушения общерегиональной оборонительной архитектуры на северном фланге НАТО, о чем недвусмысленно сообщало разведсообщество³. В частности, речь шла о том, что ядерный инцидент мог спровоцировать дальнейшее разбирательство в Дании и последующий пересмотр соглашений о военных базах, в которых мог быть прямо предусмотрен запрет на любые пролеты с ЯО на борту. Более того, были опасения, что и Исландия пойдет на схожие меры в отношении американских баз в стране, что могло ограничить возможности для ядерного сдерживания в регионе. Схожие тенденции, хотя и в меньшей степени, могли наблюдаться и в Норвегии.

Тем не менее Дания не стремилась к пересмотру договора 1951 г., о чем было сообщено в ходе неформальных контактов в посольстве США в Копенгагене⁴. Как отмечал посол Т. Ренне, это «могло создать больше проблем, чем решить»⁵. Он считал, что автономия Гренландии к 1968 г. значительно возросла, что де-факто переводит переговоры по новому соглашению в трехстороннюю плоскость, чего стороны хотели бы избежать. В этом контексте Копенгаген искал более гибкую формулу, которая была бы приемлемой и для Вашингтона, для запрещения размещения ЯО в Гренландии без модификации договора 1951 г.

¹ Informal Record of Remarks, Washington, January 27, 1968, *Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XII: Western Europe*. Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v12/d4> (дата обращения: 23.03.2026).

² Telegram From the Department of State to the Embassy in Denmark, Washington, January 28, 1968, *Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XII: Western Europe*, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v12/d5> (дата обращения: 23.03.2026).

³ Intelligence Note, Washington, January 31, 1968, *Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XII: Western Europe*, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v12/d6> (дата обращения: 23.03.2026).

⁴ Telegram From the Embassy in Denmark to the Department of State, Copenhagen, February 8, 1968, *Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XII: Western Europe*, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v12/d7> (дата обращения: 23.03.2026).

⁵ Ibid.

Начальник отдела Скандинавских стран Государственного департамента Дэвид Маккилоп по позиции США в отношении Гренландии подготовил документ, который Вашингтон планировал передать Дании, и отдал его помощнику госсекретаря по европейским делам Джону Ледди на согласование. В нем отмечалось, что США могли бы дать негласные гарантии того, что на американских военных базах не будет размещено ЯО, а над Гренландией не будут пролетать самолеты с ЯО на борту¹. Одновременно с этим вновь подтверждалась линия «некомментирования» относительно размещения американского ЯО за рубежом. Министерство обороны при согласовании документа Д. Маккилопа сделало оговорку, что пролеты с ЯО возможны лишь по соглашению с Данией, но в чрезвычайных ситуациях, под которыми понимался ядерный удар СССР, сделать это может быть сложно в условиях ограниченного времени². Фактически Вашингтон оставлял для себя право в случае неожиданной атаки СССР использовать военную инфраструктуру в Гренландии для нанесения ударов по советским объектам в одностороннем порядке без предварительного согласования с Данией. Впоследствии посол Ренне сообщал, что позиция Вашингтона по неразмещению ЯО и запрету на пролет над Гренландией с ЯО на борту встретила поддержку в Копенгагене³.

После кризиса в связи с падением американского бомбардировщика В-52 в Гренландии для Вашингтона ключевая задача состояла в сохранении доступа к радару раннего предупреждения о пуске МБР и к необходимым воздушным коридорам для стратегической авиации в случае чрезвычайных ситуаций⁴. Ради достижения этой цели США были готовы пойти Копенгагену на уступки в плане гарантий о неразмещении ЯО в Гренландии и запрета полетов стратегической авиации с ЯО на борту, поскольку опасались, что в противном случае датчане могут потребовать полного пересмотра соглашения 1951 г. Датская сторона все больше настаивала на заключении юридического соглашения, которое запрещало бы присутствие ЯО в Гренландии в любой форме, что не устраивало Вашингтон, который предлагал ограничиться конфиденциальным обменом нот⁵. Более того, посол Т. Ренне отмечал, что парламент оказывает на правительство все большее давление, чтобы принудить его получить официальное публичное подтверждение Вашингтона относительно неразмещения ЯО в Гренландии, что также вызвало стойкую негативную реакцию у США.

¹ Action Memorandum From the Director of the Office of Scandinavian Affairs (McKillop) to the Assistant Secretary of State for European Affairs (Leddy), Washington, February 13, 1968, *Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XII: Western Europe*, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v12/d8> (дата обращения: 23.03.2026).

² Letter From the Assistant Secretary of Defense for International Security Affairs (Warnke) to the Assistant Secretary of State for European Affairs (Leddy), Washington, February 24, 1968, *Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XII: Western Europe*, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v12/d10> (дата обращения: 23.03.2026).

³ Note From the Danish Ambassador (Ronne) to Secretary of State Rusk, Washington, February 26, 1968, *Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XII: Western Europe*, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v12/d11> (дата обращения: 23.03.2026).

⁴ Letter From the Assistant Secretary of State for European Affairs (Leddy) to the Assistant Secretary of Defense for International Security Affairs (Warnke), Washington, March 11, 1968, *Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XII: Western Europe*, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v12/d12> (дата обращения: 23.03.2026).

⁵ Telegram From the Department of State to the Embassy in Denmark, Washington, March 13, 1968, *Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XII: Western Europe*, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v12/d13> (дата обращения: 23.03.2026).

США смогли навязать Дании свою линию и дистанцировались как от заключения отдельных юридических соглашений, так и от публичных комментариев. В марте 1968 г. Государственным департаментом был подготовлен проект секретной ноты, в которой отмечалось, что США не будут в любом виде размещать ЯО и пролетать с ним на борту над Гренландией, но оставалось положение о чрезвычайных ситуациях, о которых было сказано выше¹. После ее вручения послу Т. Ренне 1 апреля он отметил, что вопросы вызвал именно последний пункт ноты о чрезвычайных ситуациях, поскольку, как он считал, это могло спровоцировать негативную реакцию со стороны МИД Дании². Посол отмечал, что в таких ситуациях экстренная реакция будет рассматриваться как само собой разумеющийся факт, который не нуждается в уточнении. Однако Дж. Ледди возражал послу, что крушение В-52 и незнание большей частью правительства Дании о каких-либо договоренностях имели негативные последствия для США, чего бы они хотели избежать в будущем. Однако в служебной записке помощнику министра обороны Полу Уорнке Ледди все же предлагал не создавать из этого серьезную проблему и пойти на уступки датчанам³. В целом Министерство обороны согласилось с позицией Государственного департамента по этому вопросу, однако П. Уорнке отдельно отметил, что необходимо устно обозначить важность для США пролетов над территорией Гренландии с ЯО на борту в экстренных обстоятельствах и это должно быть включено в запись беседы, копию которой передадут послу Т. Ренне⁴. Свое согласие с таким планом обозначили госсекретарь Д. Раск⁵ и президент Л. Джонсон⁶.

Несмотря на то что Дж. Ледди сообщил послу Т. Ренне, что США никак не будут подтверждать и комментировать заявление властей Дании относительно запрета на размещение ЯО в Гренландии, а также изменения части формулировки в самой ноте, обмен все же состоялся в конце мая 1968 г.⁷ Для США это была политико-дипломатическая победа. С одной стороны, Вашингтон сохранял доступ к системе раннего предупреждения о пуске МБР в Туле, что было критически важно на фоне

¹ Action Memorandum From the Assistant Secretary of State for European Affairs (Leddy) to the Under Secretary of State (Katzenbach), Washington, March 28, 1968, *Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XII: Western Europe*, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v12/d14> (дата обращения: 23.03.2026).

² Telegram From the Department of State to the Embassy in Denmark, Washington, April 3, 1968, *Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XII: Western Europe*, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v12/d15> (дата обращения: 23.03.2026).

³ Letter From the Assistant Secretary of State for European Affairs (Leddy) to the Assistant Secretary of Defense for International Security Affairs (Warnke), Washington, April 17, 1968, *Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XII: Western Europe*, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v12/d16> (дата обращения: 23.03.2026).

⁴ Letter From the Assistant Secretary of Defense for International Security Affairs (Warnke) to the Assistant Secretary of State for European Affairs (Leddy), Washington, April 26, 1968, *Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XII: Western Europe*, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v12/d17> (дата обращения: 23.03.2026).

⁵ Action Memorandum from the Assistant Secretary of State for European Affairs (Leddy) to Secretary of State Rusk, Washington, May 9, 1968, *Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XII: Western Europe*, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v12/d18> (дата обращения: 23.03.2026).

⁶ Briefing Memorandum from the Assistant Secretary of State for European Affairs (Leddy) to the Under Secretary of State (Katzenbach), Washington, May 29, 1968, *Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XII: Western Europe*, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v12/d21> (дата обращения: 23.03.2026).

⁷ Note From the Danish Ambassador (Ronne) to Secretary of State Rusk, Washington, May 31, 1968, *Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XII: Western Europe*, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v12/d22> (дата обращения: 23.03.2026).

превращения баллистических ракет в основное средство доставки ЯО СССР¹. В условиях сворачивания программы *Airborne Alert* из-за ее устаревания, дороговизны, стратегической необоснованности и высоких рисков значимость постоянного воздушного патрулирования в военной стратегии США сильно сократилась, что сводило на нет необходимость пролетов над Гренландией бомбардировщиков с ЯО, на чем настаивала и Дания. Однако Вашингтон согласовал с Копенгагеном положения о том, что в экстренных ситуациях, то есть в случае нападения со стороны СССР, Соединенные Штаты могли без предварительного уведомления направлять свои бомбардировщики с ЯО через Гренландию. Дания, в свою очередь, официально и публично подтвердила, что в Гренландии нет ЯО ни в какой форме, а Вашингтон никак это не прокомментировал, что также было выгодно для обеих сторон.

Значение для современности

В условиях превращения великодержавной конкуренции в магистральную тенденцию развития современных международных отношений соперничество за арктический регион заметно усилилось [21]. В отличие от времен Холодной войны интерес к региону проявляют не только арктические государства, но и ряд неарктических, включая КНР, а противостояние строится вокруг как военно-стратегических аспектов, так и торгово-логистических [22]. Важным индикатором возросшей значимости Арктики в военно-политическом планировании США стало появление Арктической стратегии США в октябре 2022 г.², дополненной в 2024 г. Арктической стратегией Министерства обороны США³, где указывается, что регион представляется одним из ключевых в контексте обеспечения национальной безопасности страны. В этой ситуации возрождение внимания Вашингтона к Гренландии представляется закономерным процессом, учитывая стратегическую значимость американской оборонной инфраструктуры, созданной на острове.

Американская военная база в Туле, переименованная в 2023 г. в Космическую базу Питуффик, во многом сохраняет стратегические функции, возложенные на нее в эпоху Холодной войны: предупреждение о ракетной опасности, противоракетная оборона, а также наблюдение за космическим пространством. Значительная модернизация радиолокационной станции на базе в Туле в 2000-е гг. позволила ее глубже интегрировать в американскую архитектуру безопасности. На фоне общей деградации системы контроля над вооружениями, роста противоречий с Россией и КНР, а также повышения рисков ядерной эскалации сохранение гарантированного доступа США к инфраструктуре Питуффика представляется одной из важнейших задач для обеспечения национальной безопасности [23]. Более того, созданная в Гренландии военная инфраструктура необходима США в контексте обозначенного намерения реализовать проект «Золотой купол», призванный создать качественно новую систему защиты от баллистических, гиперзвуковых и крылатых ракет.

На этом фоне Д. Трамп, вновь избранный президентом США в 2024 г., вернулся к идее изменения статуса Гренландии, о чем говорил еще в годы своего первого сро-

¹ Briefing Memorandum from the Assistant Secretary of State for European Affairs (Leddy) to the Under Secretary of State (Katzenbach), Washington, May 29, 1968, *Foreign Relations of the United States, 1964—1968, Vol. XII: Western Europe*, Washington, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v12/d21> (дата обращения: 23.03.2026).

² National Strategy for the Arctic Region, October 2022, Washington, DC, The White House, URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf> (дата обращения: 26.05.2026).

³ U.S. Department of Defense. Department of Defense Arctic Strategy, July 2024, Washington, DC, U.S. Department of Defense, URL: <https://media.defense.gov/2024/Jul/22/2003507411/-1/-1/0/DOD-ARCTIC-STRATEGY-2024.PDF> (дата обращения: 26.05.2026).

ка. Во многом такая позиция, как и в эпоху Холодной войны, связана с отсутствием уверенности у военно-политического истеблишмента США в полном доступе к военной инфраструктуре в случае начала крупномасштабного конфликта, а также с сохранением необходимости в той или иной степени координировать свои действия с властями Дании и Гренландии. Более того, обозначившийся кризис трансатлантической солидарности лишь усугубляет эти опасения. В этом контексте режим, установленный договором 1951 г. и дополненный соглашением 2004 г., представляется для американской стороны недостаточно гибким и требующим адаптации к новым реалиям. Помимо этого в Вашингтоне осознают значимость Гренландии с точки зрения запасов природных ресурсов и критических минералов [24], хотя канадский ученый Фредерик Лассерр считает, что добыча этих ресурсов из-за климатических условий является трудоемкой и не вполне рентабельной задачей [25].

Тем не менее силовой подход Д. Трампа к решению этой проблемы, выразившийся в угрозах применения экономического давления и не исключавший использование американских вооруженных сил, столкнулся с существенным отпором со стороны не только Дании и Гренландии, но и стран ЕС. Транзакционный подход действующего президента США значительно отличается от тайных переговоров, характерных для периода Холодной войны, и во многом ухудшил переговорные позиции Вашингтона из-за публичного давления, оказанного на Данию и Гренландию [26]. Однако можно предположить, что негласные переговоры продолжатся, учитывая чувствительность данной темы для американской стороны.

Одной из ключевых проблем для США остается значительно возросшая по сравнению с периодом Холодной войны степень автономии Гренландии и ее более активное участие в любых переговорах о дальнейшем статусе острова [27]. Уже после кризиса 1968 г. США и Дания опасались, что ядерный инцидент может привести к необходимости полного пересмотра договора 1951 г., что, вероятно, потребует включить в переговорный процесс представителей Гренландии. Уже тогда это обстоятельство воспринималось как проблема, способная значительно усложнить заключение итогового соглашения. Сара Олсвиг отмечает, что смена переговорной парадигмы произошла в 2020 г., когда Вашингтон напрямую вел переговоры с Нууком по вопросам военной базы Питуффик, что обозначило существенный отход от модели времен Холодной войны и вывело Гренландию из статуса объекта переговорного процесса, превратив ее в значимый субъект [28]. Сегодня на фоне резких заявлений Д. Трампа любые уступки Вашингтону могут провоцировать крайне негативную реакцию датского и гренландского обществ, что потребует от сторон осторожной и взвешенной позиции [29].

Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что политика США в отношении Гренландии в 1941—1968 гг. носила последовательный, но внутренне неоднородный характер, определявшийся сочетанием дипломатических, стратегических и межведомственных факторов. В годы Второй мировой войны Вашингтон не сразу согласился на предложение датского посла Кауфманна о размещении американского контингента на острове. Впоследствии США все же разместили военные базы в Гренландии, обуславливая это необходимостью предотвращения контроля Германии над стратегическими узлами и коммуникациями в Северной Атлантике, что было закреплено соответствующим договором 9 апреля 1941 г. Однако уже в первые послевоенные годы Гренландия перестала рассматриваться как объект временного соглашения с Данией и превратилась в элемент долгосрочного военно-политического и стратегического планирования в связи с нарастанием советско-американских противоречий и началом Холодной войны.

Материалы ЦРУ, Государственного департамента и военных ведомств показывают, что к концу 1940-х гг. в американском руководстве сложилось устойчивое представление о Гренландии как о территории, обладающей исключительным значением для обороны США и Западного полушария в целом. При этом дипломаты и военные по-разному оценивали пределы давления на Данию, а также формат закрепления американских прав на острове. На уровне стратегии позиция США оставалась неизменной: не допустить утрату Гренландии как военно-стратегического актива и создать прочную юридическую базу для сохранения военного присутствия, когда стало очевидным, что покупка Гренландии невозможна.

Рубежным этапом стало заключение соглашения 1951 г., которое заменило предшествующий договор 1941 г. и подвело новое юридическое обоснование под сохранение американского присутствия в Гренландии. В отличие от предшествующего этапа речь уже шла не просто о недопущении установления контроля потенциального противника над островом, но о последовательном встраивании Гренландии в американскую систему стратегического сдерживания. Форсированное строительство военной базы в Туле и развитие военной инфраструктуры на острове, постепенная интеграция Гренландии в полярную стратегию США и последующее переподчинение военной базы в Туле КСА в 1957 г. свидетельствовали о том, что Гренландия заняла важное место в американской системе ядерного сдерживания.

В первой половине 1950-х гг. военная база в Туле рассматривалась как важный узел обеспечения стратегической авиации и промежуточная база развертывания, на которой на ротационной основе находились бомбардировщики В-36. Во второй половине десятилетия ее значимость стала возрастать в связи с развитием возможностей воздушной дозаправки и программ постоянного воздушного патрулирования. Однако наибольшие перемены были связаны с появлением межконтинентальных баллистических ракет у СССР. На этом фоне американская база в Туле превращалась в наиболее подходящую территорию для размещения радара для раннего предупреждения о пуске баллистических ракет. С этого момента США начали формировать новую систему ядерного сдерживания, в которой база в Гренландии играла одну из ключевых ролей.

На протяжении всего рассматриваемого периода Вашингтон был вынужден учитывать позицию Дании в контексте военного освоения Гренландии. Копенгаген, стремясь сохранить суверенитет над островом и одновременно не подорвать союзнические отношения с США, проводил линию прагматичного сотрудничества с американской стороной, но при этом последовательно сопротивлялся полному фактическому контролю Соединенных Штатов над Гренландией, стремясь минимизировать негативные издержки для внутренней политики от уступок Вашингтону. Отношения между странами в указанный период сводились к поиску компромиссных формул, позволявших сочетать стратегические интересы США с осторожной политикой Дании. Несмотря на то что американские военные призывали оказывать давление на Копенгаген с целью получения максимальной свободы действий на острове, а также неоднократно прорабатывали вопрос его покупки, Государственный департамент подходил к выстраиванию отношений более нюансированно, учитывая интересы датской стороны.

Особое значение в указанный период приобрела проблема размещения американского ЯО в Гренландии. В конце 1950-х гг. американские военные настаивали на максимально широкой трактовке договора 1951 г. и считали, что не обязаны уведомлять Копенгаген о своих намерениях в отношении размещения ЯО. Дипломаты тем не менее предварительно провели негласные переговоры, по итогам которых было получено неофициальное разрешение Копенгагена на размещение ЯО в Гренландии. Параллельно в официальном дискурсе Дании неоднократно постулировалась идея о том, что на острове нет ЯО. На этом фоне складывалась двус-

мысленная ситуация, когда власти Дании так или иначе знали о том, что США используют базу в Туле либо для хранения ЯО, либо для осуществления пролетов над ней с ЯО на борту, однако стороны смогли на протяжении достаточно длительного периода избегать открытой конфронтации.

Авиакатастрофа 1968 г., приведшая к падению американского бомбардировщика В-52 с ЯО на борту, стала кульминацией кризиса в датско-американских отношениях относительно размещения американского ЯО в Гренландии. Кризис показал, что прежняя модель взаимоотношений между странами, основанная на сочетании секретных договоренностей, ограниченной осведомленности и публичной неопределенности, достигла своего предела. Анализ внутренних межведомственных переговоров в США демонстрирует, что сам факт аварии для американского руководства не вызвал большой тревоги. Все межведомственное согласование американской внешнеполитической линии после инцидента 1968 г. сводилось к достижению двух целей: сохранению доступа к радарам раннего предупреждения о пусках МБР и недопущению перевода в публичную плоскость дискуссий относительно американского ЯО в других странах. В этом контексте Вашингтон пошел на ряд уступок Дании с целью достижения более глобальных и долгосрочных целей.

Таким образом, Гренландия в рассматриваемый период выступала не периферийным, а одним из ключевых элементов арктической политики США, направленной на сдерживание СССР. Отход от стратегии «периферии» в пользу полярной стратегии, а также появление МБР превратили арктическое пространство в одну из центральных территорий, необходимых США для обеспечения собственной национальной безопасности.

Финансирование. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 25-78-10217 «Международно-правовая политика западных государств в Арктике и Антарктике в условиях формирования многополярности».

Список литературы / References

1. Petersen, N. 1998, The H. C. Hansen Paper and Nuclear Weapons in Greenland, *Scandinavian Journal of History*, vol. 23, № 1—2, p. 21—44, <https://doi.org/10.1080/03468759850116007>
2. Petersen, N. 2011, SAC at Thule: Greenland in the U. S. Polar Strategy, *Journal of Cold War Studies*, vol. 13, № 2, p. 90—115, https://doi.org/10.1162/JCWS_a_00138
3. Fischer, K. 1993, The Modernization of the US Radar Installation at Thule, Greenland, *Journal of Peace Research*, vol. 30, № 1, p. 7—20, EDN: JNXMLV, <https://doi.org/10.1177/0022343393030001002>
4. Archer, C. 1988, The United States Defence Areas in Greenland, *Cooperation and Conflict*, № 3, p. 123—144, EDN: JQRCQT, <https://doi.org/10.1177/001083678802300302>
5. Archer, C. 2003, Greenland, US Bases and Missile Defence: New Two-Level Negotiations?, *Cooperation and Conflict*, vol. 38, № 2, p. 125—147, EDN: JQRHDR, <https://doi.org/10.1177/0010836703038002003>
6. Moody, W. S. 1996, *Building a Strategic Air Force, 1945—1953*, Washington, DC, Air Force History and Museums Program, 400 p.
7. Farquhar, J. T. 2014, Arctic Linchpin: The Polar Concept in American Air Atomic Strategy, 1946—1948, *Air Power History*, vol. 61, № 4, p. 34—45.
8. Meilinger, P. S. 2014, Getting to the Target: The Penetration Problem in Strategic Air Command during the 1950s, *Air Power History*, vol. 61, № 3, p. 38—49.
9. Petersen, N. 2013, The Politics of US Military Research in Greenland in the Early Cold War, *Centarus*, vol. 55, № 3, p. 294—318, <https://doi.org/10.1111/1600-0498.12023>
10. Doel, R. E., Harper, K. C., Heymann, M. (eds.). 2016, *Exploring Greenland: Cold War Science and Technology on Ice (Palgrave Studies in the History of Science and Technology)*, Cham, Palgrave Macmillan, 324 p., <https://doi.org/10.1057/978-1-137-59688-8>

11. Olesen, T. 2011, Tango for Thule: The Dilemmas and Limits of the 'Neither Confirm nor Deny' Doctrine in Danish-American Relations, 1957—1968, *Journal of Cold War Studies*, vol. 13, № 2, p. 116—147, https://doi.org/10.1162/JCWS_a_00108
12. Olesen, T. 2013, Between Facts and Fiction: Greenland and the Question of Sovereignty 1945—1954, *New Global Studies*, vol. 7, № 2, p. 117—128, <https://doi.org/10.1515/ngs-2013-012>
13. Leitenberg, M. 2018, The Hazards of Operations Involving Nuclear Weapons during the Cold War, *Journal of Cold War Studies*, vol. 20, № 3, p. 207—249, https://doi.org/10.1162/jcws_a_00826
14. Фененко, А. В. 2011, Военно-политические аспекты российско-американских отношений в Арктике: история и современность, *Вестник Московского университета, Серия 25. Международные отношения и мировая политика*, № 2, с. 129—157, EDN: NXPDFZ
15. Fenenko, A. V. 2011, Military-political aspects of the Russian-American relations in the Arctic: past and present, *Moscow University Bulletin of World Politics*, № 2, p. 129—157 (in Russ.), EDN: NXPDFZ
16. Михаленко, В. Н. 2020, Исследование ледников Арктики во время холодной войны: продолжение истории, *Лёд и Снег*, т. 60, № 2, с. 285—294, EDN: KPOBCQ, <https://doi.org/10.31857/S2076673420020041>
17. Mikhailenko, V. N. 2020, Exploring Arctic glaciers during the Cold War: continuation of the story, *Ice and Snow*, vol. 60, № 2, p. 285—294 (in Russ.), EDN: KPOBCQ, <https://doi.org/10.31857/S2076673420020041>
18. Putnam, R. D. 1988, Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games, *International Organization*, vol. 42, № 3, p. 427—460.
19. Емельянцева, М. О. 2014, Гренландский вопрос в датско-американских отношениях в 40-е годы XX века, *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, № 1, с. 104—111, EDN: RYCAHN
20. Emelyantseva, M. O. 2014, Greenlandic issues in Danish-us relations in the 40s of XX century, *Vestnik RUDN. International Relations*, № 1, p. 104—111, EDN: RYCAHN
21. Gleditsch, N. P. 1985, Europe's Northern Region between the Superpowers, *Bulletin of Peace Proposals*, vol. 16, № 4, p. 399—411, <https://doi.org/10.1177/096701068501600409>
22. Weiss, E. D. 2001, Cold War Under the Ice: The Army's Bid for a Long-Range Nuclear Role, 1959—1963, *Journal of Cold War Studies*, vol. 3, № 3, p. 31—58, <https://doi.org/10.1162/152039701750419501>
23. Nielsen, K. H., Nielsen, H., Martin-Nielsen, J. 2014, City under the Ice: The Closed World of Camp Century in Cold War Culture, *Science as Culture*, vol. 23, № 4, p. 443—464, <https://doi.org/10.1080/09505431.2014.884063>
24. Suslov, D., Kashin, V. 2022, Arctic as a New Playground for Great Power Competition: The Russia—China—United States Triangle, in: Likhacheva, A. (ed.), *Arctic Fever*, Singapore, p. 3—30.
25. Puranen, M., Kopra, S. 2023, China's Arctic Strategy — A Comprehensive Approach in a Changing Geopolitical Environment, *Scandinavian Journal of Military Studies*, vol. 6, № 1, p. 276—291, EDN: ORQVYK, <https://doi.org/10.31374/sjms.196>
26. Кобышев, В. Н., Сергунин, А. А. 2024, О новой военной стратегии США в Арктике, *Арктика и Север*, № 57, с. 226—243, EDN: GEHTHS, <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.226>
27. Konyshov, V. N., Sergunin, A. A. 2024, On the New US Military Strategy in the Arctic, *Arctic and North*, № 57, p. 226—243 (in Russ.), EDN: GEHTHS, <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.226>
28. Шариков, П. А. 2026, Претензии США на Гренландию в контексте трансатлантических отношений, *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, № 1 (49), с. 24—36, EDN: DRPSKC, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran120262436>
29. Sharikov, P. A. 2026, US claims to Greenland in the context of transatlantic relations, *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, № 1 (49), p. 24—36 (in Russ.), EDN: DRPSKC, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran120262436>
30. Lasserre, F. 2025, Pourquoi Donald Trump veut-il acheter le Groenland?, *Hérodote*, № 2 (197), p. 7—19, EDN: VICWHC, <https://doi.org/10.3917/her.197.0007>
31. Olesen, M. R. 2025, Dansk-amerikanske relationer under Trump og Biden 2017—2025, *Internasjonal Politikk*, vol. 83, № 2, p. 220—233, EDN: CGMIXT, <https://doi.org/10.23865/intpol.v83.7054>

27. Ackrén, M., Jakobsen, U. 2015, Greenland as a Self-Governing Sub-National Territory in International Relations: Past, Current and Future Perspectives, *Polar Record*, vol. 51, № 4, p. 404—412, EDN: YDAYHM, <https://doi.org/10.1017/S003224741400028X>

28. Olsvig, S. 2024, Odd Couples' Win-Sets: Maintaining U.S. Basing Rights Through New Two-Level Game Negotiations With Greenland, *Scandinavian Journal of Military Studies*, vol. 7, № 1, p. 93—110, EDN: TKENFK, <https://doi.org/10.31374/sjms.208>

29. Dauylbayev, A., Yelmurayeva, R., Kamaljanova, T., Ibragimova, G. 2024, The Ambivalence of the Implementation of the US Arctic Policy: Integrating and Disintegration Factors of the Allies, *Frontiers in Political Science*, vol. 6, art. № 1341375, EDN: IGEBBD, <https://doi.org/10.3389/fpos.2024.1341375>

Об авторах

Владислав Владиславович Воротников, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки, МГИМО МИД России, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-3374-5677>

E-mail: v.vorotnikov@my.mgimo.ru

Кирилл Олегович Галкин, младший научный сотрудник, МГИМО МИД России, Россия.

<https://orcid.org/0009-0000-7092-8822>

E-mail: kiryo600@mail.ru

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution – Noncommercial – NoDerivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND4.0)

THE EVOLUTION OF U.S. POLICY TOWARD GREENLAND: MILITARY-STRATEGIC AND DIPLOMATIC ASPECTS (1941–1968)

V. V. Vorotnikov

K. O. Galkin

MGIMO University,
76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Received 29 March 2026

Accepted 5 June 2026

doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-4

© Vorotnikov V. V., Galkin K. O., 2026

The article examines the formation and evolution of the U.S. policy toward Greenland between 1941 and 1968. The purpose of the study is to identify how Greenland's place in American foreign policy and defence planning evolved over time, as well as to determine the role

To cite this article: Vorotnikov, V. V., Galkin, K. O. 2026, The evolution of U.S. policy toward Greenland: military-strategic and diplomatic aspects (1941–1968), *Baltic Region*, vol. 18, № 2, p. 66–94, doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-4

of interagency coordination in shaping Washington's policy toward Greenland. The research is based on declassified archival materials from U.S. foreign policy, intelligence, and military agencies, many of which are introduced into scholarly circulation for the first time. These materials make it possible to trace the relationship between U.S. strategic objectives, the dynamics of bilateral relations with Denmark, and the development of Arctic infrastructure. The study finds that Greenland's significance for the United States gradually extended beyond the requirements of local defence and became part of a broader strategy of containing the Soviet Union. It demonstrates that, at different stages, Washington combined diplomatic flexibility with a persistent commitment to maintaining a long-term military presence on the island. Particular attention is paid to the changing functions of American military infrastructure in Greenland as nuclear strategy, delivery systems, and early-warning capabilities evolved. The article concludes that U.S. policy toward Greenland was shaped not by a single factor but by a combination of strategic, diplomatic, and institutional interests. It further argues that the crisis surrounding the American military presence in 1968, triggered by the crash of a U.S. bomber carrying nuclear weapons, revealed the limitations of the previous model of bilateral cooperation.

Keywords:

Thule Air Base, nuclear deterrence, the United States, Greenland, U.S.-Danish relations

Funding. *The research was supported by the Russian Science Foundation, project № 25-78-10217, "The International Legal Policy of Western States in the Arctic and Antarctic in the Context of Emerging Multipolarity."*

The authors

Dr **Vladislav V. Vorotnikov**, Head of the Department of History and Politics of Europe and America, MGIMO University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-3374-5677>

E-mail: v.vorotnikov@my.mgimo.ru

Kirill O. Galkin, Junior Research Fellow, MGIMO University, Russia.

<https://orcid.org/0009-0000-7092-8822>

E-mail: kiry0600@mail.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

LMXKZM

ЭВОЛЮЦИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ШВЕЦИИ: ОТ ГУМАННОСТИ К СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ

М. М. Агафшин

С. А. Горохов

Р. В. Дмитриев

Институт Африки РАН,
123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1

Поступила в редакцию 16.08.2025 г.
Принята к публикации 11.03.2026 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-5
© Агафшин М. М., Горохов С. А.,
Дмитриев Р. В., 2026

Европейский миграционный кризис стал одним из ключевых вызовов для Швеции, традиционно проводившей либеральную политику в отношении беженцев и искателей убежища. Массовый приток искателей убежища выявил уязвимости национальной системы приема, усугубил проблемы социальной интеграции и привел к росту криминализации мигрантских сообществ. Цель исследования заключается в комплексном анализе эволюции шведской миграционной политики начиная с 2015 г. в контексте общеевропейских реформ и внутреннего запроса на усиление мер безопасности. Методология исследования основывается на системном и сравнительном подходах. Эмпирической базой работы послужили данные Статистического управления Швеции о численности искателей убежища, нормативно-правовые акты и аналитические отчеты. Установлено, что за последнее десятилетие Швеция изменила приоритеты своей миграционной политики, пройдя путь от главенства гуманитарных обязательств перед переселенцами к прагматичному отношению к мигрантам, которое сочетает меры по ограничению их количества с мероприятиями по интеграции в принимающее общество. С целью сокращения потока иммигрантов шведские власти используют такие методы, как ужесточение правил предоставления убежища, активизация программ реадмиссии, добровольного и принудительного выезда, расширение оснований и сроков запрета на въезд при депортации, создание инфраструктуры центров приема и возврата. Проведенный анализ демонстрирует, что реформы привели к снижению привлекательности Швеции для мигрантов и росту контроля над миграционными потоками, однако они не устранили долгосрочных проблем социальной интеграции мигрантов и их территориальной сегрегации, сохраняющих в стране особую актуальность.

Ключевые слова:

Швеция, миграционная политика, искатели убежища, беженцы, нелегальная миграция, реадмиссия, секьюритизация, Пакт ЕС о миграции и убежище

Для цитирования: Агафшин, М. М., Горохов, С. А., Дмитриев, Р. В. 2026. Эволюция миграционной политики Швеции: от гуманности к секьюритизации, *Балтийский регион*, т. 18, № 2, с. 95–110, doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-5

Введение

Европейский миграционный кризис, начавшийся в середине 2010-х гг., стал одним из наиболее значимых и комплексных вызовов для стран Европейского союза (ЕС) в новейшей истории. Лавинообразный приток вынужденных, а также нелегальных мигрантов, преимущественно из стран Ближнего Востока, Северной Африки и Южной Азии, начавшийся в 2015 г., выявил системные уязвимости в механизмах управления миграционными потоками и охраны внешних границ ЕС. Кризисная ситуация обнажила глубокие разногласия между государствами-членами относительно осуществления общей миграционной политики и распределения ответственности в ее рамках [1—3].

На пике кризиса, пришедшего на период 2015—2016 гг., государства — члены ЕС продемонстрировали значительные различия в подходах предоставления международной защиты и интеграции прибывающих лиц: от активной политики, нацеленной на широкое предоставление убежища и комплексную интеграцию [4—6], до жестких мер по усилению пограничного контроля, отказу от участия в механизмах распределения искателей убежища и минимизации социальных обязательств перед ними [7; 8]. Разнородность национальных стратегий не только осложнила выработку согласованного общеевропейского ответа на кризис, но и способствовала углублению политических разногласий внутри ЕС.

После прохождения пика кризиса приток вынужденных мигрантов в ЕС оставался на высоком уровне. В период 2017—2024 гг. ежегодное количество заявлений о предоставлении статуса беженца превышало 500 тыс. чел., за исключением 2020 г., снижение показателей которого главным образом связано с закрытием границ в условиях пандемии COVID-19 (табл. 1).

Таблица 1

Общее количество поданных заявлений о предоставлении статуса беженца в ЕС и Швеции с 2014 по 2024 г., тыс. чел.

Год	ЕС	Швеция	Год	ЕС	Швеция
2014	594,2	81,2	2020	476,4	20,2
2015	1282,7	162,5	2021	638,4	20,4
2016	1221,2	28,8	2022	960,7	23,8
2017	677,5	26,3	2023	1130,4	17,0
2018	632,6	28,6	2024	998,1	11,1
2019	702,8	30,3			

Составлено на основе материалов Европейского статистического агентства¹.

Увеличение нагрузки на систему приема беженцев, происходившую в условиях замедления экономического роста и сложностей социальной адаптации прибывших, подтолкнуло европейское общество к росту антииммигрантских настроений, приведших к поддержке правых партий как на национальном, так и на общеевропейском уровнях [9; 10]. Трансформация общественно-политического дискурса повлекла за собой постепенное реформирование общеевропейской миграционной политики, результатом которого стало принятие в 2024 г. Нового пакта ЕС о миграции и убежище². Новый набор правил в значительной степени смещает акцент

¹ Asylum applicants by type, citizenship, age and sex — annual aggregated data, 2025, Eurostat, URL: https://doi.org/10.2908/MIGR_ASYAPPCTZA (дата обращения: 12.07.2025).

² Pact on Migration and Asylum, 2024, European Commission, 21.04.2024, URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/migration-and-asylum/pact-migration-and-asylum_en (дата обращения: 20.06.2025).

проведения политики на секьюритизацию и экстернализацию. Важными элементами политики становится ужесточение контроля на внешних границах ЕС, создание в приграничной зоне центров приема и регистрации. Особое внимание уделяется внешнему управлению миграционными потоками через систему соглашений о реадмиссии с государствами происхождения мигрантов и странами, через которые они следуют в Европу, а также более активной реализации добровольного и принудительного возвращения граждан третьих стран, находящихся на территории Евросоюза без законных оснований [11; 12].

Реализация Пакта о миграции и убежище предполагает, что все страны — члены ЕС должны до 2026 г. адаптировать национальные законодательства в данных сферах. Особенно наглядным примером такой адаптации является Швеция, которая исторически придерживалась либеральной миграционной политики, в том числе в отношении вынужденных переселенцев. В период миграционного кризиса страна столкнулась с массовым притоком искателей убежища, что вызвало усиление социальной и политической напряженности [13]. Сложности интеграции мигрантов, их концентрация в периферийных районах крупных городов и высокий уровень криминализации привели к последовательному смещению курса в сторону ужесточения миграционной политики еще до принятия Пакта.

Миграционные вызовы Швеции

На протяжении десятилетий миграционная политика Швеции опиралась на принципы мультикультурализма. Помимо прочего страна позиционировала себя в качестве «гуманитарной сверхдержавы». Власти страны обеспечивали высокие стандарты приема искателей убежища и беженцев, заключавшиеся в предоставлении юридической и финансовой помощи, жилья, доступа к системе здравоохранения и образования, которое переселенцы могли получать на своем родном языке [14; 15]. Массовый приток искателей убежища, начавшийся еще в 2012 г., когда количество заявлений на получение статуса беженца выросло почти на 50 % по сравнению с предыдущими годами и составило 43,9 тыс., и достигший пика в 2015 г. — 162,5 тыс.¹, привел к существенному росту бюджетных расходов на реализацию данных программ. Выделение средств на деятельность Миграционной службы, размещение переселенцев, выплаты пособий, осуществление адаптационной и интеграционной политики, противодействие пространственной сегрегации мигрантов и др. достигли своего максимума в 2017 г., составив почти 71 млрд шведских крон (≈ 7,4 млрд евро) (табл. 2).

Таблица 2

Динамика расходов Швеции на проведение миграционной и интеграционной политики с 2014 по 2020 г., млн шведских крон

Статья расходов	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
8. Миграция	12 551	18 725	41 251	40 034	19 624	11 847	9 579
13. Гендерное равенство и обустройство недавно прибывших иммигрантов. В том числе:	12 225	15 362	19 200	23 931	22 217	16 942	8 516
1:2. Компенсация муниципалитетам за прием беженцев	6 968	8 967	12 013	15 167	16 167	11 884	7 042

¹ Asylsökande, antal efter medborgarskapsland, kön, period och år, 2025, SCB, URL: <https://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/sv/ssd/> (дата обращения: 20.06.2025).

Окончание табл. 2

Статья расходов	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
1:3. Программа адаптации для прибывших иммигрантов	2685	3687	4226	5355	4925	3563	— ¹
14. Рынок труда и сфера занятости ²							
1:14. Пособие на период интеграции для недавно прибывших иммигрантов	—	—	—	—	—	—	2288
25. Общие гранты муниципалитетам							
1:4. Меры поддержки, обусловленные ситуацией с беженцами	—	9800 ³	—	7000	7000	5000	3000
<i>Всего</i>	24 776	34 087	60 451	70 965	48 841	33 789	23 383

Составлено на основе отчетов о бюджетных расходах Национального финансового управления Швеции⁴.

Кризисные события выявили неготовность инфраструктуры и социальных служб страны к столь массовому притоку вынужденных переселенцев. Миграционной службе пришлось размещать искателей убежища в гостиницах, спортивных залах, временных лагерях, а зачастую их переселяли в отдаленные муниципалитеты, не обладавшие необходимой инфраструктурой. В стране обострилась проблема нехватки квалифицированных переводчиков, социальных работников, а также сотрудников Миграционной службы. Так, согласно плановым показателям, еженедельная пропускная способность Миграционной службы составляла не более 4 тыс. заявлений, однако уже осенью 2015 г. их количество достигло 16 тыс.⁵, что привело к затруднениям в оперативной обработке заявлений. Сложности испытала на себе

¹ Начиная с 2020 г. данные расходы перенесены в ст. 14 «Рынок труда и сфера занятости» в п. 1:3 «Расходы на программы и мероприятия в области политики на рынке труда» и 1:14 «Пособие на период интеграции для некоторых недавно прибывших иммигрантов».

² Нами учтены траты только в рамках п. 1:14, так как п. 1:3 охватывает финансирование всех программ, реализуемых Службой занятости Швеции в отношении не только недавно прибывших мигрантов, но и безработных, лиц с ограниченными возможностями, молодежи и других уязвимых групп.

³ В 2015 г. в связи с кризисной ситуацией в поправочном бюджете был добавлен п. 1:5 «Временная поддержка муниципалитетам и регионам». См.: Extra ändringsbudget för 2015, Sveriges riksdag, URL: <https://data.riksdagen.se/fil/BE254F7D-D274-4230-8CE3-5CBB83F16469> (дата обращения: 05.07.2025).

⁴ Utfallet för statens budget, ESV, URL: <https://www.esv.se/press-och-publicerat/publikationer/2015/utfallet-for-statens-budget-2014>; URL: <https://www.esv.se/press-och-publicerat/publikationer/2016/utfallet-for-statens-budget-2015>; URL: <https://www.esv.se/press-och-publicerat/publikationer/2017/utfallet-for-statens-budget-2016>; URL: <https://www.esv.se/press-och-publicerat/publikationer/2018/utfallet-for-statens-budget-2017>; URL: <https://www.esv.se/press-och-publicerat/publikationer/2019/utfallet-for-statens-budget-2018>; URL: <https://www.esv.se/press-och-publicerat/publikationer/2020/utfallet-for-statens-budget-2019>; URL: <https://www.esv.se/press-och-publicerat/publikationer/2021/utfallet-for-statens-budget-2020> (дата обращения: 05.07.2025).

⁵ RiR 2017:4, Riksrevisionen, URL: <https://www.riksrevisionen.se/granskningar/granskningsrapporter/2017/lardomar-av-flyktingsituationen-hosten-2015---beredskap-och-hantering.html> (дата обращения: 05.07.2025).

система школьного образования, столкнувшаяся с огромным притоком детей без знания шведского языка и с различной степенью образовательной подготовки, затруднявших их эффективную интеграцию [16].

Существенным последствием увеличения численности мигрантов стало усиление их пространственной сегрегации. Принятый в 1994 г. закон о приеме просителей убежища¹ позволял беженцам размещаться как в предоставляемом властями социальном жилье (*Anläggningsboende*, АВО), так и в самостоятельно выбранном (*Eget boende*, ЕВО) [17]. Беженцы, выбравшие размещение по системе АВО, не могли самостоятельно выбирать муниципалитет и, как правило, распределялись властями по небольшим населенным пунктам страны; те же, кто воспользовался возможностью ЕВО, обычно селились у родственников или знакомых в крупных городах [18; 19]. Возможность самостоятельного выбора места проживания в сочетании с нехваткой доступного социального жилья в период пика кризиса привела к концентрации новоприбывших в периферийных районах крупных городов. Данные территории, характеризующиеся высокой долей иностранного населения, повышенной криминогенностью, неприятием населением норм и ценностей шведского общества, распространением фундаментальных ценностей и радикальных идей, были определены властями как «уязвимые районы»² и «районы социальной изоляции»³ [13; 20; 21].

От временных мер к системным ограничениям

В ответ на миграционные вызовы власти страны приняли ряд экстренных мер, направленных на оперативное регулирование ситуации и минимизацию последствий кризисной ситуации [22]. Уже в конце 2015 г. был введен пограничный контроль с Данией при пересечении Эресуннского моста и с Германией при паромном сообщении⁴. Принятие в июле 2016 г. закона «О временных ограничениях возможности получения разрешения на проживание в Швеции»⁵, приведшего национальные стандарты убежища к минимальным требованиям ЕС и международных конвенций, ознаменовало начало отказа от либерального подхода в вопросах убежища и защиты. Одним из его центральных положений стала отмена практики предоставления постоянных видов на жительство, замененная на выдачу временных сроком до 3 лет для беженцев, подпадавших под критерии Женевской конвенции, и 13 месяцев для категории лиц с дополнительной защитой⁶. Продление временного вида на жительство становилось возможным только при наличии актуальных оснований для международной защиты, успешной интеграции и отсутствии совершенных

¹ Lag (1994:137) om mottagande av asylsökande m.fl., *Regeringskansliet*, URL: <https://rkrattsbaser.gov.se/sfst?bet=1994:137> (дата обращения: 12.07.2025).

² Utsatta områden — polisens arbete, 2024, *Polisen*, URL: <https://polisen.se/om-polisen/polisens-arbete/utsatta-omraden> (дата обращения: 08.07.2025).

³ Lista över alla 180 områden på Utanförskapets karta, 2024, *Regeringskansliet*, URL: <https://www.regeringen.se/regeringens-politik/arbete-mot-utanforskap/lista-180-omraden-pa-utanforskapets-karta/> (дата обращения: 08.07.2025).

⁴ Lag (2015:1073) om särskilda åtgärder vid allvarig fara för den allmänna ordningen eller den inre säkerheten i landet, *Regeringskansliet*, URL: <https://rkrattsbaser.gov.se/sfst?bet=2015:1073> (дата обращения: 09.07.2025).

⁵ Lag (2016:752) om tillfälliga begränsningar av möjligheten att få uppehållstillstånd i Sverige, *Regeringskansliet*, URL: <https://rkrattsbaser.gov.se/sfst?bet=2016:752> (дата обращения: 09.07.2025).

⁶ Данная группа не признается беженцами, но имеет право на международную защиту из-за угрозы смертной казни, телесных наказаний, пыток или высокой вероятности получения ранений в результате вооруженных конфликтов на родине.

преступлений. Также для лиц с дополнительной защитой вводился запрет на право воссоединения семей. В отношении беженцев устанавливались жесткие экономические требования, касающиеся уровня дохода и наличия в собственности жилья соответствующего размера или его аренды.

С целью решения проблемы пространственной сегрегации иностранцев правительством был принят закон «О размещении отдельных категорий новоприбывших иммигрантов»¹, установивший квоты обязательного расселения беженцев и лиц с дополнительной защитой между всеми коммунами страны. Обеспечение справедливого распределения нагрузки основывалось на численности населения коммуны, уровне безработицы, численности ранее принятых вынужденных иммигрантов и наличии доступного жилья. Тем не менее данный закон не предусматривал штрафы, административные взыскания или другие наказания за самовольный отъезд мигранта из назначенного муниципалитета. При переезде в другую коммуны новоприбывшие теряли лишь возможность доступа к интеграционным программам, социальным выплатам и лишались помощи в поиске жилья.

Данные меры привели к снижению привлекательности Швеции как страны убежища, что отразилось на абсолютных и относительных показателях мощности потока искателей убежища. Так, если в 2015 г. на Швецию пришлось 12,7 % (162,9 тыс.) всех поданных в ЕС заявлений, то в последующие годы их число значительно снизилось, составив в 2016 г. — 2,4 % (28,8 тыс.), в 2017 г. — 3,9 % (26,3 тыс.), а в 2018 г. — 4,5 % (28,6 тыс.) (см. табл. 1).

Тем не менее последствия кризиса — проблемы социальной и экономической интеграции инокультурных мигрантов, их территориальная изоляция, рост преступности, перегрузка социальных служб и инфраструктуры — привели в Швеции к заметному сдвигу общественно-политического дискурса [23]. Парламентские выборы 2018 г. продемонстрировали рост общественной поддержки правопопулистской партии «Шведские демократы», выступавшей за ужесточение миграционной политики, усиление мер безопасности и защиту культурной идентичности. Их результаты на выборах выросли с 12,9 % в 2014 г. до 17,5 % в 2018 г., что осложнило формирование правящей коалиции [24; 25].

Изменение ситуации в парламенте заставило умеренные и левые партии изменить свои взгляды в области миграционной политики [26], что привело к ужесточению миграционного и интеграционного законодательства в стране. Так, 1 января 2020 г. вступила в силу поправка в закон о приеме лиц, ищущих убежища², направленная на предотвращение сегрегации и формирование параллельных сообществ. В отношении искателей убежища вводилось ограничение их права на самостоятельный выбор жилья (ЕВО), а в случае переезда в один из выделенных властями «уязвимых районов» ими утрачивалось право на финансовую поддержку со стороны государства [27]. В свою очередь, 19 июня 2021 г. утратил силу закон «О временных ограничениях возможности получения разрешения на проживание в Швеции». Взамен были внесены постоянные изменения в законодательство³, устанавливающие, что все первичные виды на жительство для беженцев и иных категорий предоставляются временно. Получение постоянного вида на жительство

¹ Lag (2016:38) om mottagande av vissa nyanlända invandrare för bosättning, *Regeringskansliet*, URL: <https://rkrattsbaser.gov.se/sfst?bet=2016:38> (дата обращения: 12.07.2025).

² Lag (2019:1204) om ändring i lagen (1994:137) om mottagande av asylsökande m.fl, *Svensk författningssamling*, URL: <https://svenskförfattningssamling.se/doc/20191204.html> (дата обращения: 15.07.2025).

³ Prop. 2020/21:191 Ändrade regler i utlänningslagen, *Regeringskansliet*, URL: <https://www.regeringen.se/rattsliga-dokument/proposition/2021/04/prop.-202021191> (дата обращения: 15.07.2025).

стало возможным не ранее чем через 3 года при условии финансовой самостоятельности, соответствующих жилищных условий, прохождения интеграционных программ и соблюдения требований к доходу и жилью для воссоединения семьи.

Соглашение Тидё и дальнейшие реформы в контексте Нового пакта ЕС о миграции и убежище

Ужесточение миграционного законодательства не смогло ослабить обеспокоенность шведского общества продолжающимся ростом преступности со стороны иностранного населения. На этнические преступные группировки, базировавшиеся в «уязвимых районах», приходилось значительное количество совершенных в стране преступлений сексуального характера, случаев насилия с применением огнестрельного оружия и взрывчатых веществ¹. Согласно исследованию Национального совета по предупреждению преступности, доля преступлений, совершенных лицами иностранного происхождения², увеличилась с 36,7 % в 2007 г. до 48,2 % в 2018 г., при этом вероятность совершения преступлений ими была в 2,5—3,2 раза выше, чем среди коренного населения³.

Фокусирование политической повестки на борьбе с преступностью, насилием и проблемами, связанными с миграцией, способствовало еще большей поддержке партии «Шведские демократы», которые на парламентских выборах 2022 г. получили 20,5 % голосов и впервые стали второй по величине политической силой страны. Для формирования устойчивой правящей коалиции «Умеренная коалиционная партия», «Христианские демократы» и «Либералы» впервые согласились на ранее табуированное политическое сотрудничество со «Шведскими демократами» [28]. Именно в этом контексте четырьмя партиями было подписано Соглашение Тидё (Tidöavtalet)⁴, определившее общую программу, состоящую из семи «проектов сотрудничества» на период 2022—2026 гг., среди которых выделяется сотрудничество в области миграции и интеграции, а также борьба с преступностью.

Соглашение предусматривает ужесточение миграционной политики, направленное на снижение как трудовой, так и гуманитарной миграции. Правительство Швеции, стремясь ограничить поток низкоквалифицированной рабочей силы, с 1 ноября 2023 г. ввело требование, согласно которому для получения трудовой визы необходимо было найти работу с заработной платой в размере не менее 80 % от медианной по стране с последующим повышением до 100 %⁵. В рамках приведения национального законодательства к минимальным требованиям ЕС власти заявили о сокращении квоты приема беженцев по программе Управления Верховного

¹ Sweden hit by 'unprecedented' levels of gang violence, 2023, *The Guardian*, URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/sep/13/sweden-gang-violence-shootings-explosions> (дата обращения: 18.07.2025) ; Facts about migration, integration and crime in Sweden, 2025, *Government Offices of Sweden*, URL: <https://www.government.se/articles/2017/02/facts-about-migration-and-crime-in-sweden> (дата обращения: 18.07.2025).

² В данную категорию включены: 1) лица, рожденные в Швеции от двух родителей-иностранцев; 2) граждане Швеции, родившиеся за рубежом; 3) нерезиденты страны.

³ Misstänkta för brott bland personer med inrikes respektive utrikes bakgrund, 2021, *Brå*, URL: <https://bra.se/rapporter/arkiv/2021-08-25-misstankta-for-brott-bland-personer-med-inrikes-respektive-utrikes-bakgrund> (дата обращения: 19.07.2025).

⁴ Tidöavtalet — Överenskommelse för Sverige, 2022, URL: <https://mb.cision.com/Public/4669/3648119/994c611dffa285e6.pdf> (дата обращения: 21.07.2025).

⁵ Förslag på yrken som kan undantas nytt lönekrav för arbetstillstånd, 2025, *Migrationsverket*, 24.07.2025, URL: <https://www.migrationsverket.se/nyhetsarkiv/nyhetsarkiv/2025-07-24-forslag-pa-yrken-som-kan-undantas-nytt-lonekrav-for-arbetstillstand.html> (дата обращения: 21.07.2025).

комиссара ООН по делам беженцев с 5000 до 900 чел. начиная с 2023 г. Также с 18 до 21 года повышался минимальный возраст супруга или сожителя, позволяющий воспользоваться правом на семейную миграцию¹.

В январе 2025 г. были приняты поправки², направленные на противодействие пространственной сегрегации переселенцев. Согласно новым требованиям искатели убежища обязаны проживать исключительно в жилье, предоставленном Миграционной службой. Нарушение этого условия влечет за собой утрату права на финансовую поддержку, а также может привести к отзыву или аннулированию заявления и последующей процедуре высылки из страны.

Ключевым аспектом реформирования миграционной политики Швеции в соответствии с положениями Нового пакта ЕС о миграции и убежище стало совершенствование мер по реадмиссии, а также принудительному и добровольному возвращению лиц, утративших или не получивших право на пребывание в стране. Швеция активизировала участие в переговорах ЕС, направленных на заключение соглашений с третьими странами о визовой либерализации и экономической помощи в обмен на готовность принимать обратно своих граждан³.

В принятой «Новой стратегии Швеции в области международного развития: миграция, возвращение и добровольная репатриация на 2024—2028 гг.»⁴, на которую власти запланировали выделение 3 млрд шведских крон, закрепляются два приоритетных направления внешнеполитического и гуманитарного взаимодействия с государствами-партнерами. Первое направление ориентировано на создание благоприятных условий для возвращения мигрантов, в особенности в рамках добровольной репатриации. Основное внимание уделено поддержке процессов реинтеграции в странах происхождения или транзита, включая развитие инфраструктуры и социальных институтов, обеспечивающих доступ возвращающихся к базовым услугам, образованию, здравоохранению и социальной защите. Предусматривается укрепление локального потенциала с целью повышения устойчивости реинтеграционных процессов и минимизации риска повторной миграции.

Второе направление предполагает содействие государствам-партнерам в формировании эффективных систем управления миграцией, нацеленное на усиление пограничного контроля, совершенствование процедур рассмотрения заявлений о предоставлении убежища, а также противодействие незаконной миграции, контрабанде и торговле людьми. Особое внимание в стратегии уделяется странам, уклоняющимся от сотрудничества со шведскими властями. В подобных случаях допускается применение мер дипломатического давления, включая сокращение двусторонней помощи и ужесточение визового режима. Эти положения свидетельствуют о возрастании политизации процедур реадмиссии и об их подчинении внутренним задачам миграционной политики⁵.

¹ Du vill ansöka Bo med partner, *Migrationsverket*, URL: <https://www.migrationsverket.se/du-vill-ansoka/bo-med-nagon/bo-med-partner-barn-eller-annan-slakting/bo-med-partner.html> (дата обращения: 21.07.2025).

² En ny ordning för asylsökandes boende, 2024, *Regeringskansliet*, 04.10.2024, URL: <https://regeringen.se/rattsliga-dokument/lagratsremiss/2024/10/en-ny-ordning-for-asylsokandes-boende> (дата обращения: 15.07.2025).

³ Increased number of returns and initiatives for repatriation, 2023, *Government Offices of Sweden*, 28.02.2023, URL: <https://www.government.se/government-policy/swedens-new-migration-policy/oka-atervandandet-och-insatser-for-atervandring> (дата обращения: 22.07.2025).

⁴ New strategy for Sweden's global development cooperation on migration, returns and voluntary repatriation 2024—2028, 2025, *Government Offices of Sweden*, 10.02.2025, URL: <https://www.government.se/international-development-cooperation-strategies/2025/02/new-strategy-for-swedens-global-development-cooperation-on-migration-returns-and-voluntary-repatriation-20242028> (дата обращения: 22.07.2025).

⁵ Sweden to condition foreign aid on expulsion cooperation, 2024, *Euractiv*, URL: <https://www.euractiv.com/section/politics/news/sweden-to-condition-foreign-aid-on-expulsion-cooperation> (дата обращения: 22.07.2025).

С 2022 г. приоритетным инструментом миграционной политики Швеции выступает программа добровольного возвращения [29]. Она предназначена для лиц, получивших окончательный отказ в предоставлении убежища или статуса дополнительной защиты, а также для иностранцев, чьи разрешения на пребывание по гуманитарным, семейным или иным основаниям не были продлены. В рамках программы мигранты при содействии государственных органов самостоятельно возвращаются в страну происхождения.

Для стимулирования добровольного выезда предлагается комплекс мер: организация переезда, пособие на повторное обустройство (*Återetableringsstöd*), пособие на реинтеграцию (*Reintegreringsstöd*), а также информационно-консультационная поддержка¹. Программа также распространяется на беженцев и лиц с дополнительной защитой, имеющих официальный статус, но желающих вернуться на родину; в таких случаях выплачивается грант на репатриацию (*Återvändningsbidrag*). С 2026 г. планируется увеличить его максимальный размер с 40 до 600 тыс. шведских крон на семью². Эти меры позволяют Швеции сохранять репутацию государства, соблюдающего гуманитарные стандарты. Несмотря на финансовые стимулы и организационную помощь, значительная часть мигрантов, получивших отказ в разрешении на пребывание, предпочитает оставаться в стране нелегально, что приводит к необходимости их принудительного выдворения.

В первую очередь применение принудительной высылки в последние годы активизировалось в отношении мигрантов, осужденных за преступления. Этот сдвиг во многом связан с ростом организованной преступности, в которую вовлечены этнические кланы с устойчивой иерархией, действующие вне правовых и социальных норм страны. Именно обострение криминальной ситуации побудило власти пересмотреть баланс между гуманитарными обязательствами и требованиями внутренней безопасности, что приводит к ужесточению миграционной политики.

Одним из ключевых шагов миграционной реформы стали изменения, внесенные в 2022 г. в главу 8 Закона об иностранцах, предусматривающие возможность принудительной высылки иностранца, которому суд назначил тюремное заключение на срок не менее 6 месяцев. Кроме того, стала возможной депортация лиц, прибывших в Швецию до 15-летнего возраста и проживших в стране свыше 5 лет, если они осуждены на срок от 2 лет или совершили повторное преступление. Однако депортация не является автоматическим следствием приговора. Суд оценивает степень интеграции, семейное положение, продолжительность проживания в стране и потенциальные последствия выдворения, особенно в отношении тех, кто вырос в стране и не имеет прочных связей с государством происхождения³. Несмотря на формальные возможности депортации, на практике исполнение таких решений сталкивается с рядом ограничений, например государства происхождения не всегда принимают обратно своих граждан, а административные и логистические сложности нередко делают выдворение малореализуемым.

Помимо расширения оснований для депортации преступников были рассмотрены сроки запрета на их повторный въезд в страну. Для лиц, осужденных за преступления, наказуемые лишением свободы менее чем на 6 месяцев, запрет

¹ Stöd till dig som ska återvända, 2023, *Migrationsverket*, 15.12.2023, URL: <https://www.migrationsverket.se/du-har-fatt-beslut/asyl/stod-till-dig-som-ska-atervanda.html> (дата обращения: 28.07.2025).

² Återvändningsbidrag. *Migrationsverket*. URL <https://www.migrationsverket.se/du-har-tillstand-i-sverige/asyl/atervandningsbidrag.html> (дата обращения: 28.07.2025).

³ Lag om ändring i utlänningslagen (2005:716) SFS 2022:1015, *Svensk författningssamling*, 28.06.2022, URL: <https://svenskforfattningssamling.se/doc/20221015.html> (дата обращения: 10.08.2025).

составляет 5 лет; от 6 месяцев до 1,5 лет — 10 лет; за более тяжкие преступления устанавливается пожизненный запрет на повторный въезд¹. С 13 марта 2025 г. запрет на повторный въезд сроком до 5 лет начал распространяться на лиц, которым было отказано в предоставлении статуса защиты или в продлении вида на жительство в том случае, если добровольный выезд из страны был совершен с нарушением установленных сроков (2—4 недели), или было осуществлено принудительное выдворение².

Для усиления контроля за процессами как добровольного возвращения, так и принудительного выдворения в 2023 г. Миграционной службе было поручено создание центров возврата (*återvändandecenter*). Основная задача этих учреждений — предотвращение уклонения от исполнения решения о высылке. Лицам, размещенным в центрах, как правило, запрещено покидать их территорию без специального разрешения. В период пребывания в центре миграционные органы содействуют ускорению процедуры выезда, включая оформление необходимых документов, приобретение билетов и организацию мер по реинтеграции в стране происхождения.

Параллельно власти реализуют реформы, направленные на усиление контроля за лицами, находящимися в процессе рассмотрения заявлений о предоставлении убежища, а также теми, кто получил отказ и ожидает выезда из страны. В рамках внедрения Пакта ЕС о миграции и убежище планируется отказаться от практики предоставления соискателям убежища отдельных квартир, а размещать их на время рассмотрения заявок в специально созданных центрах приема. По планам властей центры приема и возврата должны образовать единую инфраструктуру, нацеленную на более гибкое перераспределение жилья и ресурсов в зависимости от стадии рассмотрения дела. На первом этапе предполагается открытие совместных центров в коммунах, где уже действуют центры возврата: Стокгольме, Мальмё, Бодене, Сигтуне, Мёльдале и Бурлёве³. В дальнейшем запланировано расширение их сети и увеличение вместимости до 11 тыс. мест за счет создания новых объектов в Векшё, Алвесте, Лунде, Треллеборге, Ландскроне, Солне, Уппсале, Флене, Вестеросе, Венерсборге и Хальмстаде⁴.

Заключение

Анализ трансформации шведской миграционной политики с середины 2010-х гг. позволяет обнаружить переход страны от традиционной либеральной модели, основанной на приоритете гуманитарных обязательств, к более прагматичному и секьюритизированному подходу. Европейский миграционный кризис,

¹ Ibid.

² Lag om ändring i utlänningslagen (2005:716) SFS-nummer 2025:225, *Svensk författningssamling*, 18.03.2025, URL: <https://svenskforfattningssamling.se/doc/2025225.html> (дата обращения: 10.08.2025).

³ Migrationsverket planerar center för asylsökande i sex kommuner, 2025, *Migrationsverket*, 31.01.2025, URL: <https://www.migrationsverket.se/nyhetsarkiv/nyhetsarkiv/2025-01-31-migrationsverket-planerar-center-for-asylsokande-i-sex-kommuner.html> (дата обращения: 10.08.2025).

⁴ Redovisning av uppdraget att förbereda för ett reformerat mottagningssystem (Ju2024/00608), 2025, *Migrationsverket*, URL: https://www.migrationsverket.se/download/18.2cd2e409193b84c506a3408f/1738836108452/Redovisning_uppdrag_att_forbereda_for_ett_reformerat_mottagningssystem.pdf (дата обращения: 10.08.2025) ; Migrationsverket etablerar mottagnings- och återvändandecenter, 2025, *Migrationsverket*, 17.06.2025, URL: <https://www.migrationsverket.se/andra-aktorer/fastighetsagare-och-uthyrare/nyhetsarkiv-for-fastighetsagare-och-uthyrare/nyheter-fastighetsagare/2025-06-17-migrationsverket-etablerar-mottagnings--och-atervandandecenter.html> (дата обращения: 10.08.2025).

ставший катализатором этих изменений, выявил структурные слабости национальной системы приема, ограниченные возможности ее инфраструктуры, осложняющие интеграцию значительных потоков мигрантов в шведское общество. Накопленные проблемы — пространственная сегрегация, рост преступности, концентрация мигрантских сообществ в социально неблагополучных районах — привели к усилению общественного запроса на ужесточение контроля над миграционными процессами. Данные изменения свидетельствуют о том, что Швеция движется в общем русле рестриктивной политики, характерной для стран Скандинавии, ориентиры которой были заданы Данией, последовательно проводящей курс на ограничение притока мигрантов и ужесточение механизмов предоставления убежища.

В условиях обострения миграционной ситуации в стране и в целом в ЕС Швеция реализовала масштабный комплекс мер по реформированию своей политики в области миграции в соответствии с общеевропейскими нормами. Они включают ограничение условий предоставления убежища, введение временных видов на жительство, сокращение программ семейной миграции, централизацию размещения соискателей, а также расширение практики депортации и увеличение сроков запрета на въезд. Существенное внимание было уделено укреплению механизмов реадмиссии, развитию инфраструктуры центров приема и возврата, а также сочетанию добровольных и принудительных процедур выезда.

В результате предпринятых шагов удалось снизить общий объем миграционного потока и уменьшить привлекательность Швеции как направления для вынужденной миграции. Однако проведенные реформы в значительной степени носят ограничительный характер и не затрагивают в полной мере глубинных социально-экономических причин недостаточной интеграции мигрантов, что порождает условия, воспроизводящие территориальную сегрегацию мигрантов и сохраняющие возможности для преступной деятельности этнических группировок.

Таким образом, опыт Швеции демонстрирует закономерность смещения миграционной политики европейских государств в сторону секьюритизации в условиях кризисных миграционных нагрузок и роста внутренних угроз. При этом эффективность миграционной политики в долгосрочной перспективе во многом зависит от способности государства обеспечить баланс между контролем над миграцией, выполнением международных гуманитарных обязательств и успешной социальной интеграцией прибывающих. Швеция остается примером страны, которая, пройдя путь от «гуманитарной сверхдержавы» до сторонника жесткого регулирования миграционных потоков, продолжает искать оптимальную модель взаимодействия гуманитарных и охранительных механизмов, способную обеспечить сохранение национальной идентичности и внутреннюю безопасность в условиях меняющихся миграционных реалий.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>.

Список литературы

1. Громько, А. А. 2017, Миграция из стран Ближнего Востока и Африки в Европу: вызовы и угрозы, *Ученые записки Института Африки РАН*, т. 40, № 3, с. 116—124, EDN: ZWUNIB
2. Потемкина, О. Ю. 2019, После кризиса: «новый старт» миграционной политики ЕС, *Современная Европа*, № 6, с. 18—29, EDN: NAVVBW, <http://doi.org/10.15211/soveurope620191829>

3. Малахов, В. С., Касцян, К. А. 2020, Евросоюз перед лицом вынужденной миграции: политическое и юридическое измерение, *Полис. Политические исследования*, № 4, с. 139—151, EDN: HFUEZC, <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.10>
4. Квашнин, Ю. Д., Кузнецов, А. В., Трофимова, О. Е., Четверикова, А. С. 2017, Миграционный кризис в ЕС: национальные ответы на общий вызов, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 61, № 1, с. 97—107, EDN: XQZCIF, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-1-97-107>
5. Pusterla, F., Pusterla, E. 2018, The 2015 Migrant Crisis and EU Member States: the Relation between State Fragility and Solidarity, *European Political Science*, vol. 17, № 4, p. 535—550, EDN: HTJMKL, <https://doi.org/10.1057/s41304-017-0113-z>
6. Esteve, J. 2018, Migration Crisis in the EU: Developing a Framework for Analysis of National Security and Defence Strategies, *Comparative Migration Studies*, vol. 6, № 1, art. 28, EDN: GUKQGA, <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0093-5>
7. Хотивришвили, А. А. 2019, Внешняя политика стран Вишеградской группы в контексте европейского миграционного кризиса, *Постсоветские исследования*, т. 2, № 6, с. 1411—1419, EDN: WXHMQS
8. Zakharov, I., Agafoshin, M. 2023, Reform of Asylum Policy and Control of Illegal Migration: Pan-European and Polish Approach, *International Organisations Research Journal*, vol. 18, № 3, p. 92—106, EDN: KLLSZG, <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-03-05>
9. Сигачев, М. И., Слепцов, Э. С., Фадеев, Э. В. 2020, Новый правый популизм: тенденции и перспективы на примере ряда европейских государств (Италии, Франции, Германии, Австрии), *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, т. 22, № 3, с. 458—474, EDN: NNCSRM, <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-3-458-474>
10. Гуселетов, Б. П. 2024, Общеввропейские партии о вопросах миграции и адаптации мигрантов в ЕС, *Актуальные проблемы Европы*, т. 123, № 3, с. 207—229, EDN: TLUQPB, <https://doi.org/10.31249/ape/2024.03.12>
11. Muharremaj, E., Cami, G. 2024. The 'Externalization' of the European Union Migration and Asylum Policy: A Case Study of the Italy-Albania Agreement. *International Organisations Research Journal*, vol. 19, № 4, p. 40—60, EDN: QQMPZB, <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-04-03>
12. Потемкина, О. Ю. 2025, Новые тенденции внешнего измерения политики миграции и убежища ЕС, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 69, № 5, с. 44—54, EDN: QPILG, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-5-44-54>
13. Agafoshin, M. M., Gorokhov, S. A., Dmitriev, R. V. 2022, Refugees from Syria and Iraq in Sweden: Resettlement during the Migration Crisis, *Baltic Region*, vol. 14, № 4, p. 98—112, EDN: IKRMTW, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-6>
14. Valenta, M., Bunar, N. 2010, State assisted integration: Refugee integration policies in Scandinavian welfare states: The Swedish and Norwegian experience, *Journal of Refugee Studies*, vol. 23, № 4, p. 463—483, <https://doi.org/10.1093/jrs/feq028>
15. Плевако, Н. С., Чернышева, О. В. 2019, *Можно ли стать шведом? Политика адаптации и интеграции иммигрантов в Швеции после Второй мировой войны*, Москва, 320 с.
16. Olsson, L., Jerneck, A., Fry, C., Habib, A. B. 2023, Civil Society and Social Integration of Asylum Seekers: The 'Strength of Weak Ties' and the Dynamics of 'Strategic Action Fields', *Social Sciences*, vol. 12, № 7, art. 403, EDN: DXNMRX, <https://doi.org/10.3390/socsci12070403>
17. Myrberg, G. 2017, Local Challenges and National Concerns: Municipal Level Responses to National Refugee Settlement Policies in Denmark and Sweden, *International Review of Administrative Sciences*, vol. 83, № 2, p. 322—339, <https://doi.org/10.1177/0020852315586309>
18. Wennström, J., Öner, Ö. 2020, Political Hedgehogs: The Geographical Sorting of Refugees in Sweden, *Statsvetenskaplig tidskrift*, vol. 122, № 4, p. 671—685, <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.32828.59522>
19. Vogiazides, L., Mondani, H. 2020, A geographical path to integration? Exploring the interplay between regional context and labour market integration among refugees in Sweden, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 46, № 1, p. 23—45, <https://doi.org/10.1080/1369183X.2019.1588717>

20. Горохов, С. А., Дмитриев, Р. В., Агафшин, М. М. 2024, «Маленький Могадишо» в Стокгольме, или «апартеид с дружелюбным лицом» по-шведски, *Азия и Африка сегодня*, № 3, с. 57—65, EDN: QZYXQR, <https://doi.org/10.31857/S032150750030456-3>
21. Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S. 2024, Models for Countering the Segregation of Ethnoreligious Immigrant Areas In Denmark And Sweden, *Baltic Region*, vol. 16, № 1, p. 81—99, EDN: EWTXVF, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-5>
22. Hagelund, A. 2020, After the refugee crisis: public discourse and policy change in Denmark, Norway and Sweden, *Comparative Migration Studies*, vol. 8, № 1, art. 13, EDN: WIJKGL, <https://doi.org/10.1186/s40878-019-0169-8>
23. Bevelander, P., Mata, F., Pendakur, R. 2019, Housing Policy and Employment Outcomes for Refugees, *International Migration*, vol. 57, № 3, p. 134—154, <https://doi.org/10.1111/imig.12569>
24. Гришин, И. В. 2019, Шведский затор (по поводу выборов-2018), *Мировая экономика и международные отношения*, т. 63, № 3, с. 30—39, EDN: ZAJFDF, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-30-39>
25. Плевако, Н. С. 2019, Парламентский кризис в Швеции 2018 г. и «третья сила», *Современная Европа*, № 2, с. 95—105, EDN: OOXUUU, <https://doi.org/10.15211/soveurope2201995105>
26. Aylott, N., Bolin, N. 2019, A party system in flux: the Swedish parliamentary election of September 2018, *West European Politics*, vol. 42, № 7, p. 1504—1515, <https://doi.org/10.1080/01402382.2019.1583885>
27. Emilsson, H., Öberg, K. 2022, Housing for Refugees in Sweden: Top-Down Governance and its Local Reactions, *Journal of International Migration and Integration*, vol. 23, p. 613—631, EDN: GVSRSI, <https://doi.org/10.1007/s12134-021-00864-8>
28. Aylott, N., Bolin, N. 2023, A New Right: The Swedish Parliamentary Election of September 2022, *West European Politics*, vol. 46, № 5, p. 1049—1062, EDN: FGPLVI, <https://doi.org/10.1080/01402382.2022.2156199>
29. Carlsson, N. 2024, Dreams of Mass Repatriation: Government and Far-right Expansions of Deportability in Sweden, *Citizenship Studies*, vol. 28, № 4—5, p. 462—481, EDN: EEQFSP, <https://doi.org/10.1080/13621025.2024.2418604>

Об авторах

Максим Михайлович Агафшин, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-0245-0481>

E-mail: agafoshinmm@gmail.com

Станислав Анатольевич Горохов, доктор географических наук, профессор, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-9984-6054>

E-mail: stgorohov@yandex.ru

Руслан Васильевич Дмитриев, доктор географических наук, заместитель директора по научной работе, Институт Африки РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-4018-9832>

E-mail: dmitrievrv@yandex.ru

THE EVOLUTION OF SWEDEN'S MIGRATION POLICY: FROM HUMANITARIANISM TO SECURITISATION

M. M. Agafoshin

S. A. Gorokhov

R. V. Dmitriev

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences,
30/1 Spiridonovka St., Moscow, 123001, Russia

Received 16 August 2025

Accepted 11 March 2026

doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-5

© Agafoshin M. M., Gorokhov S. A.,
Dmitriev R. V., 2026

The European migration crisis has emerged as one of the key challenges for Sweden, a country long known for its liberal stance toward refugees and asylum seekers. The large-scale influx of asylum seekers exposed vulnerabilities in the national reception system, aggravated issues of social integration, and contributed to the growing criminalisation of migrant communities. The study aims to provide a comprehensive analysis of the transformation of Sweden's migration policy since 2015, viewed in the context of EU-wide reforms and domestic demands for stronger security measures. The methodological framework draws on systemic and comparative approaches. The empirical foundation is based on Statistics Sweden data on the number of asylum seekers, legislative acts, and analytical reports. Over the past decade, Sweden has shifted the focus of its migration policy, moving from a primarily humanitarian orientation toward refugees and asylum seekers to a pragmatic approach that combines restrictive measures with integration initiatives. Among the tools employed by the Swedish authorities to reduce migration flows are stricter asylum regulations, the expansion of readmission, voluntary and forced return programs, broader grounds and longer durations for entry bans in cases of deportation, and the establishment of infrastructure for reception and return centers. The analysis demonstrates that these reforms have reduced Sweden's attractiveness to migrants and increased control over migration flows; however, they have not resolved the long-term challenges of social integration and territorial segregation of migrants, which remain highly relevant in the country.

Keywords:

Sweden, migration policy, asylum seekers, refugees, irregular migration, readmission, securitisation, EU Migration and Asylum Pact

References

1. Gromyko, A. A. 2017, Migration from the Middle East and Africa to Europe: Challenges and Threats, *Journal of the Institute for African Studies*, vol. 40, №3, p. 116—124 (in Russ.), EDN: ZWUNIB
2. Potemkina, O. Yu. 2019, After the crisis: “A new start” of the EU migration policy, *Sovremennaya Evropa*, №6, p. 18—29, EDN: NAVVBW, <http://doi.org/10.15211/soveuro-pe620191829>
3. Malakhov, V. S., Kascian, K. 2020, The Eu's Migration Dilemma: Legal and Political Dimensions, *Polis Political Studies*, №4, p. 139—151, EDN: HFUEZC, <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.10>

4. Kvashnin, Y. D., Kuznetsov, A. V., Trofimova, O. E., Chetverikova, A. S. 2017, The European migrant crisis: Common challenge and national responses, *World Economy and International Relations*, vol. 61, № 1, p. 97—107, EDN: XQZCIF, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-1-97-107>
5. Pusterla, F., Pusterla, E. 2018, The 2015 Migrant Crisis and EU Member States: the Relation between State Fragility and Solidarity, *European Political Science*, vol. 17, № 4, p. 535—550, EDN: HTJMKL, <https://doi.org/10.1057/s41304-017-0113-z>
6. Esteveens, J. 2018, Migration Crisis in the EU: Developing a Framework for Analysis of National Security and Defence Strategies, *Comparative Migration Studies*, vol. 6, № 1, art. 28, EDN: GUKQGA, <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0093-3>
7. Khotivirshvili, A. A. 2019, Foreign Policy of the Visegrad Group Countries in the Context of the European Migration Crisis, *Post-Soviet Studies*, vol. 2, № 6, p. 1411—1419 (in Russ.), EDN: WXHMQS
8. Zakharov, I., Agafoshin, M. 2023, Reform of Asylum Policy and Control of Illegal Migration: Pan-European and Polish Approach, *International Organisations Research Journal*, vol. 18, № 3, p. 92—106, EDN: KLLSZG, <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-03-05>
9. Sigachev, M. I., Sleptsov, E. S., Fadeev, E. V. 2020, New Right-Wing Populism: Tendencies and Prospects on the Example of Some European States (Italy, France, Germany, Austria), *RUDN Journal of Political Science*, vol. 22, № 3, p. 458—474 (in Russ.), EDN: NNCSRМ, <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-3-458-474>
10. Guseletov, B. P. 2024, Pan-European Parties on Issues of Migration and Adaptation of Migrants in the EU, *Current problems of Europe*, vol. 123, № 3, p. 207—229 (in Russ.), EDN: TLUQPB, <https://doi.org/10.31249/ape/2024.03.12>
11. Muharremaj, E., Cami, G. 2024. The ‘Externalization’ of the European Union Migration and Asylum Policy: A Case Study of the Italy-Albania Agreement, *International Organisations Research Journal*, vol. 19, № 4, p. 40—60, EDN: QQMPZB, <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-04-03>
12. Potemkina, O. Yu. 2025, New Trends in the External Dimension of EU Migration and Asylum Policy, *World Economy and International Relations*, vol. 69, № 5, p. 44—54 (in Russ.), EDN: QPIILG, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-5-44-54>
13. Agafoshin, M. M., Gorokhov, S. A., Dmitriev, R. V. 2022, Refugees from Syria and Iraq in Sweden: Resettlement during the Migration Crisis, *Baltic Region*, vol. 14, № 4, p. 98—112, EDN: IKRMTW, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-6>
14. Valenta, M., Bunar, N. 2010, State assisted integration: Refugee integration policies in Scandinavian welfare states: The Swedish and Norwegian experience, *Journal of Refugee Studies*, vol. 23, № 4, p. 463—483, <https://doi.org/10.1093/jrs/feq028>
15. Plevako, N. S., Chernysheva, O. V. 2019, *Is It Possible to Become a Sweden? Immigrant Adaptation and Integration Policy in Sweden after World War II*, Moscow, KRASAND, 320 p. (in Russ.).
16. Olsson, L., Jerneck, A., Fry, C., Habib, A. B. 2023, Civil Society and Social Integration of Asylum Seekers: The ‘Strength of Weak Ties’ and the Dynamics of ‘Strategic Action Fields’, *Social Sciences*, vol. 12, № 7, art. 403, EDN: DXNMRX, <https://doi.org/10.3390/socsci12070403>
17. Myrberg, G. 2017, Local challenges and national concerns: municipal level responses to national refugee settlement policies in Denmark and Sweden, *International Review of Administrative Sciences*, vol. 83, № 2, p. 322—339, <https://doi.org/10.1177/0020852315586309>
18. Wennström, J., Öner, Ö. 2020, Political Hedgehogs: The Geographical Sorting of Refugees in Sweden, *Statsvetenskaplig tidskrift*, vol. 122, № 4, p. 671—685, <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.32828.59522>
19. Vogiazides, L., Mondani, H. 2020, A geographical path to integration? Exploring the interplay between regional context and labour market integration among refugees in Sweden, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 46, № 1, p. 23—45, <https://doi.org/10.1080/1369183X.2019.1588717>
20. Gorokhov, S. A., Dmitriev, R. V., Agafoshin, M. M. 2024, “Little Mogadishu” in Stockholm, or “Apartheid with a Friendly Face” in Sweden, *Asia & Africa today*, № 3, p. 57—65 (in Russ.), EDN: QZYXQR, <https://doi.org/10.31857/S032150750030456-3>

21. Talalaeva, E. Yu., Pronina, T.S. 2024, Models for Countering the Segregation of Ethnoreligious Immigrant Areas In Denmark And Sweden, *Baltic Region*, vol. 16, № 1, p. 81—99, EDN: EWTXVF, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-5>
22. Hagelund, A. 2020, After the refugee crisis: public discourse and policy change in Denmark, Norway and Sweden, *Comparative Migration Studies*, vol. 8, № 1, art. 13, EDN: WIJKGL, <https://doi.org/10.1186/s40878-019-0169-8>
23. Bevelander, P., Mata, F., Pendakur, R. 2019, Housing Policy and Employment Outcomes for Refugees, *International Migration*, vol. 57, № 3, p. 134—154, <https://doi.org/10.1111/imig.12569>
24. Grishin, I.V. 2019, Sweden's Post-Election Impasse, *World Economy and International Relations*, vol. 63, № 3, p. 30—39 (in Russ.), EDN: ZAJFDF, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-30-39>
25. Plevako, N.S. 2019, The parliamentary crisis in Sweden in 2018 and the “third force”, *Sovremennaya Evropa*, № 2, p. 95—105 (in Russ.), EDN: OOXUUU, <https://doi.org/10.15211/soveurope2201995105>
26. Aylott, N., Bolin, N. 2019, A party system in flux: the Swedish parliamentary election of September 2018, *West European Politics*, vol. 42, № 7, p. 1504—1515, <https://doi.org/10.1080/01402382.2019.1583885>
27. Emilsson, H., Öberg, K. 2022, Housing for Refugees in Sweden: Top-Down Governance and its Local Reactions, *Journal of International Migration and Integration*, vol. 23, p. 613—631, EDN: GVSRL, <https://doi.org/10.1007/s12134-021-00864-8>
28. Aylott, N., Bolin, N. 2023, A new right: the Swedish parliamentary election of September 2022, *West European Politics*, vol. 46, № 5, p. 1049—1062, EDN: FGPLVI, <https://doi.org/10.1080/01402382.2022.2156199>
29. Carlsson, N. 2024, Dreams of mass repatriation: government and far-right expansions of deportability in Sweden, *Citizenship Studies*, vol. 28, № 4—5, p. 462—481, EDN: EEQFSP, <https://doi.org/10.1080/13621025.2024.2418604>

The authors

Dr **Maksim M. Agafoshin**, Senior Research Fellow, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-0245-0481>

E-mail: agafoshinmm@gmail.com

Prof **Stanislav A. Gorokhov**, Head of the Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-9984-6054>

E-mail: stgorohov@yandex.ru

Prof **Ruslan V. Dmitriev**, Deputy Director for Research, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-4018-9832>

E-mail: dmitrievrv@yandex.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

BAVTWK

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

Т. О. Разумова **Н. А. Восколович**

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы,
территория Ленинские горы, 1, стр. 46 учеб. корп. 3

Поступила в редакцию 12.11.2025 г.

Принята к публикации 16.03.2026 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-6

© Разумова Т. О., Восколович Н. А., 2026

Международное сотрудничество в сфере туризма в современных условиях создает ряд положительных эффектов в политическом, экономическом, социальном, культурном аспектах для взаимодействующих стран, становясь фактором их устойчивого развития. Дальнейшее развитие международного сотрудничества в сфере туризма требует обновления российской туристской индустрии и соответствующего совершенствования занятости и профессионально-квалификационного состава работников, способных обеспечивать высокое качество обслуживания туристов. Исследование выполнено с целью выявления специфики влияния международного сотрудничества на изменение потребности в занятых в сфере туризма работаниках и определения направлений минимизации кадрового дефицита. Задачи исследования сконцентрированы на изучении взаимосвязи международного сотрудничества и активизации въездного туризма, изменений в занятости и профессионально-квалификационном составе работников сферы туризма, обусловленных ростом въездного туристского потока, возможностями смягчения кадровых проблем посредством цифровых технологий. В ходе исследования использовались данные официальной статистики, выборочных наблюдений, экспертные оценки, сравнительный анализ, метод группировок. Элементы новизны проведенного исследования: обоснование в составе основных направлений регулирования и управления занятостью в сфере туризма в условиях напряженного рынка труда необходимости усиления трудосберегающей политики с использованием гибких форм занятости, в том числе ее платформенной, проектной форм, комплекса мер по «удержанию» кадров, применению трудосберегающих цифровых технологий, особенно в наиболее трудоемких отраслях, таких как гостиничное и ресторанное хозяйство.

Ключевые слова:

международное сотрудничество, сфера туризма, занятость населения, трудосберегающая политика

Введение

Международное сотрудничество в сфере туризма в современных условиях выступает важным драйвером политического, экономического, социального, культурного взаимодействия России, обладающей разнообразными туристскими ресурсами, и других стран. По данным за 9 месяцев 2025 г., россияне совершили 24 млн поездок

Для цитирования: Разумова, Т. О., Восколович, Н. А. 2026, Влияние международного сотрудничества на занятость населения в сфере туризма, Балтийский регион, т. 18, № 2, с. 111–133, doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-6

за рубеж (прирост год к году составил 6,8 %), из них 10 млн — с туристскими целями (прирост в сравнении с аналогичным периодом 2024 г. достиг 15,2 %)¹. Въездной туристский поток в Россию за 9 месяцев 2025 г. составил 1284,8 млн поездок, уменьшившись в сравнении с 2019 г. в 3 раза². В структуре въездного туризма 2025 г. наметились изменения: заметный рост показал туристский поток из Саудовской Аравии, Омана, Кувейта, Катара, ОАЭ, что обусловлено последовательной либерализацией визового режима и расширением прямого авиасообщения (табл. 1). Вступили в силу соглашения о взаимной отмене виз для краткосрочных поездок между Россией и Оманом с 18 июля 2025 г., между Россией и Саудовской Аравией — с 1 декабря 2025 г.³, что также способствовало росту въездного туристского потока.

Таблица 1

**Динамика въездного туристского потока в Россию
(по данным за 9 месяцев 2025 г.), тыс. чел.**

Страна	2025	2019	2025, % к 2019
Китай	690,6	1297,2	53,2
Германия	53,8	464,6	11,6
Туркмения	50,7	18,5	274,1
Турция	50,5	39,5	127,8
Саудовская Аравия	47,7	3,7	1289,2
ОАЭ	38,4	17,9	214,5
Иран	27,5	25,8	106,6
Индия	26,8	63,7	42,1
Казахстан	18,3	37,7	48,5
Оман	15,1	1,4	1078,6
Беларусь	14,1	9,5	148,4
Кувейт	14,0	1,9	736,8
Эстония	13,6	38,1	35,7
Узбекистан	13,1	14,8	88,5
Куба	11,4	17,2	66,3
Латвия	9,6	41,3	23,2
Израиль	9,5	160,4	5,9
Южная Корея	9,3	341,4	2,7
Вьетнам	8,2	17,0	48,2
Италия	7,9	135,0	5,8
Армения	7,3	9,6	76,0
Таиланд	6,9	43,5	15,9
Тайвань	6,8	12,7	53,5
Катар	6,1	2,1	290,5
Франция	6,1	129,5	4,7
<i>Всего</i>	1284,8	4282,2	30,0

Составлено по данным: Как и почему в 2025 г. изменилась география въездного туризма, 2025, *RATA-news*, 12.11.2025, URL: <https://ratanews.ru/news/general/kak-i-pocemu-v-2025-godu-izmenilas-geografiia-vieezdno-go-turizma> (дата обращения: 20.12.2025).

¹ Въездной туризм России: 10 млн туристических поездок за 9 месяцев 2025 года, 2025, *Все про гостиницы, отели*, 13.11.2025, URL: <https://new-hotel.ru/news/vyezdnoj-turizm-rossii-10-mln-turisticheskikh-poezdok-za-9-mesyaczev-2025-goda/> (дата обращения: 20.12.2025).

² Как и почему в 2025 г. изменилась география въездного туризма, 2025, *RATA-news*, 12.11.2025, URL: <https://ratanews.ru/news/general/kak-i-pocemu-v-2025-godu-izmenilas-geografiia-vieezdno-go-turizma> (дата обращения: 20.12.2025).

³ Безвизовый режим между Россией и Оманом: что изменится с 18 июля 2025, *Конфиденс Групп*, 14.07.2025, URL: <https://www.confidencgroup.ru/info/news/rossiya-i-oman-otmenili-vizy-dlya-turistov/> (дата обращения: 09.10.2025).

Либерализация визового режима въезда в Россию туристов из Китая и других стран способствовала увеличению туристского потока и некоторому перераспределению его в сторону восточных регионов страны. Тем не менее Москва и Санкт-Петербург сохраняют лидерство по числу иностранных гостей. Москву за первое полугодие 2025 г. посетили более 12,5 млн туристов, из них 10 % — иностранцы из стран Ближнего Востока и Индии¹. Число иностранных гостей могло бы быть еще большим, если бы не геополитическая обстановка и соответствующие ограничения авиасообщения. Санкт-Петербург с января по сентябрь 2025 г. посетили более 600 тыс. иностранных туристов, что на 5,2 % больше, чем за аналогичный период 2024 г.² Из них 55 % — туристы из дальнего зарубежья, в том числе Китая, Ирана, Саудовской Аравии, Турции.

В Калининградской области туризм — это визитная карточка региона, официальный бренд которого базируется на концепции «Твоя новая история»³. На партнерской основе регион является участником международного проекта по линии приграничного сотрудничества, в том числе в проекте «СВCycle: Трансграничные веломаршруты для продвижения и устойчивого развития использования культурного наследия», в рамках которого ведется строительство веломаршрута «От косы до косы». После отмены в августе 2023 г. режима электронной визы только для посещения Калининградской области была введена единая электронная виза для граждан 64 государств, позволяющая посещать всю российскую территорию. В результате изменилась география въездного туризма и начиная с лета 2024 г. значительно увеличился поток туристов из Китая, Азербайджана, Казахстана, Турции, Узбекистана. В регионе проводится международный форум для профессионалов сферы гостеприимства West HoReCa, собравший в 2024 г. 1500 участников из России, Беларуси, Азербайджана.

Международный туризм — это одна из важнейших форм международного сотрудничества, направленная на обеспечение устойчивого взаимного развития и достижение экономических выгод путем реализации совместных проектов и программ, содействия в продвижении национальных туристских продуктов и услуг, маркетинговых исследований рынков, внедрения современных цифровых технологий, эффективной организации движения туристских потоков, рационального использования туристских ресурсов и сохранения окружающей среды, подготовки высококвалифицированных специалистов. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) до 2035 г. утвердила задачи по укреплению взаимного доверия, добрососедства, поддержанию безопасности, а также сотрудничеству во многих сферах экономики, финансов, инвестиций, рынка труда, в том числе в сфере туризма.

В современных условиях повышается роль туризма в глобальном устойчивом развитии, усиливается его значимость в социальном прогрессе. В марте 2025 г. признание важности этих аспектов занятости населения в сфере туризма проявилось во включении в систему показателей достижения «Целей устойчивого развития (ЦУР) на период до 2030 года» показателя занятости в сфере туризма в число трех новых

¹ «Главные туристы в Москве — это москвичи», 2025, *Коммерсантъ*, 16.12.2025, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8292915> (дата обращения: 22.12.2025).

² Александр Беглов: В 2025 году въездной турпоток в Петербург вырос почти на 10 %, 2025, *Администрация Санкт-Петербурга*, 25.09.2025, URL: <https://www.gov.spb.ru/press/governor/305229/> (дата обращения: 22.12.2025).

³ Туризм в Калининградской области, 2025, *РУВИКИ*, 17.10.2025, URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Туризм_в_Калининградской_области (дата обращения: 22.12.2025).

показателей, одобренных Статистической комиссией ООН¹. Данные о занятости в сфере туризма в процессе мониторинга ЦУР будут систематически отслеживаться и использоваться для анализа на национальном и международном уровнях.

Туризм становится фактором интеграции, обеспечивая мультипликативное воздействие на смежные сферы экономики, активизируя развитие инфраструктуры и создавая новые рабочие места. Международное взаимодействие в сфере туризма обуславливает, с одной стороны, учет запросов и интересов туристов, с другой — формирует требования к инфраструктуре, численности и профессионально-квалификационному составу занятых работников, от компетенций и навыков которых зависит качество предлагаемых услуг и продуктов. Это обуславливает необходимость изучения взаимного влияния международного сотрудничества в сфере туризма и развития соответствующего сегмента рынка труда.

Цель данного исследования — раскрыть особенности влияния международного сотрудничества в сфере туризма на изменение занятости под воздействием процесса цифровой трансформации и поиска возможностей оптимального кадрового обеспечения путем применения гибких форм занятости. Для достижения поставленной цели решены следующие задачи: рассмотрена взаимосвязь международного сотрудничества и развитие въездного туризма, в том числе посредством реализации специальных проектов, стимулирующих заинтересованность иностранцев в посещении России; проанализировано влияние роста потока въезжающих иностранных туристов на занятость и профессионально-квалификационный состав работников сферы туризма; показаны возможности использования цифровых технологий в сфере туризма в решении кадровых проблем в поддержке международного сотрудничества. Исследование базируется на использовании статистического материала, экспертных оценок, сравнительного анализа, метода группировок. Элементы новизны данного исследования состоят в изучении влияния международного сотрудничества и активизации въездного туризма на изменения в занятости обслуживающих работников и обосновании направлений минимизации дефицита кадров в сфере туризма.

Степень изученности проблемы

Развитие международного туризма находится под непосредственным взаимным влиянием международного сотрудничества, что привлекает внимание как специалистов, так и исследователей в этой сфере. Сотрудничество в сфере туризма на региональном уровне видится как взаимоотношения интеграционного характера в виде стратегических альянсов компаний, занимающихся одинаковой деятельностью (размещение гостей, их питание, транспортное и иное обслуживание), и в виде обслуживания одних и тех же контингентов потребителей, о чем пишет С.И. Шукшин [1]. Интеграционные процессы и международное сотрудничество на этой основе стран — членов Евразийского экономического союза и Шанхайской организации сотрудничества способствует выходу многих компаний на мировой уровень и укреплению конкурентных позиций на мировом рынке в самых различных видах и отраслях деятельности, как свидетельствуют исследования Н.Ф. Огневой, И.В. Броян, К. Курылева и др. [2; 3].

В расширении культурных обменов и международного сотрудничества значительную роль играет инициатива Китайской Народной Республики «Один пояс,

¹ UN adopts new tourism employment indicator to guide efforts towards the SDGs, 2025, UN Tourism, 11.03.2025, URL: https://www.untourism.int/news/un-adopts-new-tourism-employment-indicator-to-guide-efforts-towards-the-sdgs?utm_source=news&utm_medium=crm (дата обращения: 16.09.2025).

один путь», способствующая активизации взаимосвязей, в том числе в сфере туризма, по мнению Сяогюан Бай [4]. В связи с этим ставится задача усиления поддержки проектов сотрудничества по созданию культурных брендов и продуктов, повышения значения общей национальной стратегии «культурной мягкой силы».

Развитию международного сотрудничества в сфере туризма государств — членов Шанхайской организации сотрудничества посвящена работа Дин Синья [5], в которой автор подчеркивает необходимость использования современных технологических платформ, больших данных, цифровых платформ, искусственного интеллекта для предоставления бесконтактных услуг, виртуального туризма, онлайн-выставок. Один из важных аспектов международного сотрудничества — регулирование иностранных инвестиций в сфере туризма в КНР — проанализировал А. Э. Кристенсен [6]. Как показывают в своих работах К. К. Левченко, Д. М. Кумова, увеличение туристских потоков и рост требований к качеству услуг ставят серьезные задачи в формировании цифровой платформы как основы использования искусственного интеллекта, ведения туристского бизнеса на региональном уровне [7; 8]. Влияние цифровой трансформации сферы туризма и возможности применения трудосберегающих технологий раскрывались в нескольких исследованиях В. А. Аксенова и его соавторов, Н. А. Восколович [9; 10].

Анализ динамики въездного туристского потока из стран Балтийского региона показывает постепенное его восстановление после периода пандемии, как это видно из исследований А. Г. Манакова и соавторов [11]. Этому способствует создание инновационных продуктов, применение маркетинговых инструментов, усиление межрегиональной кооперации и расширение географии туристских поездок на соседние территории, как показано в работе А. Ю. Александровой и И. В. Красавцева [12].

Активизацию туристских потоков по международным направлениям связывают с социальным туризмом [13], с развитием местных, в том числе сельских сообществ [14].

Особенностям рекреационной деятельности на особо охраняемых природных территориях, развитию геотуризма, способствующего сохранению уникальных природных территорий, посвящены работы коллективов авторов [15; 16].

Проблемы занятости населения в сфере туризма и факторы ее формирования, тенденции изменения рынка труда в туризме под влиянием комплекса политических, экономических, социальных и иных факторов рассматривались в работах [17; 18]. Изучение сферы туризма как системы и роли в его развитии заинтересованных сторон раскрывается в работе Л. Беллато и соавторов [19]. Особое внимание уделено формированию трудового потенциала региона в зависимости от развития рынка туризма в исследовании Ж. А. Ермаковой, Ю. Е. Холодилиной [20], В. Н. Поповой, И. С. Олейниковой — индивидуализированному подходу в обслуживании туристов с высоким уровнем информативности и качества услуг занятых работников [21]. Влияние устойчивой занятости в сфере туризма должно быть согласовано с концепцией достойного труда, по мнению шведских специалистов А. Харью-Мюлляко, М. Хаккарайнен, М. Ангерия [22]. В Финляндии Т. Дункан, А. Г. Хилман, Й. Эльбе стремятся увязывать поиск квалифицированных кадров с реализацией государственных проектов в туризме [23].

Поддержка международного сотрудничества посредством специализированных проектов в сфере туризма

Въездной туризм в Россию активизировался в первом полугодии 2025 г., хотя и не достиг показателей докризисного 2019 г. Страны-лидеры, формирующие потоки въезжающих в Россию иностранных туристов, — Китай, страны Персидского за-

лива (ОАЭ, Саудовская Аравия, Оман и др.), Индия, Иран, страны Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Таиланд, Индонезия), граждан которых привлекают не только богатые, разнообразные природные, культурно-исторические ресурсы, национальные традиции и событийные мероприятия, но и возможности путешествий в комфортных условиях, получения новых впечатлений и знаний¹.

Международное сотрудничество России и Китая в сфере туризма имеет солидную историю своего развития. Начало сотрудничеству положил визит президента СССР М. С. Горбачева в КНР в мае 1989 г.², а затем, через два года, визит китайского лидера в СССР. Активному развитию российско-китайского сотрудничества в сфере туризма способствовало заключение Соглашения о безвизовых групповых туристских поездках от 29 февраля 2000 г. В российско-китайском сотрудничестве в сфере туризма особое значение имеют несколько направлений: безвизовый режим как инструмент стимулирования туристской активности³; создание в 2012 г. Российско-китайского туристского форума как базы для объединения компетенций отраслевых экспертов и органов управления в сфере туризма; профессиональное сотрудничество посредством взаимодействия Ассоциации международного сотрудничества в туризме «Мир без границ» и Китайской ассоциации туристского сервиса (CATS); проведение выставок, маркетинговых мероприятий, обмен информацией, подготовка гидов-переводчиков, а также разработка и реализация программ и проектов по продвижению туристских продуктов и услуг.

Рост потока китайских туристов в 2018—2019 гг. стимулировался безвизовым режимом для групповых поездок, но при этом недостаточно регулировался со стороны России, что негативно сказывалось на качестве обслуживания, организации туристских маршрутов, как следует из анализа С. Е. Мачалкина, С. Н. Моревой [24]. Результаты онлайн-опроса в Прибайкалье, проведенного в 2018 г. и проанализированного Т. П. Головченко, Н. В. Рубцовой, выявили невысокую оценку предлагаемых китайским туристам услуг туристской инфраструктуры, что обусловило необходимость адаптации гостиничного хозяйства, туристских маршрутов, информационного обеспечения к запросам китайских гостей [25]. Аналогичные результаты были получены коллективом специалистов в ходе обследований в Иркутской области, Приморском крае и других регионах, принимавших китайских туристов. Сделан вывод о необходимости улучшения качества туристских услуг и продуктов с более полным учетом интересов путешественников из КНР [26].

Развитие национальной экономики Китая, рост доходов населения, формирование среднего класса создают благоприятные предпосылки для усиления в китайском обществе интереса к туризму, знакомству с другими странами. Наряду с тем что внутри страны сформировался крупный туристский рынок, Китай сгенерировал мощный поток выездного туризма. Туризм становится инструментом геополитического и экономического влияния Китая, его «мягкой силы». Расширяется география поездок, увеличивается доля молодых туристов, туристов, ориентиро-

¹ Иностраный турпоток в Россию в летнем сезоне 2025 года. Предварительные итоги, 2025, Ассоциация туроператоров, 09.09.2025, URL: <https://www.atorus.ru/article/inostrannyu-turpotok-v-rossiyu-v-letnem-sezone-2025-goda-predvaritelnye-itogi-64018> (дата обращения: 19.09.2025).

² История перестройки. 15—18 мая 1989 г. состоялся визит М. С. Горбачева в Китай, 2019, Горбачев-Фонд, 15.05.2025, URL: https://www.gorby.ru/presscenter/news/show_30018/ (дата обращения: 19.09.2025).

³ О подписании Соглашения между Правительством РФ и Правительством КНР о безвизовых групповых туристских поездках, Распоряжение Правительства РФ от 13.06.2019 г. № 1274-р, Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов, URL: <https://docs.cntd.ru/document/560304013> (дата обращения: 19.09.2025).

ванных на познавательные поездки и отдых малыми группами или семьями, что требует предоставления большего выбора маршрутов, услуг размещения, развлечений и т. п., как показывает исследование А. М. Сазыкина, А. В. Широковой [27]. Увеличивается поток китайских туристов в Россию, вследствие чего международное сотрудничество наших стран в этой сфере набирает темпы. Происходящие организационно-экономические изменения делают российское направление все более привлекательным и перспективным, о чем свидетельствует исследование Н. А. Восколович, А. С. Ресмятовой [28].

Движение туристских потоков по внутренним и международным маршрутам анализируется в зависимости от развития российской сферы туризма, что служит основой для разработки новых привлекательных маршрутов, охватывающих всю территорию страны, что подтверждает работа А. Абудемалекс, И. З. Чхотуа [29]. Вместе с тем развитие сферы туризма, совершенствование применяемых технологий, платежных систем непосредственно преобразуют экономический потенциал регионов и увеличивают объем туристских потоков.

Значительное место в совершенствовании организации приемов туристских групп и индивидуальных путешествий занимает создание российской экосистемы *China Friendly* и «Русского клуба» при Китайской ассоциации туристского сервиса. Программа *China Friendly* предназначена для создания комфортных условий китайским гостям, путешествующим по России, и соответствующего продвижения российских турпродуктов и услуг на международном рынке¹. Стандарт охватывает различные виды услуг туристам, в том числе услуг размещения, питания, торговли, развлечений и др. Посредством программы расширяются возможности входящих обращений в туристский бизнес и возникают дополнительные каналы для продвижения и продаж, укрепляется конкурентное положение компаний на рынке. Для китайских потребителей увеличивается спектр выбора высококачественных туристских продуктов, услуг и географии комфортных путешествий.

Для улучшения продвижения российских туристских продуктов и услуг на китайском рынке под брендом *Discover Russia* разработан каталог из 11 маршрутов, в том числе 6 из них ориентированы на предпочтения китайских путешественников. Активизируется реклама в соцсетях и на крупных китайских выставках². При строительстве новых гостиничных объектов учитывается стандарт *China Friendly*, а также разрабатываются меры по повышению доступности для китайских гостей платежных систем.

Знак качества программы *China Friendly* подтверждается соответствием туристского объекта системе профессиональных критериев, отражающих различия российской и китайской культуры, особенности приема китайских туристов. Безусловно, соблюдение стандартов и критериев этой программы требует соответствующего кадрового обеспечения работниками, владеющими китайским языком и умением оперативно решать возникающие проблемы. От внедрения программы возникает как имиджевый, так и финансовый эффект, поскольку китайские туристские посредники активно взаимодействуют с участвующим в ней российским бизнесом, расположенном в приграничных регионах, ориентируясь на высокое качество обслуживания.

¹ Программа *China Friendly*, *Погостите*, URL: <https://www.pogostite.ru/gruppovoe-bronirovanie/programma-china-friendly> (дата обращения: 24.09.2025).

² В России появились первые туристические объекты формата *China Friendly*, 2025, *ProКачество*, 15.09.2025, URL: <https://kachestvo.pro/news/v-rossii-poyavilis-pervye-turisticheskie-obekty-formata-china-friendly/> (дата обращения: 24.09.2025).

Опросы 2025 г. показывают, что 95 % китайских туристов заинтересованы повторно посетить Россию¹. Исследование туров на китайских туристских платформах выявило новые тенденции в запросах китайцев: увеличивается интерес к гибким формам путешествий и кастомизированным информационным сервисам взамен уменьшающейся доли групповых поездок; больше половины туристов заинтересованы в бюджетных турах, около третьей части — это состоятельные туристы; туристы, предпочитающие более глубокое погружение в российскую культуру, выбирают среднесрочные поездки на 6—10 дней². Вместе с тем готовность повторных путешествий китайских туристов во многом зависит от возможностей использования удобных онлайн-инструментов для поиска информации на китайском языке и бронирования посредством мобильных приложений, осуществления платежей в юанях, доступности онлайн-поддержки³. Для выбора направлений путешествий китайские туристы, особенно молодые, предпочитают пользоваться социальными сетями *WeChat*, *Weibo*, *Xiaohongshu*, что создает дополнительные возможности для продвижения российских продуктов и услуг.

В целом практическая реализация программы *China Friendly* оценивается положительно как обеспечивающая благоприятные условия приема китайских гостей, но дальнейший рост турпотока потребует увеличения соответствующей туристской инфраструктуры, особенно средств размещения, а также персонала со знанием китайского языка.

Сотрудничеству в сфере туризма будет способствовать введение Китаем с 15 сентября 2025 г. безвизового режима для туристов из России. Пока этот эксперимент ограничен сроком в один год. Одновременно разрабатываются меры по ослаблению визового режима для китайских туристов, путешествующих по России.

Другое направление в развитии международного сотрудничества в сфере туризма России, имеющее большое значение, — взаимодействие с мусульманскими странами.

Новый этап в развитии российской халяльной индустрии открыт созданием Технического комитета по стандартизации «Продукция, процессы и услуги халяль», деятельность которого ориентирована на обеспечение качества, безопасности и соответствия религиозным канонам, международным требованиям. Для российских и иностранных туристов-мусульман Роскачество запустило проект *Muslim Friendly*, стандарты которого рекомендованы предприятиям гостиничного хозяйства, питания, медицинских услуг, при проведении международных мероприятий и др. как способ интеграции различных стандартов халяль⁴. Такие стандарты уже используют 32 страны, в том числе Германия, Саудовская Аравия, Сингапур. В зависимости от набора сервисов, продуктов и услуг, например, в гостиничном бизнесе могут быть три уровня соответствия: наивысший уровень — это полная халяльность, при первой ступени — базовый набор сервиса. Кроме того, система *Muslim*

¹ Большинство китайских туристов готовы вернуться в Россию, показал опрос, 2025, *Прайм*, 21.10.2025, URL: <https://1prime.ru/20251021/bolshinstvo-863738268.html> (дата обращения: 24.09.2025).

² Запросы китайских туристов в России меняются, 2023, *Profi.Travel*, 10.10.2023, URL: <https://profi.travel/news/58247/details> (дата обращения: 24.09.2025).

³ Россия набирает популярность у китайских туристов: 95 % хотят повторить поездку. Исследование ЦСР, 2025, *Яндекс Путешествия*, 22.10.2025, URL: <https://travel.yandex.ru/pro/rossiya-nabiraet-populyarnost-u-kitayskih-turistov/> (дата обращения: 24.09.2025).

⁴ Что такое Muslim Friendly, 2024, *ProКачество*, 05.07.2024, URL: <https://kachestvo.pro/kachestvo-produktsii/sertifikatsiya-i-deklarirovanie/chto-takoe-muslim-friendly/> (дата обращения: 24.09.2025).

Friendly позволяет выделить под данную сертификацию часть номерного фонда, что также расширяет возможности размещения с учетом различных запросов туристов.

В соответствии с национальным туристским брендом *Discover Russia* Центр стратегического развития совместно с Минэкономразвития разработали каталог *Time to Travel*, включающий семь маршрутов по территории России для мусульманских путешественников¹. Весьма востребованным среди мусульманских туристов оказалось Сочи, что объясняется их интересом не только к рекреационному, но и к оздоровительному, деловому и иным видам туризма². Соответствующего развития требует гостиничное хозяйство, а также активизация мониторинга за организацией питания туристов по стандартам халяль, к такому выводу приводят исследования Н. В. Кендзерской, Н. Мазлян и др. [30; 31]. Поскольку возрастают потребности в подготовке кадров для данного проекта, Академия Роскачества запустила курс «Гостеприимство по стандартам халяль», что следует воспринимать как инвестиции в международное сотрудничество и одновременно решение проблем рынка труда по преодолению дефицита в квалифицированных работниках. На базе Российского исламского университета в Казани открываются несколько образовательных проектов в форматах онлайн и офлайн для разных контингентов обучающихся и повышающих квалификацию, в том числе для руководителей, технологов, специалистов по экспорту и др.³

Реализация принципа дружелюбия по отношению к исламским гостям посредством проекта *Muslim Friendly* уже создала основу для открытия соответствующих стандарту номеров в гостиницах Башкирии, Татарстана, Дагестана, а также Москвы, Санкт-Петербурга и других регионов⁴.

В качестве других примеров успешного международного сотрудничества в сфере туризма следует отметить сотрудничество стран СНГ, Совет по туризму которых разработал и реализует проект *Travel Hub «Содружество»*⁵, проект Евразийского альянса горных курортов⁶, послужившие основой для создания новых межгосударственных туристских маршрутов, для обмена информацией, опытом и продвижения лучших практик.

Россия и Мьянма договорились о развитии сотрудничества в сфере туризма, упрощении визового режима, улучшения транспортного сообщения⁷. Россия и Бахрейн заключили договор о сотрудничестве в сфере туризма, что позволит

¹ В России разработаны семь маршрутов для туристов-мусульман, 2025, Российская газета, 29.09.2025, URL: <https://rg.ru/2025/09/29/reg-dfo/v-rossii-razrabotany-sem-marshrutov-dlia-turistov-musulman.html> (дата обращения: 26.09.2025).

² Рейсы из Бахрейна и отель Muslim Friendly: Сочи принимает восточных гостей, 2024, *Эксперт Юг*, 19.06.2024, URL: <https://expertsouth.ru/articles/reysy-iz-bakhreyna-i-otel-muslim-friendly-sochi-prinimaet-vostochnykh-gostey/> (дата обращения: 26.09.2025).

³ Дружелюбный туризм: что сулит бизнесу проект Muslim Friendly, 2024, *Hotel.report*, 21.05.2024, URL: <https://ru.hotel.report/promotion/druzhelyubnyj-turizm-chto-sulit-biznesu-proekt-muslim-friendly> (дата обращения: 26.09.2025).

⁴ Первые российские отели получают подтверждение соответствия халяль уже этим летом, 2024, *Российская газета*, 16.05.2024, URL: <https://rg.ru/2024/05/16/standartnyj-nomer.html> (дата обращения: 26.09.2025).

⁵ Travel Hub «Содружество», URL: <https://www.travelhubforum.com/> (дата обращения: 26.09.2025).

⁶ Евразийский альянс горных курортов, URL: <https://eagk.org/> (дата обращения: 26.09.2025).

⁷ Россия и Мьянма договорились продвигать сотрудничество в сфере туризма, 2025, *РИА Новости*, 04.03.2025, URL: <https://ria.ru/20250304/rossiya-2003070575.html> (дата обращения: 26.09.2025).

увеличить туристский поток между странами¹. Совместные инициативы по расширению сотрудничества России с другими странами способствует укреплению дружественных политических, экономических, культурных и иных связей между странами, а мультипликативные эффекты развития сферы туризма создают возможности развития национальных экономик, но при этом возникает необходимость подготовки квалифицированных кадров для обслуживания туристов.

Большое значение для развития международного туризма имеет утверждение Росстандартом новых стандартов в сфере туризма: один определяет требования к гостиницам, второй формулирует рекомендации по работе с иностранцами, вступающими в силу с июня 2026 г.²

Занятость в сфере туризма и гостеприимства

Дальнейшее развитие международного сотрудничества в сфере туризма ставит перед Россией комплекс задач, решение которых в период до 2030 г. связано с необходимостью дополнительного привлечения около 400 тыс. работников, в том числе 320 тыс. — в гостиничную индустрию, 80 тыс. — в турпосреднические компании, а также гидов, экскурсоводов, инструкторов и других специалистов.

К 2030 г. национальный проект «Туризм и гостеприимство» предусматривает рост туристского потока по внутренним маршрутам до 140 млн поездок в год, что потребует создание 1,5 млн рабочих мест³. Становится актуальной проблема дефицита кадров всех уровней — от высшего менеджмента до линейного персонала. Уже в 2024 г. перед началом высокого сезона число вакансий значительно превышало число резюме, в результате шел активный поиск работников на должности поваров и пекарей, горничных, официантов, барменов, администраторов и др.⁴ Больше всего вакансий насчитывалось в крупных городах, таких как Иркутск, Сочи, Астрахань, Калининград, Краснодар и др., что объяснялось низкой престижностью труда в сфере туризма, высокой долей затрат малоквалифицированного труда, невысокой заработной платой.

Следует отметить, что нехватку кадров в сфере туризма ощущает не только Россия. В докладе «Будущее рабочей силы в туризме», представленном на 25-м Глобальном саммите Всемирного совета по путешествиям и туризму (WTTC) в Риме, на основе исследования 20 стран дан прогноз, по которому к 2035 г. мировому туризму потребуется еще 91 млн новых рабочих мест, при этом дефицит кадров может достигнуть 43 млн⁵. Согласно этому прогнозу дефицит кадров может достигнуть в Китае 16,9 млн, в Индии — 11,0 млн, в ЕС — 6,4 млн.

¹ Россия и Бахрейн подпишут меморандум о сотрудничестве в сфере туризма, 2025, *РИА Новости*, 01.06.2025, URL: <https://ria.ru/20250601/rossija-2020302471.html> (дата обращения: 30.09.2025).

² В России утвердили два новых стандарта в сфере туризма, 2025, *Т-Бизнес секреты: новости*, 09.09.2025, URL: <https://secrets.tbank.ru/novosti/standarty-dlya-turizma/> (дата обращения: 30.09.2025).

³ Кадры для туризма: путь из сферы услуг к индустрии счастья, 2024, *Экспертный аналитический доклад*, с. 6, URL: https://национальныепроекты.рф/upload/turizm/Доклад%20Туризм_2024.pdf (дата обращения: 30.09.2025).

⁴ Поисковый разброс: почему в России не хватает туристских кадров, 2024, *Известия*, 04.04.2024, URL: <https://iz.ru/1676562/kseniia-nabatkina-valerii-mishina/poiskovyi-razbros-pochemu-v-rossii-ne-khvataet-turisticheskikh-kadrov> (дата обращения: 30.09.2025).

⁵ К 2035 году мировому туризму потребуется еще 91 млн новых рабочих мест, 2025, *Островок B2B*, 03.10.2025, URL: <https://b2b.ostrovok.ru/blog/k-2035-godu-mirovomu-turizmu-potrebuetsya-eshhgo-91-mln-novykh-rabochix-mest/> (дата обращения: 02.10.2025).

Занятость в российской сфере туризма представлена тремя основными контингентами работников:

- линейные работники без специальной квалификации, доля которых составляет 60 % от общего числа занятых (горничные, мойщики посуды, официанты, разнорабочие, грузчики и др.);

- средний сегмент работников со средним профессиональным образованием, включая немногочисленную группу лиц с высшим образованием (менеджеры, гиды, повара);

- третий сегмент, преимущественно менеджеров и других работников с высшим, но чаще всего непрофильным образованием, что обуславливает необходимость переподготовки и/или повышения квалификации.

Занятость в сфере туризма имеет определенные особенности, такие как сезонность, вследствие чего потребность в работниках существенно меняется от высокого летнего сезона к низкому зимнему, что связано с неполным рабочим временем либо с совмещением выполняемых функций; высокой долей женского труда, во многих случаях малоквалифицированного; ограниченными возможностями применения трудосберегающих технологий, позволяющих повысить производительность труда и, соответственно, его оплату. Предстоит искать пути сохранения кадрового состава, повышения престижа работы в отрасли, улучшения оплаты и комфортности условий труда, совершенствования подготовки специалистов с ориентацией на персонализацию обслуживания и использование цифровых технологий.

Реализация федеральных проектов, таких как «Пять морей и озеро Байкал», по созданию морских курортов круглогодичного действия, макротерриторий, объединяющих по несколько субъектов РФ для сотрудничества в индустрии туризма, кластеров, специализирующихся на отдельных видах туризма, повысит потребность в кадрах. Так, новый этап в развитии Балтийского региона открывается реализацией в Калининградской области города-курорта «Белая дюна» в рамках федерального проекта «Пять морей и озеро Байкал»¹. Планируется построить 41 отель с общим номерным фондом 10,5 тыс. единиц различного уровня комфортности, объединяемых променадом в 6 км². Торговые объекты будут расположены на специальной «фестивальной площади» и в «зоне свободной торговли», дорожная сеть составит более 21 км. Туристская инфраструктура «Белой дюны» сможет принимать до 1,4 млн туристов в год, из них 1,1 млн будут размещаться в коллективных средствах размещения, 300 тыс. — экскурсанты³. Планируется создать 17,8 тыс. новых рабочих мест, в связи с чем возникает проблема кадрового обеспечения⁴. По мнению А. Ю. Анохина, Е. Г. Кропиновой, Э. Спиряеваса, необходима оценка состояния и перспектив развития международного сотрудничества в сфере туризма для сохранения природного и культурного наследия Балтийского региона [32]. По прогнозу 2025 г., в регионе ожидается рост туристского потока на 8—9 % по отношению к показателю 2024 г., равному 2,2 млн тури-

¹ В Калининградской области подведены итоги архитектурного конкурса развития курорта «Белая дюна», *Корпорация развития*, URL: https://www.kgd-rdc.ru/media/news/press_reliz/v_kaliningradskoy_oblasti_podvedeny_itogi_arkhitekturnogo_konkursa_razvitiya_kurorta_belaya_dyuna/ (дата обращения: 02.10.2025).

² Названа потрясающая длина будущего променада «Белая дюна», 2025, *Русский Запад*, 08.08.2025, URL: <https://ruwest.ru/news/151202/> (дата обращения: 02.10.2025).

³ «Город отелей»: каким будет курорт «Белая дюна» под Янтарным, 2024, *Дзен*, 30.09.2024, URL: https://dzen.ru/a/ZvrS18TYZy-VNX_q (дата обращения: 02.10.2025).

⁴ Куренков — о «Белой дюне»: «Мы построим новое и разрушим старое», 2025, *РБК*, 04.09.2025, URL: <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/04/09/2025/68b975869a79471bcaf32c37> (дата обращения: 02.10.2025).

стов. Вместе с тем, по мнению эксперта Балтийского федерального университета им. И. Канта профессора, доктора географических наук В. Корнеевца, определенные проблемы создает дефицит кадров, в том числе менеджеров, администраторов и обслуживающего персонала в службах приема и размещения гостиниц¹. Наблюдается «перекупка» персонала гостиницами друг у друга посредством предложения большей зарплаты, что создает неоправданную трудовую миграцию. Недостаток кадров пытаются возместить привлечением на работу пенсионеров, что сказывается на качестве обслуживания.

Под давлением дефицита кадров российский бизнес в 2025 г. стал сокращать поиск работников и количество предлагаемых вакансий, переходя к более рациональному найму², достижению лучшего взаимопонимания между работодателями и соискателями занятости. Самыми востребованными в 2025 г. в вакансиях отмечены повар / пекарь, официант / бармен / бариста, менеджер ресторана, горничная, администратор гостиницы³. Поскольку запросы соискателей занятости и возможности работодателей во многом не совпадают, то выход видится в предложении гибких форм (на сезон или неполное рабочее время), совмещение работником смежных функций и обязанностей за доплату, комбинированные варианты полного и неполного рабочего дня, фиксированной и сдельной оплаты.

Вместе с тем нужны квалифицированные специалисты, подготовкой которых занимаются три федеральных ресурсных центра в Москве, Санкт-Петербурге и Казани, где отраслевые специалисты могут пройти бесплатную переподготовку, функционируют практико-ориентированные образовательные программы⁴. Для выпускников 9—11-х классов запущена федеральная программа «Профессионалитет», в рамках которой можно получить специальность туристского профиля⁵.

В условиях дефицита кадров представляется целесообразным выработка подходов по более эффективному использованию занятых работников, переход к более рациональному найму, достижению лучшего взаимопонимания между работодателями и соискателями занятости. Одним из направлений должно стать так называемое бережливое производство, в соответствии с которым национальным проектом «Туризм и гостеприимство» предусмотрены комплексы мер по повышению производительности труда в 57 организациях⁶. Участники этого направления продемонстрировали кейсы по оптимизации обслуживания гостиничного комплекса, для чего были разработаны стандарты уборки гостиничного номера, сократившие время обслуживания на 29 %; оптимизация процесса заказа блюд, хранения продуктов на складе и кухне, в результате чего затраты времени уменьшились на 27 %, не-

¹ Эксперт БФУ им. И. Канта назвал ключевые тренды туристического сезона-2025 для Калининградской области, 2025, *БФУ им. И. Канта. Новости*, 19.03.2025, URL: <https://kantiana.ru/news/ekspert-bfu-im-i-kanta-nazval-klyuchevye-trendy-turisticheskogo-sezona-2025-dlya-kaliningradsko-obl/> (дата обращения: 22.12.2025).

² Шакирова, М. 2025, Российский бизнес начал сокращать наем, *Ведомости*, 06.06.2025, URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/06/06/1115424-rossiiskii-biznes-nachal-sokraschat-naem> (дата обращения: 03.10.2025).

³ Рынок труда в туристской индустрии, *SuperJob*, URL: <https://www.superjob.ru/pro/6389/> (дата обращения: 03.10.2025).

⁴ Кадры для туризма, *Национальные проекты*, URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/turizm-i-gostepriimstvo/kadry-dlya-turizma/> (дата обращения: 04.10.2025).

⁵ К 2030 году в туротрасли РФ будут востребованы 400 тысяч новых сотрудников, 2023, *ИА Регнум*, 27.09.2023, URL: <https://regnum.ru/news/3835417> (дата обращения: 04.10.2025).

⁶ Национальный проект «Туризм и гостеприимство», *Правительство России*, URL: <http://government.ru/rugovclassifier/920/about/> (дата обращения: 04.10.2025).

завершенное производство — на 34,1 %, а выработка возросла на 10,8 %¹. Эксперты по бережливому производству разрабатывают схемы по ускоренному заселению туристов в гостиничные номера, сокращению очередей на горнолыжные спуски, совершенствуют другие стандарты обслуживания.

Проблемы кадрового дефицита сдерживают разработку новых туристских маршрутов особенно за пределами крупных городов, например на Алтае, в Сибири, в окрестностях Байкала, на Дальнем Востоке. Опыт развивающихся стран свидетельствует о том, что создание гостиничных предприятий в отдаленных регионах требует больших затрат на техническое оснащение. Труд там весьма дешев, при этом для обслуживания одного гостиничного номера необходимо от 1,6 работника в Кении до 1,8 работника на Сейшельских островах². В странах Северной Европы такие виды занятости обеспечивают за счет иностранцев, доля которых во Франции и Германии достигает 25 %.

В качестве иных инструментов преодоления дефицита кадров в индустрии туризма предлагаются повышение уровня зарплат до среднерыночного показателя, совершенствование системы материального поощрения, сохранение рабочих мест за представителями старшего поколения при соответствующей их переподготовке, ослабление сезонных колебаний занятости путем совмещения нескольких специальностей или функций. Необходимы большее взаимодействие и сотрудничество профильных средних и высших учебных заведений с туристским бизнесом, совместные программы развития туристских кластеров. Растет потребность в специалистах с современным комплексным пониманием индустрии туризма, ориентированных на разработку и реализацию новых продуктов и услуг, мер по повышению качества обслуживания. По оценкам экспертов, действующая система образования покрывает лишь половину потребности в специалистах³, подготовка кадров по направлению «Туризм и сервис» остается малопrestижной, что усиливает важность просветительской работы среди школьников и абитуриентов. Целесообразно также разрабатывать образовательные программы под потребности в конкретных специалистах с различными сроками обучения практико-ориентированной направленности.

Интересный опыт по разработке региональных проектов молодежной профориентации реализован в Крыму в виде «классов гостеприимства» для профессионального самоопределения подростков посредством девяти модулей по отдельным профессиям⁴. Проект позволяет сократить дефицит кадров и одновременно внедряет современные стандарты обслуживания.

Преодолению дефицита кадров в определенной степени может способствовать, по нашему мнению, платформенная занятость как более гибкая форма трудоустройства, все шире используемая для самозанятости в сфере услуг, особенно в трудоустройстве женщин, что позволяет совмещать им работу и семью. В ряде случаев платформенная занятость дает возможность совмещать основную работу

¹ Туристическая отрасль внедряет методы бережливого производства, 2025, *Степные зори*, 12.03.2025, URL: <https://stepzory.ru/turisticheskaya-otrasl-vnedryaet-metody-berezhlivogo-proizvodstva/> (дата обращения: 04.10.2025).

² Международный туризм и занятость, *Менеджмент туризма*, URL: https://vfmgui-tourism.ru/sistema_upravleniya_turizmom_33/mejdunarodnyi_turizm_i_zanyatost_309/index.html (дата обращения: 02.10.2025).

³ Задера, С., Игнатова, О. 2025, Индустрии туризма нужно до двух миллионов новых работников, *Российская газета*, 20.03.2025, URL: <https://rg.ru/2025/03/20/priglasiat-gostej.html> (дата обращения: 02.10.2025).

⁴ 10 лучших проектов в туризме за 2024 год, 2025, *RUSSPASS Журнал*, 30.01.2025, URL: <https://mag.russpass.ru/business/rubric/biznes/10-luchshih-proektov-v-turizme-za-2024-god> (дата обращения: 23.12.2025).

с подработкой и получать дополнительный заработок. Современные цифровые технологии освобождают от привязки к конкретному месту жительства, что позволяет работникам из регионов, малых населенных пунктов найти достойно оплачиваемую занятость. В сфере туризма только за первое полугодие 2025 г. создано 76,5 тыс. новых субъектов малого и среднего предпринимательства при государственной поддержке, что особенно актуально в процессе создания туристской инфраструктуры и появления новых точек притяжения туристов¹.

Одновременно в этот период работодатели искали работников на должности поваров, пекарей, администраторов, официантов, бариста, барменов, а также уборщиков². Платформенная занятость создает условия для работы людям с ограниченными физическими возможностями, а также социальным предпринимателям, реализующим социальные программы, однако в сфере туризма ее доля пока невелика (табл. 2). Вместе с тем платформенная занятость не в полной мере защищается трудовым законодательством, не обеспечивает социальные гарантии самозанятым, что сдерживает ее распространение и требует особого внимания к уточнению соответствующих положений Трудового кодекса.

Таблица 2

Платформенная занятость на основной работе в сфере услуг России в 2023 г.

Вид деятельности	Всего, тыс. чел.	В % к итогу	Доля мужчин, %	Доля женщин, %
Занятые всего в сфере услуг	3224	100,0	57,5	42,5
В том числе: гостиницы и рестораны	73	2,3	36,7	63,3

Составлено по данным: Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы), 2024, *Росстат*, Москва, URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.pdf (дата обращения: 03.10.2025).

Одним из ресурсов минимизации дефицита кадров видится гибкая занятость. К гибким формам трудоустройства относится проектная занятость: когда работника привлекают на определенное время для выполнения конкретного проекта, имеющего разовый или нерегулярный характер. В сфере туризма такие проекты могут реализовываться при разработке и реализации новых туристских маршрутов, с появлением новых профессий, например режиссеры индивидуальных или семейных туров по восстановлению исторической памяти, родственных корней, архитекторы территорий, маркетологи пространств и др. Как гибкая форма трудоустройства участие в проекте для работника создает возможность выбора интересной проблематики, получения дополнительного вознаграждения, но требует быстрой адаптации к новому проекту и коллективу исполнителей, не предоставляет социальных гарантий. Поиск такой работы ведется через фриланс-платформы, социальные сети, специализированные сайты для привлечения специалистов в маркетинге, образовании, событийном менеджменте и других услугах. Проектная занятость, как и платформенная, требует совершенствования трудового законодательства.

¹ Более 5 тысяч туристических субъектов МСП появилось в России за полгода, 2025, *РИА Новости*, 16.07.2025, URL: <https://ria.ru/20250716/turizm-2029407784.html> (дата обращения: 02.10.2025).
² Названы самые востребованные сотрудники в туризме, 2025, *Известия*, 20.05.2025, URL: <https://iz.ru/1889025/2025-05-20/nazvany-samye-vostrebovannye-sotrudniki-v-turizme> (дата обращения: 02.10.2025).

Цифровые технологии в решении кадровых проблем развития международного сотрудничества в сфере туризма

Цифровая трансформация в сфере туризма и гостеприимства формирует вокруг себя единое информационное пространство, в котором взаимодействуют все участники туристского рынка и продвигаются туристские продукты и услуги. Современные цифровые технологии направлены на оптимизацию бизнес-процессов, в том числе операций, требующих значительных затрат живого труда, что сокращает расходы и в ряде случаев минимизирует штаты работников. Технология искусственного интеллекта способствует персонализированному обслуживанию потребителей, позволяет с помощью больших данных и предиктивной аналитики более полно удовлетворить их запросы, эффективно используя рабочее время.

Цифровая трансформация сферы туризма и гостеприимства создает условия для минимизации рисков, возникающих на рынке труда, и укрепления международного сотрудничества, что особенно значимо при взаимодействии компаний разных стран, имеющих различный опыт и практики в выполнении схожих функций и операций в совместных программах и проектах. Однако процесс цифровой трансформации в различных отраслях и видах деятельности сферы туризма происходит неравномерно. Крупные туроператорские компании, гостиничные сети активно применяют цифровые платформы, облачные сервисы, большие данные, искусственный интеллект и другие технологии, способствующие укреплению конкурентоспособности, росту объема транзакций, увеличению количества потребителей и более полному удовлетворению их запросов, расширению взаимодействия с партнерами и др., поскольку для этого имеют необходимое оборудование и специалистов. Цифровые технологии сегмента сферы туризма, состоящего из среднего и малого гостиничного и ресторанного бизнеса, находятся пока на начальном этапе применения (табл. 3), что сдерживает разработку и реализацию новых туристских маршрутов, включение в экономический оборот природных и культурно-исторических объектов, расположенных в отдаленных регионах страны.

Таблица 3

Использование цифровых технологий в гостиничных и ресторанных организациях, % от общего числа организаций

Цифровая технология	В среднем по экономике России	Гостиницы и рестораны
Облачные сервисы	26,7	31,2
Цифровые платформы	17,1	19,2
Технологии сбора, обработки и анализа больших данных	15,3	19,0
Геоинформационные системы	12,2	12,3
Интернет вещей	11,2	12,7
RFID-технологии	9,1	11,3
Технологии искусственного интеллекта	4,9	2,7
Промышленные роботы / автоматизированные линии	2,7	2,6
Аддитивные технологии	1,9	1,8
«Цифровой двойник»	1,5	1,4

Составлено по данным: Абашкин, В.Л., Абдрахманова, Г.И., Вишневский, К.О. и др. 2025, *Цифровая экономика: 2025: краткий статистический сборник*, Москва, ИСИЭЗ ВШЭ, с. 50—57.

С использованием искусственного интеллекта, нейросетей и других цифровых технологий происходят существенные изменения, влияющие на профессии занятых работников в сфере туризма. Так, искусственный интеллект применяется для поиска информации о визовых требованиях, расписаниях; описания туров, при e-mail-рассылках; в чат-ботах; для бронирования и оформления документов, анализа отзывов потребителей¹. В результате такие профессии, как переводчик (ИИ быстро осуществляет перевод), гид (виртуальные гиды способны выполнять эти функции), могут быть заменены цифровыми технологиями, что особенно важно, например, не только для китайских туристов, но и для россиян, путешествующих по Китаю. Некоторые профессии получают больше функций с применением искусственного интеллекта, например виртуальный консьерж, который сможет давать справки о месте пребывания, бронировании столиков в ресторане; турагент в автоматизированном варианте будет подбирать туры и оформлять документы; менеджеры по продажам анализировать динамику спроса и вести переговоры. Гораздо в меньшей степени искусственный интеллект затронет те профессии, где велика доля живого общения с потребителем услуг: экскурсоводы, спасатели, инструкторы. В целом технологии искусственного интеллекта будут оказывать помощь в выполнении простых операций, экономя время персонала на обработке информации и повышая эффективность его работы.

Использование нейросетей меняет формат административных рабочих мест, поскольку применение их как помощников развивает креативное мышление, эмпатию, поиск уникальных решений. В современных условиях онлайн-системы могут полностью выполнять процесс формирования тура с комплексом услуг и продуктов различных поставщиков до его конечного сопровождения, в том числе информационную поддержку и платежные операции. Это избавляет онлайн-посредников от множества рутинных операций, позволяя сосредоточиться на взаимодействии с лояльными потребителями, расширении рыночной ниши, разработке новых маршрутов и продуктов. С помощью искусственного интеллекта компании-агрегаторы подготавливают сравнительные таблицы отелей по уровню комфорта, ценам и другим показателям, подбирают персонализированные предложения по запросу потребителей, обрабатывают отзывы и др.

Технологии на основе искусственного интеллекта усиливают возможности персонализации, что особенно важно во въездном туризме, когда предлагаются сложные маршруты по ранее неизвестным регионам, а туристы стремятся самостоятельно оформить свое путешествие. Использование интеллектуальных систем бронирования, динамического ценообразования, виртуальных переводчиков и виртуальных туров повышает доступность и качество услуг, удовлетворенность потребителей, с другой стороны, повышается эффективность логистики и планирования деятельности компаний, ведущих бизнес в сфере туризма.

Весьма значимые удобства в поездке получают туристы при сочетании технологии искусственного интеллекта и интернета вещей при обслуживании в гостиничном номере (установление температуры в помещении, Wi-Fi, заказы еды и др.), автоматической регистрации, доступе в номер по биометрии, отслеживании багажа и т.п. Интеграция искусственного интеллекта с виртуальной и дополненной реальностью позволяет туристу быстро ориентироваться на незнакомой местности, а также заранее знакомиться с достопримечательностями при выборе маршрута

¹ Как искусственный интеллект изменит профессии в туризме: исследование Microsoft, 2025, Ассоциация туроператоров, 14.08.2025, URL: <https://www.atorus.ru/article/kak-iskusstvennyy-intellekt-izmenit-professii-v-turizme-issledovanie-microsoft-63563> (дата обращения: 04.10.2025).

путешествия. Постепенное распространение моделей «умного отеля» позволяет не только широко использовать умные гаджеты, но и заменять персонал роботами, осуществляющими рутинные операции по уборке помещений, доставке заказов еды, напитков и др. в номер, выполняющими функции администратора, консьержа, полицейского и т. п.

Невысокий уровень использования программных средств, таких как система электронного документооборота, финансовые операции в электронном виде, доступ к базам данных через глобальные информационные сети, обучающие программы, ведет к дополнительной потребности в работниках, снижает эффективность конечных результатов бизнес-процессов, что делает необходимым поиск путей преодоления этих проблем (табл. 4).

Таблица 4

**Использование программных средств
в гостиничных и ресторанных организациях, % от общего числа организаций**

Программное средство	В среднем по экономике России	Гостиницы и рестораны
Системы электронного документооборота	55,8	48,9
Финансовые расчеты в электронном виде	46,4	47,1
Предоставление доступа к базам данных через глобальные информационные сети	27,8	30,4
Обучающие программы	26,2	25,7

Составлено по данным: Абашкин, В.Л., Абдрахманова, Г.И., Вишневский, К.О. и др. 2025, *Цифровая экономика: 2025: краткий статистический сборник*, Москва, ИСИЭЗ ВШЭ, с. 59.

Заключение

Международное сотрудничество в сфере туризма создает благоприятные условия для взаимного устойчивого развития России и других стран, получения политических, экономических, социальных, культурных выгод. Его дальнейшее развитие требует прежде всего улучшения качества обслуживания туристов, в том числе посредством реализации специальных программ и проектов, таких как *China Friendly* и *Muslim Friendly*, обеспечивающих высокий уровень комфорта с учетом национально-культурных и религиозных запросов иностранных путешественников, способствующих росту туристского потока, повышающих заинтересованность в повторных поездках. Решение этой задачи требует, с одной стороны, развития и обновления туристской инфраструктуры, с другой — большее распространение стандартов высококачественного обслуживания туристов, подготовку квалифицированных кадров, в том числе со знанием иностранных языков.

Представляется, что в регулировании, управлении занятостью и кадровым составом в сфере туризма должно быть усилено направление трудосберегающей политики посредством использования гибких форм занятости, таких как платформенная, проектная занятость, а также разработки и реализации мер по «удержанию» работников путем совмещения функций и профессий, доплаты и бонусов за работу в высокий сезон, предоставления социального пакета, дифференцированных подходов в трудоустройстве женщин с детьми, молодежи, лиц старшего возраста, людей с ограниченными физическими возможностями.

По нашему мнению, в условиях напряженного рынка труда целесообразно сосредоточить особое внимание на современных трудосберегающих цифровых тех-

нологиях, их использовании в гостиничном и ресторанном хозяйстве как в наиболее трудоемких отраслях, на подготовке молодых кадров и повышении квалификации занятых работников, совершенствовании технического оснащения и программного обеспечения малых и средних компаний. Целесообразна разработка региональных проектов по подготовке новых туристских маршрутов для иностранных гостей и совершенствованию качества их обслуживания с учетом возможностей использования современных цифровых технологий, расширения подготовки и переподготовки кадров.

Список литературы

1. Шукшин, С. И. 2022, Теоретико-управленческие основы интеграционных процессов в сфере туризма, *Журнал правовых и экономических исследований*, № 4, с. 47—55, EDN: TWJEZK, <https://doi.org/10.26163/GIEF.2022.52.43.008>
2. Огнева, Н. Ф., Броян, И. В. 2022, Развитие интеграционных процессов стран-членов Евразийского экономического союза, *Вестник евразийской науки*, т. 14, № 3, ст. 14ECVN322, EDN: IQGUAЕ
3. Курyleв, К., Малышев, Д., Хотивришвили, А., Шабловский, В. 2021, ШОС и ЕАЭС в контексте евразийской интеграции, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 65, № 2, с. 81—88, EDN: VSHNAU, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-81-88>
4. Сюагуан, Б. 2018, Анализ текущей ситуации и перспектив китайско-российского сотрудничества в сфере культурных индустрий в рамках проекта «Один пояс, один путь», *Власть и управление на Востоке России*, № 2 (83), с. 8—15, EDN: XTGQIX, <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2018-83-2-8-15>
5. Синьи, Д. 2023, Сотрудничество в сфере туризма и его особенность на пространстве ШОС, *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, т. 3, № 3 (78), с. 133—137, EDN: VPMZUI, <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-3-3-133-137>
6. Kristensen, A. E. 2020, Foreign direct investment in the Chinese outbound tourism industry: the policies, participants and possibilities, *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*, vol. 12, № 1, p. 8—20, <https://doi.org/10.1080/19407963.2018.1505100>
7. Левченко, К. К. 2023, Структурно-функциональная модель цифровой платформы в туризме, *Экономика: вчера, сегодня, завтра*, т. 13, № 3-1, с. 285—293, EDN: PUDCBU, <https://doi.org/10.34670/AR.2023.70.77.066>
8. Кумова, Д. М. 2021, Использование платформ на базе искусственного интеллекта в сфере туризма, *Сервис в России и за рубежом*, т. 15, № 3, с. 18—26, EDN: OYZLHC, <https://doi.org/10.24412/1995-042X-2021-3-18-26>
9. Аксенов, В. А., Носаков, И. В., Аксенов, С. В. 2022, Цифровизация экономики и развитие электронных услуг в сфере гостеприимства и туризма, *Гостиничное дело*, № 6, с. 418—427, EDN: ZSWEKO, <https://doi.org/10.33920/igt-2-2206-07>
10. Восколович, Н. А. 2024, На пути к цифровому туризму, *Государственное управление. Электронный вестник*, № 102, с. 155—167, EDN: EFPOXG, <https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-102-2024-155-167>
11. Манаков, А. Г., Крыстев, В. К., Красильникова, И. Н., Иванов, И. А. 2023, Изменение структуры и географии туристских потоков в Балтийском регионе в период пандемии COVID-19, *Балтийский регион*, т. 15, № 1, с. 139—152, EDN: GKTQYF, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-8>
12. Александрова, А. Ю., Красавцев, И. В. 2023, Территориальная структура въездного и внутреннего туризма в странах Прибалтики, *Балтийский регион*, т. 15, № 1, с. 120—138, EDN: AVBDM, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-7>
13. Салишева, Э. Г. 2022, Роль и направление международного сотрудничества в аспекте обеспечения ценовой доступности туризма, *Экономика: вчера, сегодня, завтра*, т. 12, № 9-1, с. 185—193, EDN: KARTES, <https://doi.org/10.34670/AR.2022.47.79.050>
14. Giampiccoli, A. 2020, A conceptual justification and a strategy to advance community-based tourism development, *European Journal of Tourism Research*, vol. 25, art. 2503, EDN: CPRYJF, <https://doi.org/10.54055/ejtr.v25i.418>

15. Чхотуа, И. З., Мурадов, А. А. 2023, Глобальные и национальные тренды развития туризма в современных условиях, *Стратегирование: теория и практика*, т. 3, № 2, с. 207—217, EDN: JSNDAAW, <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-2-207-217>
16. Оборин, М. С., Сарян, А. А. 2020, Развитие туристских потоков и особенности их сегментации, *Сервис в России и за рубежом*, т. 14, № 1 (88), с. 13—22, EDN: KUIITH, <https://doi.org/10.24411/1995-042X-2020-10102>
17. Dorta-González, P., González-Betancor, S. M. 2021, Employment in tourism industries: Are there subsectors with a potentially higher level of income?, *Mathematics*, vol. 9, № 22, art. 2844, EDN: EYBMJG, <https://doi.org/10.3390/math9222844>
18. Rodriguez-Giron, S., Vanneste, D. 2019, Tourism systems thinking: Towards an integrated framework to guide the study of the tourism phenomenon, *Tourism, Culture and Communication*, vol. 19, № 1, p. 1—16, EDN: XAVBPM, <https://doi.org/10.3727/109830419X15489421397219>
19. Bellato, L., Frantzeskaki, N., Briceño Fiebig, C., Pollock, A., Dens, E., Reed, B. 2022, Transformative roles in tourism: adopting living systems' thinking for regenerative futures, *Journal of Tourism Futures*, vol. 8, № 3, p. 312—329, EDN: KBGSJI, <https://doi.org/10.1108/jtf-11-2021-0256>
20. Ермакова, Ж. А., Холодилина, Ю. Е. 2019, Тенденции и перспективы развития рынка труда в туристской индустрии Российской Федерации, *Интеллект. Инновации. Инвестиции*, № 7, с. 27—35, EDN: MGXXNH, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2019-7-27>
21. Попова, В. Н., Олейникова, И. С. 2025, Современные подходы к обслуживанию потребителей туристского предприятия, *Креативная экономика*, т. 19, № 8, с. 2069—2086, EDN: HCUGWY, <https://doi.org/10.18334/ce.19.8.123552>
22. Harju-Myllyaho, A., Hakkarainen, M., Vähäkuopus, M. 2020, Tourism Work: Public Management of the Tourism Workforce in Finland, in: Walmsley, A., Åberg, K., Blinnikka, P., Jóhannesson, G. (eds.), *Tourism Employment in Nordic Countries: Trends, Practices, and Opportunities*, Palgrave Macmillan, Cham, p. 57—76, https://doi.org/10.1007/978-3-030-47813-1_4
23. Duncan, T., Hillman, A.G., Elbe, J. 2020, Sustainable Tourism Employment, the Concept of Decent Work, and Sweden, in: Walmsley, A., Åberg, K., Blinnikka, P., Jóhannesson, G. (eds.), *Tourism Employment in Nordic Countries: Trends, Practices, and Opportunities*, Palgrave Macmillan, Cham, p. 327—348, https://doi.org/10.1007/978-3-030-47813-1_16
24. Мачалкин, С. Е., Морева, С. Н. 2019, Анализ качества и состояния туристического потока из Китайской Народной Республики, *Социально-экономические явления и процессы*, т. 14, № 105, с. 25—29, EDN: DEZTIW, <https://doi.org/10.20310/1819-8813-2019-14-105-25-29>
25. Головченко, Т. П., Рубцова, Н. В. 2019, Оценка туристского продукта и гостеприимства в Прибайкалье: результаты онлайн-опроса китайских туристов, *Азимут научных исследований: экономика и управление*, т. 8, № 1 (26), с. 129—132, EDN: ZBIYJV, <https://doi.org/10.26140/anie-2019-0801-0027>
26. Чаликова-Уханова, М. В., Балашова, М. А., Трошкин, М. И., Балашова, А. М. 2021, О долгосрочном развитии туризма на территории Ольхонского района и обосновании необходимости повышения его привлекательности для туристов из Китая, *Российско-китайские исследования*, т. 5, № 1, с. 36—45, EDN: GITOPY, [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2021.5\(1\).36-45](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2021.5(1).36-45)
27. Сазыкин, А. М., Широкова, А. В. 2022, Развитие международного туризма в Приморском крае: китайское направление, *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, № 1, с. 108—119, EDN: UBHIYH, <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-1/108-119>
28. Восколович, Н. А., Ресмятова, А. С. 2022, Международное сотрудничество как драйвер развития въездного туризма в Россию из Китая, *Государственное управление. Электронный вестник*, № 95, с. 144—160, EDN: QXMMHP, <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-95-144-160>
29. Абудемалеке, А., Чхотуа, И. З. 2024, Стратегические возможности российско-китайского сотрудничества в сфере туризма в условиях реализации крупных трансграничных проектов, *Управленческое консультирование*, № 5, с. 168—183, EDN: SLLNCU, <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-5-168-183>
30. Кендзерская, Н. В. 2022, Технология внедрения стандартов программы Halal Friendly на базе российских гостиничных комплексов, *Гостиничное дело*, № 1, с. 63—70, EDN: LQWBMZ, <https://doi.org/10.33920/igt-2-2201-07>

31. Mazlan, N., Izham, S. S. B., Ahmadun, M. B. 2023, Muslim Friendly Hotels as Islamic Tourism Products: Issues and Challenges, *International Journal of Academic Research in Business & Social Sciences*, № 13 (2), p. 224—237, <https://doi.org/10.6007/ijarbs/v13-i2/16344>

32. Анохин, А. Ю., Кропинова, Е. Г., Спиряевас, Э. 2021, Развитие геотуризма на основе использования геонаследия (на примере Куршской косы — объекта ЮНЕСКО), *Балтийский регион*, т. 13, № 2, с. 112—128, EDN: EEWWBZ, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-2-6>

Об авторах

Татьяна Олеговна Разумова, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики труда и персонала, заслуженный преподаватель Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-5726-4136>

E-mail: Tatiana.razumowa@yandex.ru

Нина Александровна Восколович, доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-1395-4930>

E-mail: voskolovitch@mail.ru

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution — Noncommercial — NoDerivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

THE IMPACT OF INTERNATIONAL COOPERATION ON EMPLOYMENT IN THE TOURISM SECTOR

T. O. Razumova

N. A. Voskolovich

Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskiye Gory, Moscow, 119899, Russia

Received 12 November 2025

Accepted 16 March 2026

doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-6

© Razumova T. O., Voskolovich N. A., 2026

International cooperation in tourism generates a wide range of political, economic, social, and cultural benefits for participating countries and increasingly serves as a driver of sustainable development. At the same time, the further expansion of international tourism cooperation requires the modernisation of Russia's tourism industry, accompanied by improvements in workforce development and the professional training of personnel capable of delivering high-quality tourism services. The purpose of this study is to examine the impact of international cooperation on labour demand in the tourism sector and identify approaches to addressing workforce shortages. The research draws on official statistical data, sample surveys, expert assessments, comparative analysis, and cluster analysis. The findings highlight the importance of strengthening labour-saving strategies through the wider use of flexible forms of employment, including platform-based and project-based work, as key instruments

To cite this article: Razumova, T. O., Voskolovich, N. A. 2026, The impact of international cooperation on employment in the tourism sector, *Baltic Region*, vol. 18, № 2, p. 111—133, doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-6

for regulating employment in the tourism sector under conditions of labour market shortages. The proposed approach also includes measures aimed at improving employee retention and expanding the use of labour-saving digital technologies, particularly in labour-intensive segments of the tourism industry, such as hospitality and food services.

Keywords:

international cooperation, tourism, employment, labour-saving policy

References

1. Shukshin, S.I. 2022, Theoretical and Managerial Framework of Integration Processes in Travel Industry, *Journal of Legal and Economic Studies*, №4, p. 47—55 (in Russ.), EDN: TWJEZK, <https://doi.org/10.26163/GIEF.2022.52.43.008>
2. Ogneva, N.F., Broyan, I.V. 2022, Development of integration processes of the member countries of the Eurasian Economic Union, *The Eurasian Scientific Journal*, vol. 14, №3, art. 14ECVN322, EDN: IQGUAE
3. Kurylev, K.P., Malyshev, D.V., Khotivirshvili, A.A., Shablovskii, V.S. 2022, SCO and EAEU in the Context of Eurasian Integration, *World Economy and International Relations*, vol. 65, №2, p. 81—88 (in Russ.), EDN: VSHHAU, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-81-88>
4. Xiaoguang, B. 2018, Analysis of the current situation and the prospects of the Chinese-Russian cooperation in the sphere of cultural industries within the “One Belt, One Way” project, *Power and Administration in the East of Russia*, №2 (83), p. 8—15 (in Russ.), EDN: XTGQIX, <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2018-83-2-8-15>
5. Xinyi, D. 2023, Tourism Cooperation in the SCO and its Features, *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, vol. 3, №3 (78), p. 133—137 (in Russ.), EDN: VPMZUI, <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-3-3-133-137>
6. Kristensen, A. E. 2020, Foreign direct investment in the Chinese outbound tourism industry: the policies, participants and possibilities, *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*, vol. 12, №1, p. 8—20, <https://doi.org/10.1080/19407963.2018.1505100>
7. Levchenko, K.K. 2023, Structural and functional model of the digital platform in tourism, *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, vol. 13, №3-1, p. 285—293 (in Russ.), EDN: PUDCBU, <https://doi.org/10.34670/AR.2023.70.77.066>
8. Kumova, D.M. 2021, The use of artificial intelligence-based platforms in tourism, *Services in Russia and Abroad*, vol. 15, №3, p. 18—26 (in Russ.), EDN: OYZLHC, <https://doi.org/10.24412/1995-042X-2021-3-18-26>
9. Aksenov, V.A., Nosakov, I.V., Aksenov, S.V. 2022, Digitalization of the economy and development of electronic services in the field of hospitality and tourism, *Hotel Business*, №6, p. 418—427 (in Russ.), EDN: ZSWEKO, <https://doi.org/10.33920/igt-2-2206-07>
10. Voskolovich, N.V. 2024, On the Way to Digital Tourism, *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*, №102, p. 155—167 (in Russ.), EDN: EFPOXG, <https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-102-2024-155-167>
11. Manakov, A.G., Krastev, V.K., Krasilnikova, I.N., Ivanov, I.A. 2023, Changes in the structure and geography of tourist flows during the COVID-19 pandemic, *Baltic Region*, vol. 15, №1, p. 139—152, EDN: GKTQYF, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-8>
12. Aleksandrova, A.Y., Krasavtsev, I.V. 2023, Territorial structure of inbound and domestic tourism in the Baltic States, *Baltic Region*, vol. 15, №1, p. 120—138, EDN: AVBDM, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-7>
13. Salisheva, E.G. 2022, The role and direction of international cooperation in the aspect of ensuring affordable tourism, *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, vol. 12, №9-1, p. 185—193 (in Russ.), EDN: KARTES, <https://doi.org/10.34670/AR.2022.47.79.050>
14. Giampiccoli, A. 2020, A conceptual justification and a strategy to advance community-based tourism development, *European Journal of Tourism Research*, vol. 25, art. 2503, EDN: CPLYJF, <https://doi.org/10.54055/ejtr.v25i.418>
15. Chkhotua, I.Z., Muradov, A.A. 2023, Tourism Development in Modern Conditions: Global and National Trends, *Strategizing: Theory and Practice*, vol. 3, №2, p. 207—217 (in Russ.), EDN: JSNDAW, <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-2-207-217>

16. Oborin, M. S., Saryan, A. A. 2020, The development of tourist flows and features of their segmentation, *Services in Russia and Abroad*, vol. 14, № 1 (88), p. 13–22 (in Russ.), EDN: KUIITH, <https://doi.org/10.24411/1995-042X-2020-10102>
17. Dorta-González, P., González-Betancor, S. M. 2021, Employment in tourism industries: Are there subsectors with a potentially higher level of income?, *Mathematics*, vol. 9, № 22, art. 2844, EDN: EYBMJG, <https://doi.org/10.3390/math9222844>
18. Rodriguez-Giron, S., Vanneste, D. 2019, Tourism systems thinking: Towards an integrated framework to guide the study of the tourism phenomenon, *Tourism, Culture and Communication*, vol. 19, № 1, p. 1–16, EDN: XAVBPM, <https://doi.org/10.3727/109830419X15489421397219>
19. Bellato, L., Frantzeskaki, N., Briceño Fiebig, C., Pollock, A., Dens, E., Reed, B. 2022, Transformative roles in tourism: adopting living systems' thinking for regenerative futures, *Journal of Tourism Futures*, vol. 8, № 3, p. 312–329, EDN: KBGSJI, <https://doi.org/10.1108/jtf-11-2021-0256>
20. Ermakova, Zh. A., Kholodilina, Yu. E. 2019, Labour market trends and prospects in the tourism industry of the Russian Federation, *Intellect. Innovation. Investments*, № 7, p. 27–35 (in Russ.), EDN: MGXXNH, <https://doi.org/10.25198/2077-1715-2019-7-27>
21. Popova, V. N., Oleynikova, I. S. 2019, Modern approaches to customer service of a tourist company, *Creative Economy*, vol. 19, № 8, p. 2069–2086 (in Russ.), EDN: HCUGWY, <https://doi.org/10.18334/ce.19.8.123552>
22. Harju-Myllyaho, A., Hakkarainen, M., Vähäkuopus, M. 2020, Tourism Work: Public Management of the Tourism Workforce in Finland, in: Walmsley, A., Åberg, K., Blinnikka, P., Jóhannesson, G. (eds.), *Tourism Employment in Nordic Countries: Trends, Practices, and Opportunities*, Palgrave Macmillan, Cham, p. 57–76, https://doi.org/10.1007/978-3-030-47813-1_4
23. Duncan, T., Hillman, A. G., Elbe, J. 2020, Sustainable Tourism Employment, the Concept of Decent Work, and Sweden, in: Walmsley, A., Åberg, K., Blinnikka, P., Jóhannesson, G. (eds.), *Tourism Employment in Nordic Countries: Trends, Practices, and Opportunities*, Palgrave Macmillan, Cham, p. 327–348, https://doi.org/10.1007/978-3-030-47813-1_16
24. Machalkin, S. E., Moreva, S. N. 2019, Analysis of Quality and State Tourist Stream from the People's Republic of China, *Social-Economic Phenomena and Processes*, vol. 14, № 105, p. 25–29 (in Russ.), EDN: DEZTIW, <https://doi.org/10.20310/1819-8813-2019-14-105-25-29>
25. Golovchenko, T. P., Rubtsova, N. V. 2019, Assessment of Tourist Product and Hospitality in Baikal Region: Results of Online Polof Chinese Tourists, *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, vol. 8, № 1 (26), p. 129–132 (in Russ.), EDN: ZBIYJV, <https://doi.org/10.26140/anie-2019-0801-0027>
26. Chalikova-Uhanova, M. V., Balashova, M. A., Troshkin, M. I., Balashova, A. M. 2021, On Long-Term Development of Tourism in Olkhonsky District and rationale for Increasing Its Attractiveness among Chinese Tourists, *Russian and Chinese Studies*, vol. 5, № 1, p. 36–45 (in Russ.), EDN: GITOPY, [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2021.5\(1\).36-45](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2021.5(1).36-45)
27. Sazykin, A. M., Shirokova, A. V. 2022, Development of international tourism in Primorsky Krai: Chinese direction, *Ojkumena. Regional researches*, № 1, p. 108–119 (in Russ.), EDN: UBHIYH, <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-1/108-119>
28. Voskolovich, N. A., Resmiatova, A. S. 2022, International Cooperation as a Driver of Inbound Tourism Development to Russia from China, *Public Administration. E-journal (Russia)*, № 95, p. 144–160 (in Russ.), EDN: QXMMHP, <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-95-144-160>
29. Abudemaleke, A., Chkhotua, I. Z. 2024, Strategic Opportunities for Russian-Chinese Cooperation in Tourism in the Context of the Implementation of Large Cross-Border Projects, *Administrative Consulting*, № 5, p. 168–183 (in Russ.), EDN: SLLNCU, <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-5-168-183>
30. Kendzerskaya, N. V. 2022, Halal Friendly standards implementation technology based on Russian hotel complexes, *Hotel Business*, № 1, p. 63–70 (in Russ.), EDN: LQWBMZ, <https://doi.org/10.33920/igt-2-2201-07>
31. Mazlan, N., Izham, S. S. B., Ahmadun, M. B. 2023, Muslim Friendly Hotels as Islamic Tourism Products: Issues and Challenges, *International Journal of Academic Research in Business & Social Sciences*, № 13 (2), p. 224–237, <https://doi.org/10.6007/ijarbss/v13-i2/16344>

32. Anokhin, A. Y., Kropinova, E. G., Spiriajevas, E. 2021, Developing Geotourism with A Focus On Geoheritage In A Transboundary Region: The Case Of The Curonian Spit, A Unesco Site, *Baltic Region*, vol. 13, № 2, p. 112—128, EDN: EEWWBZ, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-2-6>

The authors

Prof **Tatiana O. Razumova**, Head of the Department of Labour and Personnel Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-5726-4136>

E-mail: Tatiana.razumowa@yandex.ru

Prof **Nina A. Voskolovich**, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-1395-4930>

E-mail: voskolovitch@mail.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

DHZMLS

РЕГИОН «В СБОРКЕ»: ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ТЕОРИИ АССАМБЛЯЖЕЙ В РЕГИОНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

К. А. Иванов¹

Е. В. Кремнёв²

И. О. Семенов³

¹ Иркутский институт химии им. А. Е. Фаворского
Сибирского отделения Российской академии наук,
664033, Россия, Иркутск, ул. Фаворского, 1

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

³ Иркутский государственный университет,
664003, Россия, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1

Поступила в редакцию 01.11.2025 г.

Принята к публикации 11.03.2026 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-7

© Иванов К. А., Кремнёв Е. В.,
Семенов И. О., 2026

Статья посвящена актуальной методологической проблеме в регионологии, связанной с преодолением редукционизма и созданием целостного профиля региона. Современная регионология, будучи трансдисциплинарной областью знания, сталкивается с трудностями комплексного описания регионального пространства, которое часто фрагментируется подходами различных научных дисциплин. Целью исследования является разработка методологической рамки для анализа региона, основанной на принципах ассамбляжной теории Мануэля Деланды. Авторский научный подход заключается в адаптации базовых принципов указанной теории — экстериорность отношений, гетерогенность компонентов, эмерджентность и контингентная обязательность — к концепту региону. В качестве ключевого инструментария предлагается рассмотреть региона через призму четырех измерений ассамбляжа: осей материальности — экспрессивности, территориализации — детерриторизации, кодирования — декодирования и связности — сегментации. Кроме того, учитываются и временные характеристики существования региона, такие как относительная длительность событий и их относительная устойчивость. Основным результатом является операциональный протокол построения ассамбляжного профиля региона, позволяющий эмпирически выделять эпизоды (пере)сборки. Протокол задает минимальные требования к данным, шагам интеграции и критериям фиксации изменений. Делается вывод о том, что применение ассамбляжного подхода позволяет преодолеть эссенциализм традиционных социальных наук, предлагая целостное восприятие региона как социально-пространственного феномена, и открывает новые перспективы для трансдисциплинарных регионологических исследований.

Ключевые слова:

теория ассамбляжей, регион, регионологические исследования, региональное пространство, операционализация

Для цитирования: Иванов, К. А., Кремнёв, Е. В., Семенов, И. О. 2026, Регион «в сборке»: операционализация теории ассамбляжей в регионологических исследованиях, *Балтийский регион*, т. 18, № 2, с. 134–150, doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-7

Введение

Регионоведение переживает сегодня методологическое и теоретическое обновление — нарастающая трансдисциплинарность ведет к интеграции новых теорий и пересборке старых парадигм. Такая ситуация требует отбора релевантных инструментов, отвечающих текущим вызовам дисциплины. Одним из таких инструментов, применимых для исследований регионального пространства, может стать теория ассамбляжей М. Деланды.

Ключевая задача регионоведения сегодня — получить целостный читаемый профиль региона при сохранении его многомерности и сложности. Существующие подходы неплохо описывают отдельные аспекты, но редко могут дать связную картину. Теория ассамбляжей предлагает следующий каркас: трактуя регион как временно стабилизируемую конфигурацию разнородных элементов (акторов, инфраструктур, смыслов, практик и т.д.), она позволяет совмещать перспективы разных наук в рамках единого подхода, формируя особую трансдисциплинарную оптику для анализа пространственных процессов [1].

В дискурсе социальных наук «регион» нередко рассматривается как данность [2], без учета его социальной сложности, что неизбежно приводит к редукционизму — усечению широты анализа внутренней композиции и внешних отношений. Пока существуют подобные предубеждения, неизбежными становятся «экологические» ошибки и некорректные экстраполяции. Теория ассамбляжей дает рамку, позволяющую рассматривать регион во всей его социальной сложности, тем самым снижая подобные искажения. Важно подчеркнуть, что в данной статье ассамбляжная теория используется не как готовая объясняющая «теория региона», а как операциональная рамка для описания процессов сборки и пересборки региональной конфигурации. Следуя данной логике, мы не принимаем теорию как данность, *a priori* подходящую региональным исследованиям, но попытаемся перевести некоторые наиболее значимые концепты в методические решения [3]. Поэтому ниже мы произведем три шага: зафиксируем рабочие утверждения (экстериорность, гетерогенность, эмерджентность и четыре оси); сформулируем из них принципы анализа региона; выведем некоторые процедуры и дизайн исследования, позволяющие эмпирически фиксировать эпизоды (пере)сборки. Это задает границы применимости рамки и не позволит ей превратиться в универсальную метафору «все есть ассамбляж».

Онтологический поворот, плоские онтологии и регионоведение

Теорию ассамбляжей обычно относят к онтологическому повороту в социальных науках, под которым понимается смещение научного дискурса в сторону построения принципиально новых концепций социальной онтологии, позволяющих рассматривать природу и структуры социальной реальности как они есть [4]. В начале XX в., когда движимая позитивизмом онтологическая аргументация вошла в язык доминирующих течений социальных наук, возник ряд принципов, ставших отличительными для появившейся имплицитной онтологии. Основопологающим убеждением имплицитной онтологии является эссенциализм — поиск базовой первопричины социальных явлений. Такими «определяющими» элементами можно считать концепцию «производства» у К. Маркса, «социальные факты» у Э. Дюркгейма или «социальные действия» у М. Вебера. Все эти подходы редуцируют объекты и явления к проявлениям единой социальной сущности [5]. Регионоведческое знание того периода также пыталось найти определяющий элемент. Для многих школ на первое место выходит экономика как главный фактор регионального об-

щественного развития — районная школа Н. Н. Баранского в СССР основывалась на экономическом районировании и размещении производства, американская региональная наука У. Айзарда — на пространственной организации экономической деятельности [6] и т. д.

Как выяснилось позже, возведение некоей сущности как первоосновы онтологии общества ведет к двояким следствиям. С одной стороны, эссенциализм обуславливает выделение таких свойств изучаемого объекта, которые наука может объяснить, чтобы построить работающую модель этого объекта. С другой стороны, введение «всеобщего эквивалента» ведет к неизбежному проявлению редукционизма, то есть сведению сложных отношений к простым, а также устранению своеобразия изучаемых объектов, тем самым к упрощению всего многообразия палитры социальных феноменов. Все социальные науки первой половины XX в. ощущали на себе редукционизм, поскольку, претендуя на определенную универсальность своего объекта, обосновывали и универсальность предлагаемой ими «первоосновы». Например, ранняя социальная антропология видела изучаемые общества как ступени единой линейной социальной эволюции — от «дикости» через «варварство» к «цивилизации», где современное западное общество считалось эталоном, высшей ступенью, а изучаемые «примитивные» общества — живыми реликтами прошлого, пригодными для выявления универсальных социальных законов. Довольно сильно редукционизм затронул и регионологическое знание: видимая и фиксируемая специфичность его объекта — отдельного региона — вызывала споры о том, возможно ли вообще говорить об общих принципах развития регионов. Это ставило регионологические исследования в ситуацию выбора. Некоторые научные школы примыкали к отдельным социальным дисциплинам, принимая их «первооснову» развития региона: политическая регионалистика — региональные политические режимы [7], социокультурное регионоведение — язык и культуру региона [8] и т. п. Другие регионологические направления продолжили поиск общей сущности региона, оставаясь при этом на периферии социальных наук.

Параллельно этим процессам эссенциализм мейнстримных теорий XX в. обретал критиков. Согласно критическим подходам, социальная реальность имеет более сложный характер, который не может быть сведен к каким-либо сущностям. В противоположность эссенциалистским направлениям некоторые представители онтологического поворота стали предлагать «плоскую» онтологию. Под «плоской» онтологией следует понимать подход, приоритетом которого является горизонтальность, нахождение всего изучаемого на одном уровне. Именно отсутствие вертикальности, невозможность выделить какой-то нависающий над всем определяющий принцип становятся фактором снижения редукционизма в теоретических построениях. Плоская онтология подразумевает равный статус всех объектов, приводит к устранению разницы между культурой и природой [9], человеческим и нечеловеческим [10] и т. д. Отдельную значимость это имеет для регионологии, чей объект — регион — представляет собой неделимое множество, но продолжает «разрываться» на части представителями различных (не только социальных) наук.

При этом любой предмет регионологических исследований, будь то региональный дискурс [11], пространственное развитие [12], региональная идентичность [13], региональная идеология [14] или что-то иное, испытывает влияние всей совокупности локальных факторов. Таким образом, переход к плоской онтологии открыл для регионологии новые возможности в части конструирования целостного объекта, которым регион по своей сути и является. Следует отметить, что призывы к преодолению редукционизма звучали в регионологическом знании на самых ранних этапах его развития. Так, Н. Н. Баранский писал о недопустимости отсекаания исследователями важных элементов региональной жизни (гастрономии, одежды,

религии, формы жилья и т. д.) еще в первой половине XX в. [15]. Однако отсутствие ясной методологической рамки не позволяло таким исследованиям перейти границу от фактологических к аналитическим и теоретическим.

Разрабатывая эту рамку, плоские онтологии в виду неэффективности оперирования объектами реальности обращаются к использованию таких конструкторов, как «сборки» (или же синонимичные им «сети», «ассоциации», «множества», «машины» и др. [16; 17]). «Сборки» определяются отношениями экстерииорности компонентов, при этом они вложены в другие «сборки» в рамках гетерогенной сети [18]. Всякая «сборка» располагается на линии восходящих и нисходящих частично пересекающихся «сборок». Не существует ни верхнего, ни нижнего предела для множества, и ни один уровень «сборок» не может считаться более реальным или решающим, чем другие. Данное утверждение мы используем в методологическом, а не в метафизическом смысле, то есть оно запрещает заранее назначать «решающий» уровень объяснения (микро / макро) и требует выбирать масштаб под исследовательский вопрос. «Уровни» в дальнейшем — это не слои реальности, а аналитические срезы, которые конструируются исследователем и проверяются на данных. Поэтому региональный ассамбляж в статье — не онтологическая «вещь», а рабочая модель, собираемая и пересобираемая в ходе исследования.

Как «собрать» ассамбляж

Далее под ассамбляжем мы понимаем не «общую теорию», а конфигурацию разнородных компонентов, удерживаемую устойчивыми артикуляциями [19]. Сборка (*assemblage*) — это процесс стягивания компонентов в такие артикуляции, а пересборка (*reassemblage*) — наблюдаемая во времени перенастройка конфигурации: смена состава компонентов и/или режимов территориализации / кодирования, меняющая профиль связности и границ. Нас интересует не изложение Деланды «как есть», а те различия, которые позволяют операционализировать регион как динамическую сборку.

Ключевой работой для теории ассамбляжей является книга М. Деланды «Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность», выпущенная в 2006 г. В этом труде Деланда обобщает идеи Ж. Делёза и Ф. Гваттари [20], чьи работы содержали задатки концептуального аппарата теории ассамбляжей в рассеянном виде, и дополняет их собственными комментариями.

Термин «ассамбляж» у Деланды можно рассматривать как одну из наиболее операционализируемых версий языка «сборок». В статье он используется инструментально — как схема описания конфигураций и механизмов их стабилизации / размытия. Ассамбляжи — это конструкции или динамические отношения, существующие в виде автономных целостностей, которые состоят из гетерогенных частей, в свою очередь, также являющихся ассамбляжами [21]. Элементы, составляющие ассамбляжи, могут одновременно являться частью нескольких ассамбляжей. Ассамбляжи всегда существуют в популяциях различных размеров, произведенных повторением одних и тех же процессов. Взаимодействие между членами коллектива может привести к образованию более или менее постоянных артикуляций, производящих микроассамбляжи, которые обладают собственными свойствами и способностями.

Особое внимание уделяется *экстериорной натуре* ассамбляжа. Отношения экстерииорности частей, включенных в ассамбляж (при этом также являющихся самостоятельными ассамбляжами), определяют невозможность объяснения отношений, в силу которых образовалось целое, через свойства отдельных составляющих это целое частей [22]. Другими словами, составная часть ассамбляжа может быть отде-

лена и помещена в другой ассамбляж, что приведет к возникновению других форм взаимодействия этого ассамбляжа. Отношения экстериорности предполагают, что имеет место возможная изменчивость отношений при неизменности их членов. Что касается регионологических исследований, то экстериорность не только позволяет рассматривать регион как сложную совокупность других ассамблей, но и деконструировать межрегиональное взаимодействие как подобную совокупность. Это позволит преодолеть проблему поиска различных «цивилизационных» оптик, которые нужны исследователям, чтобы понять, как работают непохожие регионы, в частности «западные» и «незападные» [23]. Данные оптики будут включаться в общую картину взаимодействия, а не рассматривать регионы как изолированные сущности, определяющие сами себя.

Важной особенностью отношений компонентов ассамбляжа является их *контингентная обязательность* — обусловленность обязательности тех или иных отношений элементов ассамбляжа основана не на логике, а на случайности, поэтому поддается эмпирическому рассмотрению, а не логическому анализу [24]. Это свойство усиливает значимость полевой работы в регионах, что часто подчеркивается ведущими регионологами [25]. Именно она позволяет выявлять как уникальные региональные процессы, так и закономерности в развитии регионов мира.

Еще одной характеристикой ассамблей является *гетерогенность их компонентов* — их видовое разнообразие. Стоит заметить, что свойство гетерогенности ассамблей следует воспринимать как переменную характеристику, способную принимать разное значение. Это позволяет использовать ассамбляж для описания как биологических видов, так и отдельных организмов. В регионологических исследованиях это свойство позволяет разрешить противоречия между подходами к выделению регионов, например между парадигмальными (общепринятыми) и концептуальными (введенными исследователем) основаниями такого выделения [26].

Свойством ассамблей является *эмерджентность* — несводимость характеристик ассамбляжа к характеристикам его элементов. Это проявляется при объединении ассамблей: образованный ассамбляж может обладать свойствами, которые не были характерными для ассамблей, составляющих его. Признание регионологами данного свойства региона-ассамбляжа становится значимым фактором в глобальных исследованиях межрегиональных блоков [27], которые, представляя собой новый ассамбляж, нередко ведут себя вопреки ожиданиям, поскольку эти ожидания исходят из прогнозов действий регионов — участников блока, а не из прогнозов поведения блока как единого целого.

Помимо указанных четырех свойств — экстериорности, контингентной обязательности, гетерогенности отношений и эмерджентности — концепт ассамбляжа определяется также четырьмя измерениями, через призму которых рассматриваются его отношения с другими ассамблями и динамика его изменения.

Первое измерение ассамбляжа — *материально-экспрессивная ось* — определяет роли его компонентов. Материальными компонентами ассамблей считаются человеческие тела, орудия и машины, здания и районы, физический труд и физические объекты, являющиеся его результатом. Экспрессивные (выразительные) компоненты, в свою очередь, могут быть представлены языковыми (например, документальное закрепление существования ассамбляжа) и неязыковыми (поведение, подразумевающее признание существования того или иного ассамбляжа) формами выражения [22]. Описание материальных и выразительных компонентов ассамбляжа требует определения составляющих элементов и последующего рассмотрения роли каждого элемента. Все указанные компоненты, как мы видим, также являются составными частями любого региона, обладающего всеми материальными и нематериальными компонентами. Другими словами, если до плоских онтологий социум

рассматривался как совокупность только человеческих отношений, то ассамбляжная теория фактически описывает регион-социум, включающий все материальные и нематериальные объекты, его формирующие.

Второе измерение ассамбляжа — *ось территориализации — детерриторизации* — является определяющим для процессов, которые влияют на внутреннюю однородность и четкость границ ассамбляжа. Концепт территориализации следует понимать как очерчивание границы ассамбляжа и определение ее постоянности [21]. Помимо процессов, напрямую определяющих пространственные границы ассамбляжа, к процессам территориализации относятся те явления, которые повышают его внутреннюю однородность. К таким процессам относятся отбор членов ассамбляжа (если рассматриваются межличностные сети или организации), сегрегация населения по расовому или этническому фактору (к примеру, в городских районах). К процессам детерриторизации ассамбляжа, в свою очередь, следует относить всякие процессы, дестабилизирующие пространственные границы или повышающие внутреннюю гетерогенность. Примером такого процесса можно считать размытие границ социальных отношений, связанное с развитием коммуникационных технологий. В приложении к региону ось территориализации — детерриторизации позволяет прочертить невидимый фронтير между внутренним и внешним пространством региона. Территоризация позволяет описать регион как отдельный ассамбляж, детерриторизация — сформулировать пути и способы межрегионального взаимодействия.

Третье измерение ассамбляжа — *ось кодирования — декодирования*. Она отражает синтетический процесс, являющийся дополнением к территориализации — роль производства и поддержания идентичности специальными экспрессивными сущностями, такими как гены и слова. Гены являются условием биологической обособленности ассамбляжей. Слова, в свою очередь, представляют собой следствие возникновения автономности информации от материального носителя и выполняют задачу языкового оформления ассамбляжей. Гены и слова как факторы выражения ассамбляжа выполняют функцию кодирования, обеспечивающую консолидацию и стабилизацию идентичности. Другими словами, кодирование в тандеме с территориализацией выступает ключевым фактором синтеза социальных сущностей [22]. В приложении к региону данная ось позволяет сформировать теоретико-методологическую основу для такого компонента, как региональная идентичность, которая, по сути, есть процесс кодирования, тогда как распад региональной идентичности — декодирование. Вместе с тем идентичность всякого ассамбляжа любого масштаба всегда является результатом процесса (территоризации или в некоторых случаях кодирования) и никогда не бывает надежной, так как может быть дестабилизирована другими процессами (детерриторизации и декодирования). Данная идея позволяет преодолеть эссенциализм, в том числе при изучении региона, когда школы и направления регионологических исследований стремятся сформулировать регион как объект изучения с постоянными и устойчивыми качествами.

Четвертое измерение, которое не получило должного внимания со стороны Деланды, — это *ось связности — сегментации*. Очевидно, что региональная жизнь определяется тем, насколько связанными или сегментированными оказываются региональные компоненты: территории, слои населения, проживающие на разных территориях и взаимодействующие или не взаимодействующие друг с другом, внутреннее и внешние региональные культуры и дискурсы.

Помимо описанных выше факторов, затрагивающих материальные, пространственные и информационные аспекты ассамбляжей, стоит уделить внимание темпоральным категориям. Эти категории выражаются двумя аспектами, по-разному отражающими характеристики ассамбляжа.

Первый временной аспект ассамбляжей состоит в *относительной длительности событий*, способных их изменять. Эти события можно разделить на две группы по наличию или отсутствию человеческого намерения: медленные кумулятивные процессы, выступающие результатами повторяющихся взаимодействий (такие изменения представляют собой следствие ненамеренных последствий совершенных действий), и изменения, являющиеся результатом некоей преднамеренной деятельности [28]. Вторая категория таких изменений требует мобилизации ресурсов и может сталкиваться с источниками инерции, такими как традиции и личные интересы, затрагиваемые изменениями.

Второй временной аспект социальных ассамбляжей состоит в их *относительной устойчивости*. Этот аспект составляет источник дискуссий о продолжительности жизни ассамбляжа и ее зависимости от пространственных масштабов этих элементов. Не существует определенной единой связи продолжительности существования ассамбляжа с его пространственными масштабами [22]. Продолжительность существования любого ассамбляжа будет отличаться от других и будет зависеть от индивидуальных особенностей структуры ассамбляжа и его внешних взаимодействий.

Одной общей тенденцией, наблюдаемой при рассмотрении продолжительности существования ассамбляжа, является увеличенная продолжительность существования кодифицируемых ассамбляжей. Генетическая кодификация позволяет ассамбляжу осуществлять репликацию самого себя (так продолжают существование ассамбляжи, основанные на генетическом родстве, — например, семьи), увеличивая время своего существования. Языковая кодификация позволяет с помощью языковых средств передавать информацию об ассамбляже, способствующую поддержанию его существования (так, например, религиозные традиции могут передаваться с помощью языка (как вертикально — между поколениями, так и горизонтально — в пределах одного общественного слоя) для поддержания существования некоторой конфессии). Таким же образом, с помощью языка, способны реплицироваться и регионы, воссоздающие срез собственной культуры на близких и отдаленных территориях. Подобная репликация наблюдалась исторически (в колониях, в принимающих культурах и т. п.) и наблюдается сегодня, в районах проживания диаспор.

Помимо способности к репликации ассамбляжи отличаются еще и способностью одновременно функционировать во множестве масштабов пространства. Генетическая кодификация описывает изменения на уровне отдельных клеток, организма в целом или на уровне вида. Языковые средства могут применяться на уровне как индивидуальных убеждений, так и групповых традиций и даже на уровне составления правил функционирования целых политий в межрегиональных отношениях [28].

Как «собрать» регион

В контексте данной работы регион будет рассматриваться как значимая часть некоего пространственного целого [29]. Чтобы грамотно применить нашу рамку к формированию представления о регионе как ассамбляже, необходимо обратить внимание на тип региона по определяющему его критерию. Критериев выделения может быть много, в частности можно ориентироваться на типы региональной специфики, предложенной Б. Стифтелем, В. Уотсон и Г. Аксельрадом [30]. В развитие их идей в качестве базовых можно выделить природно-географическую, культурно-историческую и социально-экономическую специфику. Один и тот же регион может рассматриваться в рамках всех трех критериев, анализ одного региона как ассамбляжа будет подразумевать рассмотрение регионального пространства со всех

трех сторон. Пространство понимается как открытое и реляционное, включающее «множественные формы пространственности» [31]. Его границы — это эффекты отношений, а не первичные сущности, что согласуется с логикой ассамбляжа [31].

Для регионов, выделяемых по природно-географическому критерию, материальные компоненты (совокупность географических объектов) преобладают над экспрессивными (такowymi может быть совокупность пейзажей в регионе). Процессами территориализации в таких регионах можно назвать образование и поддержание естественных географических границ, процессами детерриторизации — разрушение таких границ и изменение климатических условий. Кодификация таких регионов осуществляется через гены — совокупность популяций флоры и фауны, характерных для условий данной местности. Ось связности природно-географического региона может быть выражена непрерывностью пространственных границ региона и смежным расположением определяющих регион географических объектов.

В культурно-исторических регионах материальные компоненты могут быть представлены людьми и их группами, а выразительные — совокупностью знаков и символов, являющихся основой идентичности для культуры региона. Территоризация таких регионов — результат протекания исторических событий, приведших к формированию локализованной культурной фигуры, а детерриторизация — результат процессов, «размывающих» культурные границы. Кодификация таких регионов происходит в основном через язык — например через распространение единого литературного канона [32], конструирующего местное «воображаемое сообщество» [33]. Связность культурно-исторического региона может возникать из продолжительного существования материальных объектов, являющихся частью региона (например, сохранившейся исторической архитектуры) [34].

Материальной составляющей социально-экономических регионов может быть рабочая сила региона, технологии, производственные ресурсы, а выразительными компонентами — желание экономического взаимодействия или социальный климат. Территоризирующими процессами в регионах такого типа становятся отграничивание от других регионов, угроза возникновения вооруженных конфликтов, детерриторизирующими — размытие экономических границ, развитие межрегионального экономического взаимодействия, миграция. Кодификация таких регионов происходит преимущественно через слова: в частности, в юридических документах, определяющих основание межгосударственных альянсов (например, Договор о Европейском союзе). Связность таких регионов — это следствие развития транспортной системы региона и системы внутрирегиональных коммуникаций [34].

Анализ ключевых компонентов ассамбляжа в многомасштабном понимании региона задает универсальную и гибкую рамку изучения регионального пространства, преодолевающую редукционизм и эссенциализм. Каковы же принципы создания методологической рамки, согласно которой ассамбляжная теория может быть эффективно применена к региональной реальности?

Ассамбляжный метод анализа региона позволяет и систематизировать имеющиеся знания, накладывая их на концептуальную рамку, и получать новые данные с помощью широкого междисциплинарного инструментария. Если остановиться только на первом варианте, то границы того, что можно классифицировать как знания о реалиях регионального пространства, могут быть обозначены достаточно широко. Подходы трансдисциплинарной регионологии позволяют обращаться к знанию и методам различных научных дисциплин [6]. Формирование столь объемного источника знаний, из которого можно черпать сведения о множестве явлений, позволит отобрать уже обработанные данные, которые будут представлять из себя компоненты, способствующие грамотному отражению ассамбляжного профиля региона. Разнообразие источников — важнейшее условие для применения теории

ассамбляжей: именно оно и отражение разных факторов, оказывающих влияние на анализируемое региональное пространство, являются ключевыми для полного выражения социальной сложности региона.

В пределах отдельного исследования возможно определенное допущение относительно типологии региона. Ранее были упомянуты три вида регионов по их определяющему критерию: природно-географические, культурно-исторические и социально-экономические. Однако для проведения регионального анализа с использованием ассамбляжного метода рационально применять эти критерии не как определяющие отдельные виды регионов, а как выражающие одно и то же пространственное явление в трех различных фокусах.

Сам процесс приращения имеющихся знаний к выработанной концептуальной рамке заключается в определении реалий изучаемого реального пространства относительно четырех осей ассамбляжа. Определение места таких реалий в общей структуре региона-ассамбляжа требует комплексного подхода, включающего в себя традиционный анализ документов, содержащих информацию о явлении или процессе в рамках исследуемого региона, сравнение этого явления или процесса с другими (в том числе теми, чья позиция в осевой модели ассамбляжа будет более ясной), обобщение нескольких элементов на основе их общего влияния на ключевые характеристики ассамбляжа.

Все сказанное выше задает уровень методологических принципов (что считать компонентом региона, как работать с границами и динамикой, какие оси фиксировать). Далее мы переведем эти принципы в процедуры — дизайн сбора данных и правила их интеграции, позволяющие эмпирически выделять эпизоды сборки / пересборки как устойчивые сдвиги по осям и в лентах событий. В самом общем виде данный перевод предполагает следующий цикл: а) предварительная кабинетная сборка профиля; б) полевое уточнение узлов / границ; в) пересборка кодбука и матрицы «компоненты / ось / время»; г) повтор до насыщения. Такой цикл делает пересборку не метафорой, а процедурой изменения профиля по результатам новых данных [35].

Единицей анализа выступает ассамбляжный профиль региона как конфигурация компонентов, распределенных по осям и отслеживаемых во времени. Данные берутся из трех контуров: корпус документов / статистики / карт, цифровые следы, полевые наблюдения и интервью; каждый фрагмент данных кодируется по осям и привязывается ко времени / месту [36]. Результатом каждого цикла является обновленная матрица «компоненты / ось / время» и лента событий, где отмечены эпизоды (пере)сборки. Эпизод (пере)сборки фиксируется, когда наблюдается устойчивый сдвиг минимум по двум осям (например, границы / связность или кодирование / материальность).

На наш взгляд, наиболее релевантной методической основой построения ассамбляжного профиля региона выступает интеграция «кабинетных» и полевых методик в едином итеративном дизайне. «Кабинетный» этап стоит начать с формирования корпуса источников: научные публикации, отчеты, нормативные документы, статистика, картографические материалы. Отбор материалов должен осуществляться по списку ключевых слов, объединяющему топонимические и тематические маркеры (транспорт, миграция, конфликты и т.д.), а также методологические дескрипторы (исторический анализ, временные ряды и т.д.). Параллельно нужно работать в цифровых полях — местных социальных медиа, форумах, фотобанках, хостингах и геотегах. На этой базе можно собрать кодбук, где каждый код / категория «привязан» к осям ассамбляжа и к необходимым аналитическим фокусам. Чтобы субъекты и исследователь не выпадали, мы различаем два типа сборок: субъектные / эмические (как акторы сами очерчивают регион — границы, идентичности,

проблемы) и аналитические (как исследователь собирает профиль по осям). Эти два слоя сопоставляются — расхождения трактуются как данные о конфликтах кодирования / границеобразования, а не как «ошибка» источников. Решения исследователя (выбор масштаба, корпуса, кодов) фиксируются в рефлексивных заметках как часть протокола.

Полевой этап позволит насытить собранный на «кабинетном» этапе материал «живыми» данными и проверить предварительные гипотезы. Экспедиции уточняют узлы формальной и неформальной инфраструктуры, физические и символические границы, сенситивные зоны [37]. Включенное наблюдение позволит зафиксировать и описать рутинные правила, расхождения между общей «стратегией» и местными «тактиками» использования пространства [38], локальные коды, практики поддержания и размывания границ. Биологическое описание ключевых видов и биотопов даст понимание биоэкологического профиля региона. Полуструктурированные (спонтанные и глубинные) интервью и фокус-группы с представителями власти, бизнеса, НКО и жителями должны проводиться по гайдам, выведенным из анализа «осей» ассамбляжа, выборка может отражать его гетерогенность.

Интеграция полученных в ходе этапов данных выполняется через матрицу «компоненты / ось / время» и ленты событий, отражающие траектории становления, стабилизации и распада конфигураций [39]. Триангуляция кабинетных, полевых и «цифровых» источников выявит точки эмерджентности и расхождений, которые нужно трактовать как аналитически значимую информацию, а не шум и аномалии.

Вспомогательную роль в таких исследованиях может сыграть искусственный интеллект. При его помощи появляется возможность провести тематическое моделирование, кластеризацию собранных корпусов, разметку по кодбуку, выявление паттернов связности и цикличности. Постоянное обучение моделей на региональном материале позволит генерировать различные конфигурации в рамках модели ассамбляжа и множественные сценарии внутреннего и внешнего взаимодействия. Столь связный инструмент обеспечит нередукционистское, многомерное описание региона.

Заключение

В данной статье получены следующие результаты методологического уровня: 1) зафиксирована критическая рамка применения ассамбляжного языка без онтологизации «плоскости»; 2) выделен минимальный набор рабочих концептов, пригодных для операционализации (четыре свойства, четыре оси и темпоральность); 3) сформулирован операциональный протокол построения ассамбляжного профиля региона и критерий фиксации эпизодов (пере)сборки как устойчивых сдвигов минимум по двум осям.

Ассамбляжные рассуждения «постмодернистского» толка требуют критической переоценки. В данной статье они сознательно редуцируются до операционализируемых различий и не трактуются как «космология» плоской онтологии. «Плоскость» используется лишь как методологическое правило — не назначать заранее решающий уровень объяснения и выбирать масштаб под исследовательский вопрос, а все ключевые идеи проверять на эмпирических данных. Чтобы избежать реификации ассамбляжа, различаются и сопоставляются субъектные сборки акторов и аналитические сборки исследователя. Расхождения же между ними рассматриваются как данные о конкуренции кодов и границеобразующих практик. Переход от теоретических идей к методологическим установкам фиксируется через кодбук и правила кодирования, а переход от методологии к методикам задается итеративным циклом процедур. Наконец, валидность выводов обеспечивается три-

ангуляцией источников и проверкой устойчивости ассамбляжного профиля к смене масштаба и корпуса данных, что делает результаты не набором пожеланий, а воспроизводимой рамкой эмпирического исследования региональных феноменов.

Предложенный протокол построения ассамбляжного профиля региона задает воспроизводимую процедуру картографирования механизмов стабилизации / размывания региональных конфигураций. Методика широкого комплекса задач — от диагностики инфраструктурных узлов, барьеров и проблем до поддержки территориального планирования. Конкретный выход применения методики — матрица «компоненты / ось / время», лента событий (пере)сборки и карта узлов / границ (формальных и субъектных). Это позволяет проверять выводы через сопоставление источников и повторять процедуру на других кейсах.

Сам Деланда отмечает, что наработки Делёза и Гваттари, на которые он, в свою очередь, опирается при разработке теории ассамбляжей, «едва ли тянут на полноценную теорию» [21]. Это важная оговорка: в регионологии ассамбляжный подход продуктивен не как универсальное объяснение «всего подряд», а как дисциплина анализа механизмов сборки / пересборки — то есть того, *как именно* временно стабилизируются границы, связность и идентичность региональных конфигураций.

Критический узел здесь — риск «растворения» объяснения в описательности: отказ от фиксированных сущностей повышает чувствительность к вариативности, но снижает строгость выводов, если не удерживать фокус на повторяющихся механизмах. Кроме того, выбор осей и источников неизбежно перформативен и асимметричен: документы и цифровые следы лучше «видят» формальных акторов и институциональные практики, тогда как метисы (неформализованные «знания о том, как на самом деле делаются дела» [40]), неформальные практики и группы субальтернов оказываются недоучтенными или невидимыми. Поэтому отсутствие следов в данных нельзя автоматически трактовать как отсутствие компонентов или отношений в самой региональной сборке.

Наконец, воспроизводимость результатов ограничена ситуационностью — повторные исследования в иных временных срезах закономерно будут давать иные сборки даже при сохранении общих контуров. Практический вывод отсюда простой: нужно соблюдать сдержанность в обобщениях, ставить во главу угла механизмы, проверять устойчивость профиля к смене масштабов и источников, и явно фиксировать зоны «неведения». При соблюдении этих правил ограничения становятся не слабостью, а ресурсом — они дисциплинируют интерпретацию и задают границы валидности выводов.

Список литературы

1. Star, S. L., Griesemer, J. R. 1989, Institutional Ecology, 'Translations' and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley's Museum of Vertebrate Zoology, 1907 — 39, *Social Studies of Science*, vol. 19, № 3, p. 387 — 420, EDN: JPZJHT, <https://doi.org/10.1177/030631289019003001>
2. Paasi, A. 1986, The Institutionalization of Regions: a Theoretical Framework for Understanding the Emergence of Regions and the Constitution of Regional Identity, *Fennia*, vol. 164, № 1, p. 105 — 146.
3. Ло, Дж. 2015, *После метода: беспорядок и социальная наука*, пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Хановой, Москва, Издательство Института Гайдара, 352 с.
4. Berto, F., Plebani, M. 2015, *Ontology and Metaontology: A Contemporary Guide*, London, Bloomsbury, 264 p.
5. Керимов, Т. А. 2022, «Онтологический поворот» в социальных науках: возвращение эпистемологии, *Социологическое обозрение*, т. 21, № 1, с. 109 — 130, EDN: JNFYQQ, <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-1-109-130>
6. Кремнёв, Е. В., Кузнецова, О. В., Лесниковская, Е. В. 2020, *Трансдисциплинарная регионология: теория и методология*, Иркутск, Издательство ИГУ, EDN: JRNHUV

7. Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и научная школа. Интервью с Алексеем Дмитриевичем Воскресенским, профессором МГИМО МИД России, 2020, *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, т. 20, № 2, с. 356—366, EDN: FOQGRS, <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-2-356-366>
8. Павловский, И. В. 2014, Социокультурное регионоведение как гуманитарная специальность, *Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация*, № 2, с. 102—109, EDN: SECFTL
9. Вивейруш де Кастру, Э. 2017, *Каннибальские метафизики: рубежи постструктурной антропологии*, Москва, Ад Маргинем Пресс, 200 с.
10. Кон, Э. 2018, *Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека*, Москва, Ад Маргинем Пресс, 344 с.
11. Савченко, И. А. 2025, Дискурсивная урбанистика: поиск метода, *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, № 85, с. 249—256, EDN: TKACPL, <https://doi.org/10.17223/1998863x/85/21>
12. Бляхер, Л. Е., Григоричев, К. В., Демьяненко, А. Н., Киреев, А. А., Клиценко, М. В., Швецов, А. Н. 2025, Институты пространственного развития России в контексте исторического опыта, *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, № 1, с. 72—83, EDN: ZMGZNO, <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/72-83>
13. Леонтьева, Э. О., Цыбульник, Е. А. 2024, Гуаньси как базовый конструкт идентичности китайских мигрантов, *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, № 2, с. 136—146, EDN: HVEUXK, <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/136-146>
14. Кремнёв, Е. В., Дерюгин, П. П., Лебединцева, Л. А., Кузнецова, О. В. 2024, Традиционализм в государственном управлении Китая: региональная специфика, *Регионоведческие исследования*, т. 32, № 4, с. 673—690, EDN: JVGWTF, <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.673-690>
15. Баранский, Н. Н. 1980, *Избранные труды. Научные принципы географии*, Москва, Мысль, 239 с., EDN: VNIOTJ
16. Латур, Б. 2014, *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*, пер. с англ. И. Полонской, Москва, Издательский дом Высшей школы экономики, 384 с., EDN: SYZVMJ
17. Ло, Дж., Вахштайн, В. 2006, Объекты и пространства, *Социологическое обозрение*, т. 5, № 1, с. 30—42, EDN: JWURNN
18. Лоскутов, Ю. В. 2021, «Плоская онтология» в социальном контексте, *Новые идеи в философии*, № 8 (29), с. 89—98, EDN: TVABNI
19. Anderson, B., McFarlane, C. 2011, Assemblage and geography, *Area*, vol. 43, № 2, p. 124—127, <https://doi.org/10.1111/j.1475-4762.2011.01004.x>
20. Делез, Ж., Гваттари, Ф. 2010, *Тысяча плато: Капитализм и шизофрения*, Екатеринбург, Фактория, 895 с.
21. DeLanda, M. 2016, *Assemblage Theory*, Edinburg, Edinburgh University Press, <https://doi.org/10.1515/9781474413640>
22. Деланда, М. 2018, *Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность*, пер. с англ. К. С. Майоровой, Пермь, Гиле Пресс, 170 с.
23. Колдунова, Е. В. 2016, Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и учебная дисциплина, *Вестник МГИМО-Университета*, № 50 (5), с. 63—69, EDN: YGCORL, <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-5-50-63-69>
24. Красавин, И. В. 2019, Устройство сборки, или симуляция онтологии у Мануэля Деланда, *Социология власти*, т. 31, № 2, с. 136—154, EDN: AERJEB, <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-2-136-154>
25. Yamamoto, H. 2012, Regional Studies Methodology: “Regional Knowledge” for Responding to the Unexpected, *Regional Studies*, vol. 12, № 2, p. 18—27, https://doi.org/10.24638/jcasreview.12.2_18 (in Japanese).
26. Калихман, А. Д., Калихман, Т. П. 2020, Концептуальные и парадигмальные основания регионоведения, *IV Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте трансдисциплинарного знания*, Материалы международной научной конференции, Иркутск, ИГУ, с. 266—284, EDN: DXCPIC
27. Лесниковская, Е. В. 2017, Зарубежное регионоведение: вызовы XXI века, *Готлибовские чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в контексте глобального развития*, материалы Международной научной конференции, Иркутск, ИГУ, с. 192—195, EDN: YPSIEE

28. Витушко, М. В. 2020, Ассамбляж как концепт репрезентации реальных объектов в социальной онтологии Мануэля Деланда, *Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации*, Материалы международной конференции, Екатеринбург, УрФУ, с. 1012—1015, EDN: TGJJVA
29. Allen, J., Cochrane, A. 2007, Beyond the territorial fix: Regional assemblages, politics and power, *Regional Studies*, vol. 41, № 9, p. 1161—1175, <https://doi.org/10.1080/00343400701543348>
30. Stiftel, B., Watson, V., Acsehrad, H. 2006, Global commonality and regional specificity, in: Stiftel, B., Watson, V., Acsehrad, H. (eds.), *Dialogues in Urban and Regional Planning*, vol. 2, London, Routledge, p. 1—24.
31. Massey, D. B. 2005, *For Space*, London, Sage Publications, 232 p.
32. Слѣзкин, Ю. Л. 2023, Самобытное государство-цивилизация, его соседи и родственники, *Россия в глобальной политике*, т. 21, № 4, с. 44—55, EDN: VGENWE, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-4-44-55>
33. Андерсон, Б. 2024, *Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма*, Москва, Кучково поле, 415 с.
34. Дохов, Р. А. 2023, Страна как ассамбляж, *Постиндустриальный мир: тренды, сдвиги и пульсации*, материалы международной конференции, Москва, МГУ, с. 46—49.
35. Charmaz, K. 2014, *Constructing Grounded Theory*, London, SAGE.
36. Saldaña, J. 2021, *The Coding Manual for Qualitative Researchers*, London, SAGE.
37. Clarke, A. E. 2005, *Situational Analysis: Grounded Theory After the Postmodern Turn*, Thousand Oaks, CA, SAGE.
38. Серто, М. де. 2013, *Изобретение повседневности. 1. Искусство делать*, Санкт-Петербург, Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 330 с.
39. Beach, D., Pedersen, R. B. 2019, *Process-Tracing Methods: Foundations and Guidelines*, University of Michigan Press.
40. Скотт, Дж. 2005, *Благими намерениями государства: почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни*, Москва, Университетская книга, EDN: QOEPBJ

Об авторах

Кирилл Андреевич Иванов, младший научный сотрудник Лаборатории устойчивого развития Байкальского региона, Федеральный исследовательский центр «Иркутский институт химии им. А. Е. Фаворского Сибирского отделения Российской академии наук», Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-3895-0082>

E-mail: ivanov-ka@word.isu.ru

Евгений Владимирович Кремнёв, доктор социологических наук, доцент, доцент-исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-5255-3772>

E-mail: evkremnev@kantiana.ru

Иван Олегович Семенов, стажер Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона, Иркутский государственный университет, Россия.

<https://orcid.org/0009-0002-8166-1398>

E-mail: ivn000@vk.com

THE “REGION-IN-ASSEMBLAGE”: OPERATIONALISATION OF ASSEMBLAGE THEORY IN REGIONAL STUDIES

K. A. Ivanov¹

E. V. Kremnyov²

I. O. Semenov³

¹ A. E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
1 Favorskogo St., Irkutsk, 664033, Russia

² Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia,

³ Irkutsk State University,
1 Karl Marx St., Irkutsk, 664003, Russia

Received 1 November 2025

Accepted 11 March 2026

doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-7

© Ivanov K. A., Kremnyov E. V.,
Semenov I. O., 2026

The article addresses a pressing methodological issue in regional studies related to overcoming reductionism and constructing a comprehensive profile of a region. Modern regional studies, as a transdisciplinary field of knowledge, faces challenges in providing a coherent description of regional space, often fragmented by the approaches of various scientific disciplines. This research aims to develop a methodological framework for analysing regions based on the principles of Manuel DeLanda’s assemblage theory. The authors adapt the core concepts of assemblage theory— the exteriority of relations, the heterogeneity of components, emergence, and contingent necessity — to the conceptualisation of the region. As a key analytical toolkit, the article proposes examining the region through the lens of four dimensions of an assemblage: the axes of materiality—expressivity, territorialisation—deterritorialisation, coding—decoding, and connectivity—segmentation. Additionally, temporal characteristics of a region’s existence, such as the relative duration of events and their relative stability, are taken into account. The main result is an operational protocol for constructing an assemblage profile of the region, which allows for the empirical identification of (re)assembly episodes. The protocol establishes minimum data requirements, integration procedures, and criteria for identifying and recording change. It is concluded that the application of the assemblage approach makes it possible to overcome the essentialism of traditional social science, offers a holistic understanding of the region as a socio-spatial phenomenon, and opens new avenues for transdisciplinary regional studies.

Keywords:

assemblage theory, region, regionology studies, regional space, operationalisation

References

1. Star, S. L., Griesemer, J. R. 1989, Institutional Ecology, ‘Translations’ and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley’s Museum of Vertebrate Zoology, 1907 — 39, *Social Studies of Science*, vol. 19, № 3, p. 387 — 420, EDN: JPZJHT, <https://doi.org/10.1177/030631289019003001>
2. Paasi, A. 1986, The Institutionalization of Regions: a Theoretical Framework for Understanding the Emergence of Regions and the Constitution of Regional Identity, *Fennia*, vol. 164, № 1, p. 105 — 146.

To cite this article: Ivanov, K. A., Kremnyov, E. V., Semenov, I. O. 2026, The “region-in-assemblage”: operationalisation of assemblage theory in regional studies, *Baltic Region*, vol. 18, № 2, p. 134–150, doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-7

3. Law, J. 2004, *After method: mess in social science research*, London, New York, Routledge, 200 p.
4. Berto, F., Plebani, M. 2015, *Ontology and Metaontology: A Contemporary Guide*, London, Bloomsbury, 264 p.
5. Kerimov, T. 2022, The “Ontological Turn” in the Social Sciences: The Return of Epistemology, *Russian Sociological Review*, vol. 21, № 1, p. 109—130 (in Russ.), EDN: JNFYQQ, <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-1-109-130>
6. Kremnyov, E. V., Kuznetsova, O. V., Lesnikovskaya, E. V. 2020, *Transdisciplinary Regionology: Theory and Methodology*. Irkutsk, ISU Publishing House, 155 p. (in Russ.), EDN: JRHHUV
7. World Regional Studies as a Research Approach and Scientific School. Interview with Alexei D. Voskressenski, Professor, MGIMO University, 2020, *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 20, № 2, p. 356—366 (in Russ.), EDN: FOQGRS, <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-2-356-366>
8. Pavlovsky, I. V. 2014, Sociocultural Regional Studies as a Special Field in Humanities, *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, № 2, p. 102—109 (in Russ.), EDN: SECFTL
9. Viveiros de Castro, E. 2017, *Cannibal Metaphysics: Frontiers of Post-Structural Anthropology*, Moscow, Ad Marginem Press, 200 p. (in Russ.).
10. Kohn, E. 2018, *How Forests Think: Toward an Anthropology Beyond the Human*, Moscow, Ad Marginem Press, 344 p. (in Russ.).
11. Savchenko, I. A. 2025, Discursive urban studies: method search, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya — Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, № 85, p. 249—256 (in Russ.), EDN: TKACPL, <https://doi.org/10.17223/1998863x/85/21>
12. Bliakher, L. Y., Grigorichev, K. V., Demyanenko, A. N., Kireev, A. A., Klitsenko, M. V., Shvetsov, A. N. 2025, Institutions of spatial development of Russia in the context of historical experience, *Oikumena Regional Researches*, № 1, p. 72—83 (in Russ.), EDN: ZMGZNO, <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/72-83>
13. Leonteva, E. O., Tcybulnik, E. A. 2024, Guanxi as the basic construction of chinese migrants' identity, *Oikumena Regional Researches*, № 2, p. 136—146 (in Russ.), EDN: HVEUXK, <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/136-146>
14. Kremnyov, E. V., Deriugin, P. P., Lebedintseva, L. A., Kuznetsova, O. V. 2024, Traditionalism in China's State Governance: Regional Specificity, *Russian Journal of Regional Studies*, vol. 32, № 4, p. 673—690 (in Russ.), EDN: JVGWTF, <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.673-690>
15. Baransky, N. N. 1980, *Selected Works. Scientific Principles of Geography*, Moscow, Mysl, 239 p. (in Russ.), EDN: VNIOTJ
16. Latour, B. 2005, *Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory*, Oxford, New York, Oxford University Press, 301 p.
17. Law, J., Vakhshayn, V. 2006, Objects and Spaces. *Sociological Review*, vol. 5, № 1, p. 30—42 (in Russ.), EDN: JWURNN
18. Loskutov, Yu. V. 2021, “Flat Ontology” in the Social Context, *New ideas in philosophy*, № 8 (29), p. 89—98 (in Russ.), EDN: TVABNI
19. Anderson, B., McFarlane, C. 2011, Assemblage and geography, *Area*, vol. 43, № 2, p. 124—127, <https://doi.org/10.1111/j.1475-4762.2011.01004.x>
20. Deleuze, J., Guattari, F. 2010, *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*, Yekaterinburg, Factory, 895 p. (in Russ.).
21. DeLanda, M. 2016, *Assemblage Theory*, Edinburg, Edinburgh University Press, <https://doi.org/10.1515/9781474413640>
22. DeLanda, M. 2006, *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory And Social Complexity*, Bloomsbury Academic, 150 p.
23. Koldunova, E. V. 2016, World Regional Studies as a Research Framework and Academic Discipline, *MGIMO Review of International Relations*, № 50 (5), p. 63—69 (in Russ.), EDN: YGCORL, <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-5-50-63-69>

24. Krasavin, I. V. 2019, Assemblage Arrangement, or Manuel DeLanda's Simulation of Ontology, *Sociology of Power*, vol. 31, № 2, p. 136—154 (in Russ.), EDN: AERJEB, <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-2-136-154>
25. Yamamoto, H. 2012, Regional Studies Methodology: "Regional Knowledge" for Responding to the Unexpected, *Regional Studies*, vol. 12, № 2, p. 18—27, https://doi.org/10.24638/jcasreview.12.2_18 (in Japanese).
26. Kalikhman, A. A., Kalikhman, T. P. 2020, Conceptual and Paradigm Foundations of Regional Studies, in: *IV Gotlib's Readings: Oriental and Asia-Pacific Regional Studies in the Context of Transdisciplinary Knowledge*, Proceedings of the International Scientific Conference, Irkutsk, ISU, p. 266—284 (in Russ.), EDN: DXCPCI
27. Lesnikovskaya, E. V. 2017, Area Studies: XXI Century Challenges, in: *Gotlib's Readings: Asia Pacific Region the Context of Global Development*, Proceedings of the International Scientific Conference, Irkutsk, ISU, p. 192—195 (in Russ.), EDN: YPSIEE
28. Vitushko, M. V. 2020, Assemblage as a Concept for Representing Real Objects in the Social Ontology of Manuel DeLanda, in: *Humanitarian Knowledge and Artificial Intelligence: Strategies and Innovations*, Proceedings of the International Conference, Yekaterinburg, Ural Federal University Publishing House, p. 1012—1015 (in Russ.), EDN: TGJJVA
29. Allen, J., Cochrane, A. 2007, Beyond the territorial fix: Regional assemblages, politics and power, *Regional Studies*, vol. 41, № 9, p. 1161—1175, <https://doi.org/10.1080/00343400701543348>
30. Stiftel, B., Watson, V., Acselrad, H. 2006, Global commonality and regional specificity, in: Stiftel, B., Watson, V., Acselrad, H. (eds.), *Dialogues in Urban and Regional Planning*, vol. 2, London, Routledge, p. 1—24.
31. Massey, D. B. 2005, *For Space*, London, Sage Publications, 232 p.
32. Slezkine, Yu. L. 2023, A Unique State-Civilization, Its Neighbors and Kinfolk, *Russia in Global Affairs*, vol. 21, № 4, p. 44—55 (in Russ.), EDN: VGEHWE, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-4-44-55>
33. Anderson, B. 2024, *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Moscow, Kuchkovo pole, 416 p. (in Russ.).
34. Dokhov, R. A. 2023, Country as an Assemblage, in: *Post-Industrial World: Trends, Shifts, and Pulsations*, Proceedings of the International Conference, Moscow, Moscow State University Publishing House, p. 46—49 (in Russ.).
35. Charmaz, K. 2014, *Constructing Grounded Theory*, London, SAGE.
36. Saldaña, J. 2021, *The Coding Manual for Qualitative Researchers*, London, SAGE.
37. Clarke, A. E. 2005, *Situational Analysis: Grounded Theory After the Postmodern Turn*, Thousand Oaks, CA, SAGE.
38. Certeau, M. de. 2013, *The Practice of Everyday Life. 1. The art of making*, St. Petersburg, European University at St. Petersburg Publishing House, 330 p. (in Russ.).
39. Beach, D., Pedersen, R. B. 2019, *Process-Tracing Methods: Foundations and Guidelines*, University of Michigan Press.
40. Scott, J. C. 2005, *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*, Moscow, Universitetskaya kniga, 576 p. (in Russ.), EDN: QOEPBJ

The authors

Kirill A. Ivanov, Junior Research Fellow, Laboratory for Sustainable Development of the Baikal Region, A. E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Federal Research Centre, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-3895-0082>

E-mail: ivanov-ka@word.isu.ru

Dr Evgeny V. Kremnyov, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-5255-3772>

E-mail: evkremnev@kantiana.ru

Ivan O. Semenov, Research Intern, Research Centre for Transdisciplinary Regional Studies of the Asia-Pacific Region, Irkutsk State University, Russia.

<https://orcid.org/0009-0002-8166-1398>

E-mail: ivn000@vk.com

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

BREEYK

ЦИФРОВАЯ КОРПОРАТИВНАЯ ОТЧЕТНОСТЬ В СТРАНАХ БАЛТИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Л. Хуанг¹ А. К. Низамдинова¹ В. Ф. Комарова² О. П. Ружа² Е. Ю. Фёдорова²

¹ Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
просп. аль-Фараби, 71, Алматы 050040, Казахстан

² Даугавпилсский университет,
ул. Виенибас, 13, Даугавпилс LV-5401, Латвия

Поступила в редакцию 01.04.2026 г.

Принята к публикации 04.06.2026 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-8

© Хуанг Л., Низамдинова А. К.,
Комарова В. Ф., Ружа О. П.,
Фёдорова Е. Ю., 2026

Настоящее исследование направлено на сравнительный анализ цифровой корпоративной отчетности в странах Балтии в контексте институциональных и технологических условий цифровой трансформации экономики Европейского союза (ЕС). Методология исследования основана на сравнительном институциональном подходе и включает анализ международных статистических данных, корреляционный и дискриминантный анализ. В качестве институциональных условий цифровой трансформации рассматривается уровень развития электронного государственного управления (EGDI), а в качестве технологических условий — распространенность облачных технологий и ERP-систем на уровне предприятий. Результаты исследования показывают, что страны Балтии характеризуются относительно благоприятными институциональными условиями цифровизации, однако демонстрируют существенные различия в уровне цифровизации бизнес-процессов и развитости цифровой корпоративной отчетности. Установлено наличие статистически значимой положительной связи между EGDI и использованием структурированных форм цифровой корпоративной отчетности в странах ЕС ($\tau = 0,571$, $p < 0,001$), а также между использованием облачных технологий и наличием таких форм ($\tau = 0,515$, $p = 0,002$). Результаты дискриминантного анализа подтверждают высокую объяснительную способность предложенной модели, обеспечивающей принадлежность стран ЕС к группе с развитой или неразвитой цифровой корпоративной отчетностью с точностью 85,2—88,9 %. Научная новизна исследования заключается в разработке и эмпирической проверке интегрированной модели, рассматривающей цифровую корпоративную отчетность как результат взаимодействия институциональных и технологических условий цифровой трансформации экономики, а также в проведении сравнительного анализа стран Балтии в рамках общеевропейского пространства.

Ключевые слова:

цифровая корпоративная отчетность, институциональные и технологические условия цифровой трансформации экономики, сравнительный анализ, страны Балтии, Европейский союз (ЕС)

Для цитирования: Хуанг, Л., Низамдинова, А. К., Комарова, В. Ф., Ружа, О. П., Фёдорова, Е. Ю. 2026, Цифровая корпоративная отчетность в странах Балтии: сравнительный анализ в контексте Европейского союза, Балтийский регион, т. 18, № 2, с. 151—177, doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-8

Введение

Страны Балтии имеют относительно высокие позиции в мировом рейтинге цифровизации и цифрового интеллекта (англ. *Global Digitalization and Intelligence Index, GDII*) за 2025 г. Наиболее высокое место среди них занимает Эстония (26-е место среди 77 стран мира), которая входит в число мировых лидеров цифровой трансформации благодаря развитой цифровой инфраструктуре, высоким показателям электронного государственного управления и широкому распространению цифровых технологий. Литва располагается на 34-м месте, тогда как Латвия занимает 38-ю позицию¹, что свидетельствует о сохранении определенного разрыва в уровне цифрового развития внутри Балтийского региона. Таким образом, несмотря на общую принадлежность стран Балтии к группе наиболее цифровизированных стран Центральной и Восточной Европы, различия в их позициях в глобальном рейтинге указывают на неоднородность национальных моделей цифровой трансформации экономики, которая может находить отражение в цифровизации бизнес-процессов и развитии цифровой корпоративной отчетности.

Согласно данным Евростата, в 2025 г. более 52 % предприятий Европейского союза (ЕС) использовали облачные вычисления (англ. *cloud computing*)², а около 46 % — ERP-системы (англ. *Enterprise Resource Planning*)³, что отражает общий тренд цифровизации бизнес-процессов. В странах Балтии, традиционно рассматриваемых как один из наиболее динамичных регионов цифрового развития ЕС, эти процессы также характеризуются высокой интенсивностью, однако носят неоднородный характер: если в Эстонии в 2025 г. доля предприятий, использующих облачные технологии, превышает 60 %, то в Латвии она составляет около 44 %, оставаясь ниже среднего уровня ЕС⁴. Это указывает на наличие существенных различий в уровне цифровизации бизнес-процессов внутри региона, которые потенциально отражаются и на развитии цифровой корпоративной отчетности.

В научной литературе цифровизация корпоративной отчетности рассматривается в контексте более широких процессов цифровой трансформации бизнеса и развития устойчивого корпоративного управления. Ряд исследований показывает, что использование цифровых технологий способствует повышению качества раскрытия информации, улучшению корпоративной прозрачности и усилению взаимодействия компаний со стейкхолдерами [1—3]. В исследованиях, посвященных Балтийскому региону, цифровизация также рассматривается как важный фактор социально-экономического развития и модернизации региональных экономик. В частности, отмечается, что распространение цифровых технологий и развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры создают основу для трансформации экономических и управленческих процессов в регионе [4], одновременно влияя на различные аспекты территориального неравенства в сторону как его

¹ Huawei Technologies, International Data Corporation (IDC), 2025, *Global Digitalization and Intelligence Index (GDII) 2025: The Intelligent Leap — GDII and the Future of Digital Economies*. Shenzhen: Huawei Technologies Co., Ltd, URL: <https://www.huawei.com/minisite/gdii/en/> (дата обращения: 25.03.2026).

² European Commission (Eurostat), 2026, *Digital economy and society statistics — enterprises*, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Digital_economy_and_society_statistics_-_enterprises (дата обращения: 25.03.2026).

³ European Commission (Eurostat), 2026, *Enterprises having ERP software package*, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/isoc_eb_iip/default/table?lang=en (дата обращения: 25.03.2026).

⁴ European Commission (Eurostat), 2026, *Digital economy and society statistics — enterprises*, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Digital_economy_and_society_statistics_-_enterprises (дата обращения: 25.03.2026).

сокращения, так и увеличения [5; 6]. Цифровизация затрагивает не только сферу государственного управления и коммуникации, но и бизнес-процессы предприятий, включая подготовку и распространение корпоративной информации.

Особый интерес в данном контексте представляют страны Балтии, которые, обладая общим постсоветским институциональным наследием, функционируют в рамках единого европейского экономического и нормативного пространства и одновременно выступают частью более широкого североευропейского региона, характеризующегося высоким уровнем цифрового развития. В рамках ЕС страны Балтии часто рассматриваются как один из наиболее динамичных и продвинутых регионов цифровой трансформации, что связано с активным внедрением электронного государственного управления, развитием цифровой инфраструктуры и широким распространением цифровых решений в бизнесе [7–9]. В то же время внутри Балтийского региона сохраняются различия в уровне цифровизации бизнес-процессов и практиках цифрового представления корпоративной информации, что отражает специфику национальных моделей цифровой трансформации экономики. Это делает страны Балтии репрезентативным примером для анализа взаимодействия общеевропейских и национальных факторов в развитии цифровой корпоративной отчетности.

Целью настоящего исследования является сравнительный анализ цифровой корпоративной отчетности в странах Балтии в контексте ЕС с акцентом на выявление межстрановых различий внутри региона. В статье используется сравнительный институциональный подход, позволяющий оценить, каким образом общеевропейская цифровая и регуляторная среда отражается в национальных практиках цифрового представления корпоративной информации. Такой подход позволяет также выявить особенности развития цифровой корпоративной отчетности в странах Балтии, определив различия между ними.

Для достижения поставленной цели в исследовании решаются следующие задачи:

- провести анализ теоретических подходов к изучению цифровой корпоративной отчетности и факторов ее развития;
- разработать концептуальную модель взаимосвязи между институциональными и технологическими условиями цифровой трансформации экономики и развитостью цифровой корпоративной отчетности;
- осуществить сравнительный анализ условий цифровой трансформации экономики в странах Балтии в контексте ЕС;
- выявить межстрановые различия в развитости цифровой корпоративной отчетности в странах Балтии;
- определить статистическую взаимосвязь между институциональными и технологическими условиями цифровой трансформации экономики и использованием цифровой корпоративной отчетности в странах ЕС;
- сформулировать выводы о роли институциональных и технологических факторов в развитии цифровой корпоративной отчетности в странах Балтии.

Обзор и краткий анализ литературы

Развитие цифровых технологий в последние десятилетия существенно трансформировало процессы обработки корпоративной информации и подготовки финансовой и нефинансовой отчетности. Цифровизация корпоративной отчетности рассматривается в научной литературе как часть более широкой цифровой трансформации бизнеса и системы корпоративного управления, в рамках которой традиционные формы представления информации постепенно заменяются цифровыми

форматами, обеспечивающими автоматизированную обработку данных и более эффективное взаимодействие предприятий со стейкхолдерами. Одним из ключевых направлений этой трансформации является внедрение стандартов цифровой корпоративной отчетности, таких как XBRL, а также развитие цифровых инструментов подготовки и распространения финансовой и нефинансовой информации [10; 11].

В современных исследованиях подчеркивается, что цифровизация корпоративной отчетности тесно связана с общими процессами цифровой трансформации бизнеса. Цифровые технологии позволяют автоматизировать сбор, обработку и распространение корпоративных данных, повышая точность, сопоставимость и аналитическую пригодность раскрываемой информации. Например, в работе [12] показано, что использование цифровых инструментов, включая системы S-ERP (англ. *Sustainable Enterprise Resource Planning*) и структурированные форматы данных, способствует улучшению качества раскрытия информации об устойчивом развитии. Авторы [12] отмечают, что цифровизация отчетных процессов позволяет предприятиям формировать более точные и сопоставимые ESG-данные (англ. *Environmental, Social, Governance*), что повышает их информативность для инвесторов и других заинтересованных сторон. Аналогичные выводы приводятся и в исследовании [13], где на основе панельного анализа компаний установлено, что высокий уровень цифровизации бизнес-процессов связан с более высоким качеством корпоративного раскрытия информации, поскольку цифровые технологии ускоряют обработку данных и повышают точность отчетных показателей.

Важное направление исследований связано с анализом влияния цифровой корпоративной отчетности на финансовые рынки и инвестиционные решения. В частности, авторы исследования [11] изучают влияние внедрения XBRL на value relevance бухгалтерской информации в США и Японии. Результаты показывают, что переход к цифровому формату финансовой отчетности повышает информативность бухгалтерских показателей для инвесторов и усиливает их связь с рыночной стоимостью компаний. Это объясняется тем, что цифровой формат облегчает доступ к данным, повышает их сопоставимость и позволяет инвесторам использовать автоматизированные инструменты анализа информации. Таким образом, цифровая корпоративная отчетность рассматривается как важный элемент современной инфраструктуры финансовых рынков.

Помимо финансовой информации цифровизация существенно влияет и на развитие нефинансовой отчетности, включая отчетность об устойчивом развитии (ESG). В исследовании [2] показано, что цифровизация корпоративных процессов способствует развитию практик устойчивой отчетности и повышает конкурентоспособность предприятий. Использование цифровых инструментов позволяет компаниям более эффективно собирать и анализировать данные, связанные с экологическими, социальными и управленческими аспектами деятельности, а также обеспечивает более прозрачное взаимодействие со стейкхолдерами. Аналогичный вывод содержится в работе [14], где цифровые технологии — включая искусственный интеллект, блокчейн и стандартизированные форматы данных — рассматриваются как важный инструмент автоматизации ESG-отчетности и повышения прозрачности корпоративной информации.

С теоретической точки зрения цифровая корпоративная отчетность рассматривается как результат взаимодействия технологических инноваций и институциональных изменений. Авторы исследования [10] отмечают, что внедрение цифровых стандартов отчетности является не только технологической инновацией, но и институциональной трансформацией, затрагивающей взаимодействие предприятий, инвесторов, регуляторов и разработчиков стандартов. В частности, цифровизация корпоративной отчетности требует создания новых стандартов данных, разработки

таксономий и изменения процессов подготовки отчетности. Это приводит к переходу от традиционных документов, ориентированных на человека, к системам машинно-читаемых данных, которые могут автоматически анализироваться информационными системами [15].

Важным направлением исследований является анализ институциональных условий цифровизации корпоративной отчетности. В рамках институциональной теории распространение цифровых стандартов отчетности объясняется действием различных форм институционального давления — регуляторного, имитационного и нормативного. Эмпирическое подтверждение этой теоретической модели представлено в исследовании [16], где на основе межстранового анализа показано, что внедрение XBRL зависит от уровня технологического развития страны, степени интеграции в глобальную систему бухгалтерских стандартов и уровня образования. Авторы исследования [16] также отмечают, что регуляторное давление международных организаций особенно заметно в развивающихся странах, тогда как в развитых экономиках более значимую роль играют технологическая инфраструктура и профессиональные стандарты.

Помимо институциональных факторов на макроуровне важную роль играют и характеристики самих предприятий. Результаты исследования [17] показывают, что принятие решения о внедрении цифровых форм корпоративной отчетности зависит от таких факторов, как структура собственности и уровень финансового рычага. Предприятия с высокой долговой нагрузкой и высокой концентрацией собственности демонстрируют меньшую склонность к использованию цифровых форм представления корпоративной информации, что свидетельствует о влиянии внутренних стимулов и корпоративного управления на процессы цифровизации отчетности. Аналогичные выводы содержатся в исследовании [18], где показано, что внедрение цифровых стандартов отчетности воспринимается предприятиями Польши неоднозначно: несмотря на преимущества цифровых форматов, предприятия отмечают значительные организационные и финансовые издержки внедрения.

Существенную роль в развитии цифровой корпоративной отчетности играет институциональная среда цифровизации экономики и государственного управления. В странах ЕС развитие цифровой корпоративной отчетности тесно связано с внедрением нормативных требований, таких как Европейский единый электронный формат (англ. *European Single Electronic Format, ESEF*) и использование XBRL для представления финансовой информации. Результаты исследований показывают, что интеграция стран Балтии в европейскую цифровую экосистему способствует активному внедрению цифровых технологий в государственном управлении и бизнес-процессах. Например, результаты анализа значений Индекса цифровой экономики и общества (англ. *Digital Economy and Society Index, DESI*) свидетельствуют о высоком уровне цифровизации инфраструктуры и электронных государственных услуг в Эстонии, Латвии и Литве [7; 9]. Кроме того, стратегические программы цифрового развития, реализуемые в странах Балтии, ориентированы на интеграцию цифровых технологий в экономику, развитие цифровых навыков и внедрение электронных государственных сервисов [8].

При этом цифровая корпоративная отчетность не существует изолированно от национальных систем бухгалтерского учета и финансовой отчетности. Несмотря на унификацию требований к финансовой отчетности и регуляторные инициативы ЕС, предприятия продолжают функционировать в национальных системах учета, определяющих порядок формирования первичной информации, состав отчетных показателей и механизмы взаимодействия с государственными органами [7–9]. В этой связи цифровая трансформация корпоративной отчетности затрагивает не столько содержание учетных данных, сколько формы их представления, передачи

и обработки. Использование стандартизированных цифровых форматов, таких как XBRL и iXBRL, обеспечивает технологическую интеграцию различных национальных систем финансовой отчетности в единое цифровое информационное пространство, сохраняя при этом особенности национального регулирования бухгалтерского учета и отчетности.

Результаты изучения региональной цифровизации свидетельствуют о том, что уровень распространения цифровых технологий может существенно различаться между странами и регионами. Например, в работе [4] показано, что развитие цифровой инфраструктуры является важным фактором экономической модернизации регионов, однако различия в доступе к цифровым технологиям формируют так называемый «цифровой разрыв», который может ограничивать развитие инновационной экономики. Аналогичные выводы содержатся в исследованиях [5; 6], где отмечается, что распространение цифровых технологий зависит от уровня экономического развития, концентрации человеческого капитала и развитости инфраструктуры.

В постсоветских европейских странах, включая Балтийский регион, цифровая трансформация экономики рассматривается как важный элемент институциональной модернизации и формирования современной цифровой среды ведения бизнеса [19—21]. Существующая научная литература показывает, что цифровая корпоративная отчетность формируется под влиянием комплекса факторов, включающих цифровую инфраструктуру, институциональную среду, регуляторные требования и характеристики самих предприятий. Однако большинство исследований сосредоточено либо на технологических аспектах цифровизации корпоративной отчетности, либо на институциональных условиях ее внедрения на уровне отдельных стран. В то же время сравнительные исследования, посвященные анализу различий в развитии цифровой корпоративной отчетности внутри отдельных регионов ЕС, включая страны Балтии, практически отсутствуют.

Настоящее исследование направлено на восполнение данного пробела путем сравнительного анализа цифровой корпоративной отчетности в странах Балтии в контексте ЕС. Вклад исследования заключается в выявлении межстрановых различий в развитости цифровой корпоративной отчетности в регионе и анализе их связи с институциональными и технологическими условиями цифровой трансформации экономики. Такой подход позволяет уточнить роль общеевропейской цифровой и регуляторной среды в формировании национальных практик цифрового представления корпоративной информации и расширяет существующие представления о региональной специфике цифровизации корпоративной отчетности.

Концептуальная основа и методология исследования

Настоящее исследование направлено на сравнительный анализ взаимосвязи между институциональными / технологическими условиями цифровой трансформации экономики и развитостью цифровой корпоративной отчетности в странах Балтии (Эстония, Латвия, Литва) в контексте ЕС. Методологически исследование сочетает несколько подходов: сравнительный анализ стран с использованием европейских и международных показателей цифровизации экономики, количественный (в частности, корреляционный и дискриминантный) анализ статистических данных международных организаций, а также экспертный анализ нормативной базы цифровизации экономики и корпоративной отчетности в рамках ЕС. Использование данного комплекса методов позволяет рассматривать цифровую корпоративную от-

четность как результат взаимодействия общеевропейских институциональных условий, технологического уровня цифровизации бизнес-процессов и практик цифрового представления информации на уровне предприятий.

Концептуальная модель исследования основана на предположении о том, что развитость цифровой корпоративной отчетности в той или иной стране детерминруется определенными институциональными и технологическими условиями. В рамках настоящего исследования эти условия цифровой трансформации экономики включают в себя два ключевых компонента:

- 1) цифровизацию государственного управления (институциональные условия цифровой трансформации экономики);
- 2) цифровизацию бизнес-процессов (технологические условия цифровой трансформации экономики).

Эти компоненты формируют институционально-технологическую основу функционирования цифровой экономики и создают условия для использования цифровых форм корпоративной отчетности.

На следующей ступени анализа рассматриваются практики цифровой корпоративной отчетности на уровне предприятий. Эти практики представляют собой результат взаимодействия институциональных / технологических условий цифровой трансформации экономики и организационных характеристик самих предприятий (рис.).

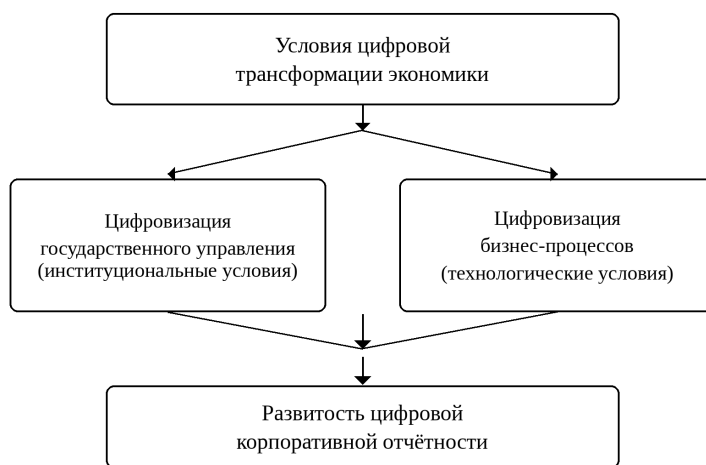

Рис. Концептуальная логика исследования

Разработан на основе анализа научной литературы.

Такая модель соответствует принятому в научной литературе подходу к анализу цифровой корпоративной отчетности, согласно которому использование цифровых форм представления корпоративной информации определяется сочетанием регуляторных, технологических и организационных факторов [15; 16]. В частности, развитие электронных государственных сервисов формирует инфраструктуру цифрового взаимодействия бизнеса и государства, тогда как цифровизация бизнес-процессов предприятий обеспечивает технологическую основу для автоматизированной подготовки и обработки корпоративной информации.

Для эмпирической интерпретации предложенной концептуальной модели исследования используется система показателей, представленная в таблице 1.

Таблица 1

**Эмпирическая интерпретация
концептуальных измерений в рамках исследования**

Концептуальное измерение	Эмпирический показатель	Источник данных
Цифровизация государственного управления	Индекс развития электронного правительства (англ. <i>E-Government Development Index, EGDI</i>)	<i>UN E-Government Survey</i> (табл. 2)
Цифровизация бизнес-процессов	Доля предприятий, использующих услуги облачных вычислений (англ. <i>cloud computing services</i>) Доля предприятий, использующих ERP-системы (англ. <i>Enterprise Resource Planning</i>)	<i>EU survey on ICT usage and e-commerce in enterprises</i> (Eurostat) (табл. 3, 4)
Цифровая корпоративная отчетность	Использование структурированных форм для нелистинговых предприятий* Машинно-читаемые стандарты данных (XBRL / iXBRL) для нелистинговых предприятий	Экспертные оценки авторов статьи на основе данных национальных бизнес-регистров, налоговых органов и инфраструктур цифровой отчетности (табл. 5)

* Нелистинговые предприятия — это предприятия без биржевого листинга, то есть не обращающиеся на регулируемом рынке (для них использование цифровых форм представления корпоративной информации не является обязательным нормативным требованием на уровне ЕС).

Первым концептуальным измерением является цифровизация государственного управления, понимаемая как институциональные условия цифровой трансформации экономики. Для оценки данного аспекта используется Индекс развития электронного правительства (EGDI), рассчитываемый Организацией Объединенных Наций¹. EGDI является комплексным показателем, который объединяет три ключевых компонента развитости государственных онлайн-услуг, телекоммуникационной инфраструктуры и человеческого капитала.

Применение данного индекса позволяет сопоставлять уровень цифровизации государственного управления между странами и оценивать развитость инфраструктуры электронного взаимодействия бизнеса и государства. Для цифровой корпоративной отчетности важность данного показателя заключается в том, что развитая система электронного правительства обеспечивает институциональную инфраструктуру для использования цифровых форм представления корпоративной информации, цифровых регистров предприятий и онлайн-взаимодействия предприятий с государственными органами.

Вторым концептуальным измерением является цифровизация бизнес-процессов, понимаемая как технологическое условие цифровой трансформации экономики. В рамках исследования данный аспект эмпирически интерпретируется через показатели использования предприятиями цифровых технологий, прежде всего:

- 1) услуг облачных вычислений;
- 2) ERP-систем.

¹ United Nations, 2024, E-Government Development Index (EGDI): Overview, United Nations Department of Economic and Social Affairs, URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/About/Overview/-E-Government-Development-Index> (дата обращения: 25.03.2026).

Облачные технологии позволяют предприятиям хранить и обрабатывать корпоративные данные в цифровой среде, а ERP-системы интегрируют основные бизнес-процессы предприятия — бухгалтерский учет, управление ресурсами и финансовые операции — в единую информационную систему. Использование таких технологий обеспечивает автоматизацию подготовки финансовой и нефинансовой информации и создает техническую основу для внедрения цифровых форм корпоративной отчетности [15].

Третьим концептуальным измерением является цифровая корпоративная отчетность, которая в рамках исследования эмпирически интерпретируется как использование цифровых форм представления информации предприятий, включая:

- 1) структурированные формы для нелистинговых предприятий;
- 2) машинно-читаемые стандарты данных (XBRL/iXBRL) для нелистинговых предприятий.

Использование структурированных форм представления корпоративной информации для нелистинговых предприятий является более широким показателем, фиксирующим наличие институционально закреплённого структурированного цифрового механизма подготовки, подачи или приема отчетности для нелистинговых предприятий. В свою очередь, машинно-читаемые стандарты данных для нелистинговых предприятий уже относятся к конкретным машинно-читаемым форматам — XBRL и iXBRL [10; 11]. Как уже упоминалось выше в ходе обзора и анализа литературы, в странах ЕС цифровая корпоративная отчетность частично институционализирована через обязательное использование XBRL (для листинговых предприятий в рамках стандарта ESEF¹).

Экспертное бинарное кодирование вышеуказанных показателей для нелистинговых предприятий стран ЕС осуществлялось на основе проведенного авторами анализа официальных источников — национальных бизнес-регистров, налоговых органов и инфраструктур цифровой отчетности². Значение 1 стране присваивалось при наличии прямого подтверждения структурированного цифрового механизма подачи отчетности либо использования XBRL/iXBRL в годовой отчетности нелистинговых предприятий; значение 0 означало отсутствие такого прямого подтверждения в выбранной базе источников на момент анализа.

Следует отметить, что используемые показатели относятся к различным годам наблюдения. Это обусловлено различиями в периодичности публикации международных статистических данных и доступностью информации. В частности, данные EGD¹ доступны за 2024 г., показатели использования облачных технологий и ERP-систем — за 2025 г., а экспертные оценки цифровой корпоративной отчетности сформированы в 2026 г. на основе действующих нормативных и организационных механизмов. Поскольку исследование носит сравнительный характер и анализирует относительно устойчивые институциональные и технологические характеристики стран, временной лаг между отдельными показателями не рассматривается как фактор, способный существенно исказить результаты исследования.

¹ European Commission, 2019, *Commission Delegated Regulation (EU) 2019/815 of 17 December 2018 supplementing Directive 2004/109/EC as regards regulatory technical standards on the specification of a single electronic reporting format (ESEF)*, URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg_del/2019/815/oj (дата обращения: 25.03.2026).

² Основные источники, использованные для экспертных оценок: National Bank of Belgium, Filing format, URL: <https://www.nbb.be/en/central-balance-sheet-office/preparation-and-filing/when-and-how-file/filing-format>; Revenue. Submitting financial statements in iXBRL, URL: <https://www.revenue.ie/en/companies-and-charities/corporation-tax-for-companies/submitting-financial-statements/index.aspx>; KVK, Preparing and filing an XBRL financial statement,

Предложенная методология позволяет анализировать цифровую корпоративную отчетность как результат взаимодействия институциональных / технологических условий цифровой трансформации экономики и практик цифровизации информационных систем предприятий. Такой подход обеспечивает основу для сравнительного анализа цифровой корпоративной отчетности в странах Балтии.¹

Эмпирические результаты исследования

Перед представлением эмпирических результатов исследования важно подчеркнуть, что анализ показателей стран Балтии не может осуществляться изолированно, а должен рассматриваться в более широком общеевропейском контексте. Это обусловлено тем, что Эстония, Латвия и Литва являются частью институциональной и нормативной системы ЕС, в рамках которой формируются единые стандарты цифровизации государственного управления и развития электронных услуг. Соответственно, их показатели цифровизации, включая Индекс развития электронного правительства (EGDI), отражают не только национальные особенности, но и результаты интеграции в общеевропейскую цифровую экосистему (табл. 2).

Таблица 2

Индекс развития электронного правительства (EGDI), страны ЕС, 2020 – 2024 гг.

Страна	2020 г., значение от 0 до 1	Ранг среди 193 стран мира	2022 г., значение от 0 до 1	Ранг среди 193 стран мира	2024 г., значение от 0 до 1	Ранг среди 193 стран мира
Дания	0,9758	1	0,9717	1	0,9847	1
Эстония	0,9473	3	0,9393	8	0,9727	2

URL: <https://www.kvk.nl/en/filing/preparing-and-filing-the-xbrl-financial-statement/>; Business.gov.nl, Filing financial statements, URL: <https://business.gov.nl/regulations/filing-financial-statements/>; Registro Imprese, Deposito bilanci, URL: <https://www.registroimprese.it/deposito-bilanci>; Danish Business Authority, XBRL Taxonomy Framework Architecture, URL: https://erhvervsstyrelsen.dk/sites/default/files/2019-03/teknisk_doku_tilaarl.pdf; RIK. e-Annual Reporting, URL: <https://www.rik.ee/en/international/e-annual-reporting>; RIK, Annual report, URL: <https://www.rik.ee/en/e-business-register/annual-report>; Publication Platform, Questions and answers: Orders for the Company Register, URL: <https://publikations-plattform.de/order/en/faq/order-ureg>; Publication Platform, XBRL taxonomy for annual financial statements, URL: https://publikations-plattform.de/redirect/start_new?dest=service&global_data.designmode=pp&global_data.language=en&page.navid=to_tech_std_annual_xbrl_taxonomie; BOE, Orden JUS/616/2022, URL: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2022-10975; Colegio de Registradores de España, XBRL España cumple veinte años, URL: https://www.registradores.org/en/inicio/-/asset_publisher/bgheTCCXRtfo/content/xbrl-espa%C3%B1a-cumple-veinte-a%C3%B1os-bajo-el-lema-del-report-e-financiero-al-de-la-sostenibilidad; State Enterprise Centre of Registers, Financial statements. URL: <https://www.registrucentras.lt/en/service/finansines-atskaitomybes-dokumentai>; Ministry of Finance of Poland, e-Sprawozdania Finansowe, URL: <https://www.podatki.gov.pl/e-sprawozdania-finansowe/>; e-Sprawozdania Finansowe portal, URL: <https://e-sprawozdania.mf.gov.pl/>; PRH, Taxonomies for financial statements, URL: https://www.prh.fi/en/companies-and-organisations/financial_statements/digital-financial-reporting/taxonomies.html; PRH, Digital IXBRL financial statements, URL: https://www.prh.fi/en/presentation_and_duties/current_information/projects/ixbrl_financial_statements.html; Bolagsverket, Filing annual reports online, URL: <https://bolagsverket.se/en/sjalvservice/etjanster/lamnainarsredovisningendigitalt.1663.html>; Bolagsverket, Implementation guidelines for annual reports in iXBRL format, URL: <https://bolagsverket.se/download/18.65d9a418074ef72984b5/1655360028077/implementation-guidelines-annual-reports-ixbrl-1-6.pdf> (дата обращения: 25.03.2026).

Окончание табл. 2

Страна	2020 г., значение от 0 до 1	Ранг среди 193 стран мира	2022 г., значение от 0 до 1	Ранг среди 193 стран мира	2024 г., значение от 0 до 1	Ранг среди 193 стран мира
Финляндия	0,9452	4	0,9533	2	0,9575	9
Нидерланды	0,9228	10	0,9384	9	0,9538	10
Германия	0,8524	25	0,8770	22	0,9382	12
Швеция	0,9365	6	0,9410	5	0,9326	14
Испания	0,8801	17	0,8842	18	0,9206	17
Ирландия	0,8433	27	0,8567	30	0,9138	20
Литва	0,8665	20	0,8745	24	0,9110	21
Австрия	0,8914	15	0,8801	20	0,9065	22
Мальта	0,8547	22	0,8943	15	0,8886	28
Латвия	0,7798	49	0,8599	29	0,8852	29
Хорватия	0,7745	51	0,8106	44	0,8818	32
Словения	0,8546	23	0,8781	21	0,8759	33
Франция	0,8718	19	0,8832	19	0,8744	34
Греция	0,8021	42	0,8455	33	0,8674	36
Польша	0,8531	24	0,8437	34	0,8648	37
Кипр	0,8731	18	0,8660	27	0,8619	38
Люксембург	0,8272	33	0,8675	26	0,8466	45
Португалия	0,8255	35	0,8273	38	0,8415	49
Италия	0,8231	37	0,8375	37	0,8356	51
Чехия	0,8135	39	0,8088	45	0,8239	54
Болгария	0,7980	44	0,7766	52	0,8145	55
Бельгия	0,8047	41	0,8269	39	0,8121	56
Венгрия	0,7745	51	0,7827	51	0,8043	59
Словакия	0,7817	48	0,8008	47	0,8021	60
Румыния	0,7605	55	0,7619	57	0,7636	72

Составлена по данным: United Nations, 2020, E-Government Survey 2020: Digital Government in the Decade of Action for Sustainable Development, New York, United Nations, URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2020> ; United Nations, 2022, E-Government Survey 2022: The Future of Digital Government, New York, United Nations, URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2022> ; United Nations, 2024, E-Government Survey 2024, New York, United Nations, URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2024> ; World Bank Data360, 2025, UN EGDI dataset [online], URL: https://data360.worldbank.org/en/dataset/UN_EGDI (дата обращения: 25.03.2026).

Анализ данных, представленных в таблице 2, позволяет оценить уровень цифровизации государственного управления как ключевого институционального условия цифровой трансформации экономики. В соответствии с методологией исследования данный аспект эмпирически интерпретируется через EGDI, который отражает уровень развития цифровых государственных услуг, телекоммуникационной инфраструктуры и человеческого капитала. Полученные результаты показывают, что страны Балтии занимают относительно высокие позиции в глобальном рейтинге ИРЭП, приближаясь к лидерам ЕС. В частности, Эстония демонстрирует один из самых высоких уровней цифровизации государственного управления, стабильно входя в число мировых лидеров, и по своим показателям сопоставима со странами Северной Европы, такими как Дания, Финляндия и Швеция. Литва и Латвия также характеризуются значительным прогрессом и располагаются в верхней части распределения стран ЕС, хотя их показатели остаются ниже уровня наиболее продвину-

нутых стран Северной Европы. Таким образом, страны Балтии в целом формируют группу стран с особо благоприятными институциональными условиями цифровой трансформации экономики, при этом внутри Балтийского региона сохраняется определенная дифференциация стран по уровню развития электронного государственного управления.

Для более полного понимания межстрановых различий в цифровой корпоративной отчетности необходимо перейти к анализу технологических условий цифровой трансформации экономики, отражающих фактическое использование цифровых технологий на уровне предприятий. В соответствии с логикой исследования, если таблица 2 фиксирует институциональные условия цифровой трансформации экономики, то таблицы 3 и 4 представляют эмпирические показатели технологических условий — прежде всего уровень использования предприятиями облачных вычислений и ERP-систем.

Таблица 3

**Доля предприятий, приобретающих услуги облачных вычислений,
страны ЕС, 2021 — 2025 гг.**

Страна	2021 г., %	Ранг среди стран ЕС	2023 г., %	Ранг среди стран ЕС	2025 г., %	Ранг среди стран ЕС
ЕС-27	40,97	—	45,21	—	52,74	—
Финляндия	75,29	2	78,29	1	79,21	1
Италия	60,47	5	61,39	6	75,60	2
Мальта	57,09	8	66,74	4	74,87	3
Ирландия	58,79	6	63,10	5	73,04	4
Швеция ¹	75,39	1	71,62	2	72,00	5
Дания	64,82	4	69,48	3	68,88	6
Нидерланды	64,94	3	61,19	7	68,49	7
Бельгия	52,96	9	51,69	11	61,62	8
Эстония	57,54	7	58,57	8	60,66	9
Литва	33,58	17	38,39	18	58,06	10
Чехия	43,75	11	47,15	12	54,90	11
Польша	28,70	22	55,67	9	54,71	12
Германия	41,60	13	47,00	13	53,91	13
Австрия	40,40	14	46,48	14	52,08	14
Кипр	50,29	10	52,93	10	51,38	15
Словения	42,69	12	40,21	17	48,04	16
Венгрия	26,41	24	44,94	16	47,96	17
Люксембург	33,48	18	37,04	20	47,70	18
Хорватия	39,15	15	45,08	15	46,61	19
Латвия	28,55	23	35,76	21	44,08	20
Испания	30,92	20	30,04	23	41,65	21
Франция ¹	29,35	21	26,76	24	40,41	22
Португалия	33,37	19	37,50	19	38,71	23
Словакия	36,14	16	34,42	22	36,44	24
Румыния	14,14	26	18,40	26	24,94	25
Греция	20,72	25	23,59	25	24,33	26
Болгария	12,79	27	17,50	27	17,83	27

Составлена по данным официальной статистики: European Commission (Eurostat), 2026, *Digital economy and society statistics — enterprises* [online data code: isoc_cicce_use], URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Digital_economy_and_society_statistics_-_enterprises (дата обращения: 25.03.2026).

Таблица 4

Доля предприятий, использующих ERP-системы, страны ЕС, 2021—2025 гг.

Страна	2021 г., %	Ранг среди стран ЕС	2023 г., %	Ранг среди стран ЕС	2025 г., %	Ранг среди стран ЕС
ЕС-27	38,00	—	43,30	—	46,45	—
Дания	50,00	3	67,30	1	66,25	1
Бельгия	57,00	1	59,50	2	62,45	2
Испания	49,00	4	54,60	5	60,38	3
Финляндия	48,00	5	56,90	4	58,11	4
Греция	35,00	16	45,30	10	54,84	5
Франция	45,00	7	47,30	7	53,92	6
Нидерланды	43,00	9	49,90	6	52,56	7
Чехия	38,00	13	29,00	23	49,70	8
Италия	32,00	19	42,20	13	49,50	9
Люксембург	40,00	10	43,80	11	49,36	10
Португалия	52,00	2	47,20	8	48,32	11
Мальта	39,00	12	46,50	9	46,34	12
Германия	38,00	14	43,70	12	43,54	13
Литва	45,00	8	41,90	14	41,29	14
Кипр	34,00	18	41,60	15	41,03	15
Польша	32,00	20	36,00	18	39,10	16
Австрия	45,00	6	40,10	16	37,52	17
Словения	36,00	15	37,00	17	35,49	18
Эстония	23,00	24	31,10	21	35,10	19
Ирландия	24,00	23	30,20	22	33,83	20
Латвия	39,00	11	34,00	20	32,12	21
Венгрия	21,00	26	35,20	19	30,85	22
Румыния	17,00	27	22,60	26	29,28	23
Швеция ¹	35,00	17	58,60	3	28,07*	24
Словакия	31,00	21	26,20	24	26,68	25
Болгария	22,00	25	21,70	27	26,64	26
Хорватия	24,00	22	25,40	25	21,89	27

* Для Швеции показатель использования ERP-систем в 2025 г. не является строго сопоставимым с предыдущими значениями ряда из-за разрыва временного ряда (англ. *break in time series*), связанного с внедрением статистической единицы enterprise в национальную статистическую практику. Поэтому изменение значения не следует интерпретировать как прямое фактическое снижение уровня использования ERP-систем.

Составлена по данным официальной статистики: European Commission (Eurostat, 2026, Enterprises having ERP software package (isoc_eb_iip) [data set], URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/isoc_eb_iip/default/table?lang=en (дата обращения: 25.03.2026).

Анализ данных в таблице 3, которые отражают долю предприятий, использующих услуги облачных вычислений, позволяет оценить уровень цифровизации бизнес-процессов как ключевого технологического условия цифровой трансформации экономики. В странах ЕС наблюдается устойчивая положительная динамика распространения облачных технологий: среднее значение по ЕС увеличилось с 40,97 % в 2021 г. до 52,74 % в 2025 г., что свидетельствует о системном росте цифровизации бизнеса.

В странах Балтии также фиксируется положительная динамика, однако она носит выражено неоднородный характер. Эстония стабильно входит в группу стран с высоким уровнем использования облачных сервисов (60,66 % в 2025 г.),

располагаясь в верхней части распределения стран ЕС и приближаясь к показателям наиболее цифровизированных стран Европы. Литва демонстрирует наиболее значительный рост (с 33,58 до 58,06 %), фактически сокращая разрыв с лидерами ЕС. В то же время Латвия, несмотря на положительную динамику, остается ниже среднего уровня ЕС (44,08 % в 2025 г.), что указывает на более сдержанный характер цифровизации бизнес-процессов.

Таким образом, в отличие от относительно высокого и более выровненного уровня институциональных условий цифровизации, зафиксированного в таблице 2, на уровне технологических условий наблюдается более выраженная дифференциация между странами Балтии. Это свидетельствует о том, что даже при функционировании в едином общеевропейском институциональном пространстве уровень внедрения цифровых технологий на предприятиях остается неоднородным, что может выступать важным фактором различий в развитии цифровой корпоративной отчетности в Балтийском регионе.

Анализ данных, представленных в таблице 4, характеризующих долю предприятий, использующих ERP-системы, позволяет дополнительно оценить уровень цифровизации бизнес-процессов как технологического условия цифровой трансформации экономики. В странах ЕС наблюдается умеренный, но устойчивый рост использования ERP-систем: средний показатель увеличился с 38,0 % в 2021 г. до 46,45 % в 2025 г., что свидетельствует о постепенной интеграции цифровых решений в управление корпоративными ресурсами и внутренними бизнес-процессами предприятий.

В странах Балтии ситуация также характеризуется положительной динамикой, однако остается неоднородной. Литва демонстрирует наиболее высокие показатели среди стран региона (41,29 % в 2025 г.), приближаясь к среднему уровню ЕС. В то же время Эстония и Латвия остаются ниже этого уровня (35,10 и 32,12 % соответственно), что указывает на более ограниченное распространение ERP-систем по сравнению с рядом других стран ЕС. При этом в отличие от показателей использования облачных технологий (табл. 3), где Эстония занимает более сильные позиции, в использовании ERP-систем она не выступает безусловным лидером региона, что свидетельствует о различиях в структуре цифровизации бизнес-процессов.

Таким образом, результаты таблицы 4 подтверждают вывод о том, что технологические условия цифровой трансформации экономики в странах Балтии остаются дифференцированными не только между странами региона, но и по типам используемых цифровых технологий. Это указывает на неоднородность цифровизации бизнес-процессов на уровне предприятий и подчеркивает, что различные компоненты цифровой трансформации (облачные технологии и ERP-системы) развиваются с разной интенсивностью, что может по-разному влиять на формирование практик цифровой корпоративной отчетности.

Переходя от анализа институциональных и технологических условий цифровой трансформации экономики к непосредственной оценке цифровой корпоративной отчетности, следует отметить, что таблицы 3 и 4 отражают лишь предпосылки ее развития на уровне предприятий. В этой связи таблица 5 представляет следующую ступень эмпирического анализа, фиксируя уже не условия, а фактическую развитость цифровой корпоративной отчетности через использование структурированных форм представления информации и машинно-читаемых стандартов данных (XBRL/iXBRL) для нелистинговых предприятий.

Таблица 5

**Матрица бинарных показателей цифровой корпоративной отчетности,
экспертные оценки*, страны ЕС, 2026 г.**

Страна	Структурированные формы для нелистинговых предприятий	Машинно-читаемые стандарты данных (XBRL/iXBRL) для нелистинговых предприятий
Австрия	0	0
Бельгия	0	1
Болгария	0	0
Венгрия	0	0
Германия	1	1
Греция	0	0
Дания	1	1
Ирландия	1	1
Испания	1	1
Италия	1	1
Кипр	0	0
Латвия	0	0
Литва	1	0
Люксембург	0	0
Мальта	0	0
Нидерланды	1	1
Польша	1	0
Португалия	0	0
Румыния	0	0
Словакия	0	0
Словения	0	0
Финляндия	1	0
Франция ¹	0	0
Хорватия	0	0
Чехия	0	0
Швеция ¹	1	0
Эстония	1	1

Примечание: * значение 1 присваивалось при наличии прямого подтверждения в официальных источниках; значение 0 означает отсутствие такого прямого подтверждения в выбранной базе источников на момент проверки.

Источник: экспертные оценки авторов статьи на основе данных национальных бизнес-регистров, налоговых органов и инфраструктур цифровой отчетности.

Анализ данных, представленных в таблице 5, позволяет перейти к непосредственной оценке развитости цифровой корпоративной отчетности в странах ЕС, рассматриваемой в рамках исследования как результирующий уровень цифровой трансформации экономики. Полученные результаты свидетельствуют о значительной неоднородности стран ЕС: лишь ограниченное число стран (например, Эстония, Германия, Дания, Нидерланды, Испания, Ирландия и Италия) демонстрирует одновременное использование как структурированных форм представления корпоративной информации, так и машинно-читаемых стандартов данных (XBRL/iXBRL), тогда как в большинстве стран данные практики либо реализованы частично, либо отсутствуют.

В странах Балтии наблюдается четко выраженная дифференциация. Эстония демонстрирует наиболее высокий уровень развития цифровой корпоративной отчетности, сочетая использование структурированных форм и машинно-читаемых стандартов данных для нелистинговых предприятий. Литва характеризуется ча-

стичным внедрением цифровых механизмов (наличие структурированных форм при отсутствии XBRL), тогда как в Латвии отсутствуют зафиксированные системные практики цифрового представления корпоративной информации для данной категории предприятий.

Таким образом, несмотря на функционирование стран Балтии в рамках единого общеевропейского институционального и нормативного пространства, уровень развития цифровой корпоративной отчетности остается существенно дифференцированным. Сопоставление результатов с данными таблиц 2—4 показывает, что наличие благоприятных институциональных условий и относительно высокого уровня цифровизации бизнес-процессов не приводит автоматически к формированию развитых практик цифрового представления корпоративной информации. Это указывает на наличие разрыва между условиями цифровой трансформации экономики и их реализацией на уровне корпоративной отчетности, что является одним из ключевых выводов настоящего исследования.

Для обобщения полученных результатов и сопоставления стран Балтии в рамках единой аналитической модели в таблице 6 представлена сводная система эмпирических показателей, объединяющая институциональные, технологические и результативные характеристики цифровой трансформации экономики. Данная таблица позволяет интегрировать результаты анализа таблиц 2—5 и выявить взаимосвязь между общим уровнем цифровизации экономики и развитостью цифровой корпоративной отчетности в странах Балтии.

Таблица 6

Сводная таблица эмпирических показателей для стран Балтии, 2024—2026 гг.

Эмпирический показатель	Эстония	Латвия	Литва
<i>Институциональные условия цифровой трансформации экономики</i>			
Индекс развития электронного правительства (ИРЭП), от 0 до 1	0,9727	0,8852	0,9110
<i>Технологические условия цифровой трансформации экономики</i>			
Доля предприятий, использующих услуги облачных вычислений, %	60,66	44,08	58,06
Доля предприятий, использующих ERP-системы, %	35,10	32,12	41,29
<i>Развитость цифровой корпоративной отчетности</i>			
Использование структурированных форм для нелистинговых предприятий, 0 или 1	1	0	1
Использование машинно-читаемых стандартов данных (XBRL/iXBRL) для нелистинговых предприятий, 0 или 1	1	0	0

Составлена на основе данных из таблиц 2—5.

Анализ сводных данных, представленных в таблице 6, позволяет комплексно сопоставить институциональные, технологические и результативные аспекты цифровой трансформации экономики в странах Балтии. Полученные результаты показывают, что при относительно близком уровне институциональных условий цифровизации (по показателю ИРЭП) между странами региона наблюдаются существенные различия на уровне технологических условий и, особенно, развитости цифровой корпоративной отчетности.

Эстония демонстрирует наиболее сбалансированную модель цифровой трансформации, сочетая высокий уровень цифровизации государственного управления, значительное распространение облачных технологий и наличие как структурированных форм, так и машинно-читаемых стандартов корпоративной отчетности. Литва и Латвия характеризуются менее сбалансированными моделями: при доста-

точно высоких институциональных показателях и развитии отдельных компонентов цифровизации бизнес-процессов уровень цифровой корпоративной отчетности остается частичным (в случае Литвы) либо ограниченным (в случае Латвии).

Таким образом, результаты сводного анализа подтверждают, что даже в рамках единого общеевропейского институционального и нормативного пространства страны Балтии демонстрируют различия в степени трансформации институциональных и технологических условий цифровизации в практики цифрового представления корпоративной информации. Это указывает на то, что развитость цифровой корпоративной отчетности определяется не только уровнем цифровизации экономики в целом, но и дополнительными факторами, связанными с национальными особенностями внедрения цифровых решений на предприятиях и институциональной среды их использования.

Для проверки выявленных взаимосвязей на более широкой выборке стран ЕС и количественной оценки влияния институциональных и технологических факторов на развитость цифровой корпоративной отчетности в таблице 7 представлены результаты корреляционного анализа. Данный этап исследования позволяет перейти от описательного сопоставления к статистической проверке гипотез о взаимосвязи между условиями цифровой трансформации экономики и практиками цифровой корпоративной отчетности.

Таблица 7

Корреляция между институциональными / технологическими условиями цифровой трансформации экономики и показателями развитости цифровой корпоративной отчетности в стране, n = 27 стран ЕС, 2025 – 2026 гг.

Условие цифровизации экономики	Использование структурированных форм для нелistingовых предприятий		Использование машинно-читаемых стандартов данных (XBRL/iXBRL) для нелistingовых предприятий	
	Коэффициент корреляции Кендалла	Статистическая значимость (двухсторонняя)	Коэффициент корреляции Кендалла	Статистическая значимость (двухсторонняя)
Индекс развития электронного правительства (ИРЭП)	0,571 **	<0,001	0,346 *	0,034
Доля предприятий, использующих услуги облачных вычислений	0,515 **	0,002	0,364 *	0,026
Доля предприятий, использующих ERP-системы	0,193	0,236	0,329 *	0,044

Примечание: * корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя); ** корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Рассчитано с использованием программы SPSS IBM Statistics на основе данных из таблиц 2 – 5.

Анализ результатов корреляционного анализа, представленных в таблице 7, позволяет количественно оценить взаимосвязь между институциональными и технологическими условиями цифровой трансформации экономики и уровнем развитости цифровой корпоративной отчетности в странах ЕС. Полученные значения

коэффициента корреляции Кендалла свидетельствуют о статистически значимой положительной связи между уровнем цифровизации государственного управления (ИРЭП) и использованием как структурированных форм ($\tau = 0,571$, $p < 0,001$), так и машинно-читаемых стандартов данных ($\tau = 0,346$, $p < 0,05$). Это указывает на важную роль институциональной среды в формировании практик цифровой отчетности. Аналогично доля предприятий, использующих облачные технологии, также демонстрирует значимую положительную корреляцию с обоими показателями цифровой корпоративной отчетности ($\tau = 0,515$, $p < 0,01$ и $\tau = 0,364$, $p < 0,05$ соответственно), что подтверждает значимость цифровизации бизнес-процессов как технологического фактора. В то же время влияние ERP-систем оказывается менее выраженным: статистически значимая связь наблюдается только для машинно-читаемых стандартов ($\tau = 0,329$, $p < 0,05$), тогда как для структурированных форм она отсутствует. В совокупности это позволяет сделать вывод о том, что наиболее сильное влияние на развитие цифровой корпоративной отчетности оказывают институциональные условия и уровень использования облачных технологий, тогда как роль ERP-систем носит более ограниченный характер.

Для дальнейшего углубления анализа и выявления факторов, которые статистически значимо определяют принадлежность стран к группе с развитой или неразвитой цифровой корпоративной отчетностью, в исследовании применяется дискриминантный анализ. В отличие от корреляционного анализа, позволяющего выявить наличие взаимосвязей между переменными, данный метод дает возможность оценить их совокупное влияние и определить «дискриминирующие» факторы, обеспечивающие классификацию стран по уровню развития цифровой корпоративной отчетности.

Первые два результата дискриминантного анализа, представленные в таблицах 8 и 9, являются результатами теста и указывают на возможность проведения дискриминантного анализа в таком виде на данной выборке, состоящей из 27 стран. В таблице 4 представлен анализ коэффициентов дискриминантной функции.

Таблица 8

**Результат дискриминантного анализа:
тест на собственные значения, n = 27 стран ЕС, 2026 г.**

Критерий классификации	Функция	Собственное значение	% дисперсии	Суммарный %	Каноническая корреляция*
Использование структурированных форм для нелистинговых предприятий	1	1,208	100,0	100,0	0,740
Использование машинно-читаемых стандартов данных (XBRL/iXBRL) для нелистинговых предприятий	1	0,444	100,0	100,0	0,554

Примечание: * коэффициент корреляции между значениями дискриминантной функции и фактической принадлежностью случая (то есть страны) к группе.

Рассчитано с использованием программы SPSS IBM Statistics на основе данных из таблиц 2 — 5.

Коэффициент корреляции между рассчитанными значениями дискриминантной функции и фактической принадлежностью к группе, равный 0,740 для классификации по критерию использование структурированных форм для нелистинговых

предприятий и 0,554 для классификации по критерию использования машинно-читаемых стандартов данных (XBRL/iXBRL) для нелистинговых предприятий (табл. 8), является удовлетворительным¹.

Таблица 9

**Результат дискриминантного анализа:
тест с помощью критерия лямбды Уилкса, n=27 стран ЕС, 2026 г.**

Критерий классификации	Критерий для функций	Лямбда Уилкса	Хи-квадрат	Количество степеней свободы	Статистическая значимость, p
Использование структурированных форм для нелистинговых предприятий	1	0,453	18,615	3	< 0,001
Использование машинно-читаемых стандартов данных (XBRL/iXBRL) для нелистинговых предприятий	1	0,693	8,633	3	0,035

Рассчитано с использованием программы SPSS IBM Statistics на основе данных из таблиц 2 — 5.

Тест, проведенный с помощью критерия лямбды Уилкса для определения того, существенно ли различаются средние значения дискриминантной функции в обеих группах стран — «с развитой цифровой корпоративной отчетностью» и «без развитой цифровой корпоративной отчетности», показал статистически значимый результат ($p < 0,001$ по критерию использования структурированных форм для нелистинговых предприятий и $p < 0,05$ по критерию использования машинно-читаемых стандартов данных (XBRL/iXBRL) для нелистинговых предприятий) (табл. 9).

Основным результатом дискриминантного анализа является классификационная таблица, показывающая точность сделанных прогнозов (табл. 10), то есть реальную «дискриминантную силу» всех потенциально «дискриминирующих» факторов, включенных в анализ.

Результаты классификации, полученные в ходе дискриминантного анализа и представленные в таблице 10, показывают, что в группе стран без развитой цифровой корпоративной отчетности 14 из 16 стран (то есть в 87,5 % случаев) были правильно отнесены к этой группе с помощью модели дискриминантного анализа по критерию использования структурированных форм для нелистинговых предприятий и 16 из 19 стран (то есть в 84,2 % случаев) — по критерию использования машинно-читаемых стандартов данных (XBRL/iXBRL) для нелистинговых предприятий. Два случая из 16 (12,5 %) по критерию использования структурированных форм для нелистинговых предприятий и 3 случая из 19 (15,8 %) по критерию использования машинно-читаемых стандартов данных (XBRL/iXBRL) для нелистинговых предприятий были ошибочно отнесены к группе стран с развитой цифровой корпоративной отчетностью. В свою очередь, в группе стран с развитой цифровой корпоративной отчетностью 2 случая из 11 (18,2 %) по первому критерию были ошибочно отнесены к «неправильной» группе, но в 9 случаях из 11 (то есть для 81,8 % стран) по первому критерию и во всех 8 случаях (то есть для 100,0 % стран) по второму критерию было правильно предсказано, что они попадут в группу с развитой цифровой корпоративной отчетностью.

¹ Sweet S., Grace-Martin K, 2012, *Data Analysis with SPSS: A First Course in Applied Statistics*, 4th edition. Pearson.

Таблица 10

Результат дискриминантного анализа: классификация стран по критерию внедрения (0 или 1) структурированных форм для нелстинговых предприятий, n = 27 стран ЕС, 2026 г.

Критерий классификации	Исходная принадлежность к группе	Предсказанная принадлежность к группе		Всего
		Страны без развитой цифровой корпоративной отчетности	Страны с развитой цифровой корпоративной отчетностью	
Использование структурированных форм для нелстинговых предприятий	Количество	Страны без развитой цифровой корпоративной отчетности	14	2
		Страны с развитой цифровой корпоративной отчетностью	2	9
	%	Страны без развитой цифровой корпоративной отчетности	87,5	12,5
		Страны с развитой цифровой корпоративной отчетностью	18,2	81,8
				100,0
Использование машинно-читаемых стандартов данных (XBRL/iXBRL) для нелстинговых предприятий	Количество	Страны без развитой цифровой корпоративной отчетности	16	3
		Страны с развитой цифровой корпоративной отчетностью	0	8
	%	Страны без развитой цифровой корпоративной отчетности	84,2	15,8
		Страны с развитой цифровой корпоративной отчетностью	0,0	100,0
				100,0

Рассчитано с использованием программы SPSS IBM Statistics на основе данных из таблиц 2–5.

Заключительный результат применения дискриминантного анализа — средний уровень правильности прогнозов для каждого случая, попадающего в соответствующую группу стран: без развитой цифровой корпоративной отчетности или с развитой цифровой корпоративной отчетностью. В нашем случае 85,2 % исходных наблюдений по критерию использования структурированных форм для нелистинговых предприятий классифицированы правильно и 88,9 % — по критерию использования машинно-читаемых стандартов данных (XBRL/iXBRL) для нелистинговых предприятий. Это высокий показатель правильности прогнозов¹, свидетельствующий о том, что в 85 % случаев по первому критерию и в 89 % по второму можно определить уровень развитости цифровой корпоративной отчетности в стране, зная только эмпирические показатели институциональных и технологических условий цифровой трансформации экономики в этой стране.

В совокупности результаты эмпирического анализа подтверждают концептуальное предположение о том, что развитость цифровой корпоративной отчетности является результатом взаимодействия институциональных и технологических условий цифровой трансформации экономики. Проведенный сравнительный анализ показал, что, несмотря на относительно близкий уровень институциональной цифровизации (на примере ИРЭП), страны Балтии демонстрируют существенные различия в уровне цифровизации бизнес-процессов и, особенно, в распространении цифровых форм корпоративной отчетности. Корреляционный и дискриминантный анализы подтвердили, что наиболее значимыми факторами формирования цифровой корпоративной отчетности в странах ЕС являются развитость электронного правительства и уровень использования облачных технологий, тогда как влияние ERP-систем носит более ограниченный характер. В то же время полученные результаты показывают, что даже при наличии благоприятных институциональных и технологических условий их трансформация в практики цифрового представления корпоративной информации носит неоднородный характер, что проявляется в различиях между странами Балтии и указывает на значимость дополнительных факторов, определяющих использование цифровой корпоративной отчетности на уровне предприятий.

Обсуждение результатов

Результаты современных исследований подтверждают, что цифровизация корпоративной отчетности сопровождается переходом от традиционных документов к цифровым форматам, обеспечивающим автоматизированную обработку данных и их сопоставимость [15]. В рамках институциональной теории данный процесс объясняется воздействием регуляторного, имитационного и нормативного давления [22], что находит эмпирическое подтверждение и в нашем исследовании. В частности, выявленная статистически значимая связь между уровнем цифровизации государственного управления и развитием цифровой корпоративной отчетности указывает на ключевую роль институциональных факторов в стимулировании представления информации предприятий в цифровой форме.

Одновременно с институциональными и технологическими условиями цифровой трансформации экономики важную роль играют характеристики самих предприятий. Как показывают результаты исследований [17; 18], структура собственности, финансовый рычаг и организационные издержки могут существенно влиять на внедрение цифровых форм представления корпоративной информации.

¹ Sweet S., Grace-Martin K. (2012) *Data Analysis with SPSS: A First Course in Applied Statistics*, 4th edition. Pearson.

Полученные нами результаты подтверждают эти выводы: несмотря на наличие развитой институциональной среды, в Латвии сравнительно низкий уровень использования облачных технологий и ERP-систем ограничивает возможности цифровизации корпоративной отчетности. Это указывает на то, что институциональные условия сами по себе не являются достаточными для формирования практик цифровой отчетности, тогда как технологические условия играют ключевую роль, однако их влияние реализуется лишь при наличии соответствующей организационной готовности предприятий.

Существенное теоретическое развитие данной проблематики представлено в исследовании [21], где вводится концепция «цифроспособности» (англ. *digitainability*), объединяющая цифровизацию и устойчивое развитие. В этом контексте цифровая корпоративная отчетность рассматривается как результат синергии между цифровыми технологиями, системами обработки данных и устойчивыми бизнес-процессами. Важная роль при этом отводится iXBRL как технологической основе структурирования ESG-данных. Результаты нашего исследования позволяют дополнить данный подход, показав, что «цифроспособность» формируется не только на уровне отдельных компаний, но и на уровне национальных институционально-технологических систем.

Вместе с тем, как показывают результаты исследования [23], внедрение цифровых стандартов не гарантирует автоматического повышения качества отчетности. Использование расширений (англ. *extensions*), недостаток компетенций и зависимость от внешних провайдеров могут снижать сопоставимость данных и увеличивать сложность их интерпретации. Эти выводы согласуются с результатами нашего исследования, в рамках которого выявлено, что даже при наличии цифровых механизмов (например, в отдельных странах ЕС) сохраняется высокая вариативность практик представления корпоративной информации. Это указывает на то, что цифровизация корпоративной отчетности является не только технологическим, но и социотехническим процессом, требующим координации стандартов, компетенций и организационных практик.

Полученные результаты позволяют предположить, что выявленные закономерности не являются исключительно особенностью стран Балтии. Анализ показателей стран Центральной и Восточной Европы свидетельствует о том, что даже при наличии относительно благоприятных институциональных условий цифровизации уровень развития цифровой корпоративной отчетности может существенно различаться. Например, Польша демонстрирует более высокий уровень внедрения цифровых форм корпоративной отчетности, тогда как ряд других постсоциалистических стран ЕС — таких как Болгария, Венгрия, Румыния, Словакия и Чехия — сохраняет ограниченное использование структурированных и машинно-читаемых форматов представления корпоративной информации (табл. 5). Данный вывод согласуется с результатами исследований цифровой трансформации стран Центральной и Восточной Европы [24; 25], согласно которым страны региона характеризуются значительной неоднородностью институционального и технологического развития, а влияние цифровизации на экономическую модернизацию зависит не только от уровня внедрения цифровых технологий, но и от качества институциональной среды и особенностей национальных моделей развития. Следовательно, связь между цифровизацией экономики и развитием цифровой корпоративной отчетности имеет более общий характер и не ограничивается исключительно Балтийским регионом, отражая более широкие процессы цифровой трансформации, характерные для постсоциалистических стран ЕС.

Выводы

Проведенное исследование было направлено на анализ цифровой корпоративной отчетности в странах Балтии в контексте институциональных и технологических условий цифровой трансформации экономики Европейского союза. Использование сравнительного институционального подхода, а также сочетание количественных (корреляционного и дискриминантного) и качественных методов анализа позволило комплексно оценить взаимосвязь между уровнем цифровизации государственного управления, цифровизацией бизнес-процессов и развитием цифровых форм представления корпоративной информации.

Полученные результаты показали, что при относительно близком уровне институциональных условий цифровизации (на примере Индекса развития электронного правительства) страны Балтии демонстрируют различия в технологических условиях и, особенно, в развитости цифровой корпоративной отчетности. Эстония характеризуется наиболее высоким уровнем развития цифровой корпоративной отчетности, тогда как в Литве наблюдается частичное внедрение соответствующих практик, а в Латвии их распространение остается ограниченным. Это подтверждает, что даже в рамках единого институционального пространства ЕС уровень цифровизации бизнес-процессов и внедрения цифровых форм представления информации остается неоднородным.

Результаты корреляционного анализа выявили статистически значимую положительную связь между уровнем цифровизации государственного управления, использованием облачных технологий и развитием цифровой корпоративной отчетности, тогда как влияние ERP-систем оказалось менее выраженным. Дискриминантный анализ подтвердил высокую объясняющую способность выбранных факторов, обеспечив точность классификации стран по уровню развития цифровой корпоративной отчетности более 85 %.

Научная новизна исследования заключается в разработке и эмпирической проверке интегрированной модели, рассматривающей цифровую корпоративную отчетность как результат взаимодействия институциональных и технологических условий цифровой трансформации экономики, а также в проведении сравнительного анализа стран Балтии в рамках общеевропейского пространства. Дополнительным вкладом является апробация эмпирических показателей цифровой корпоративной отчетности для нелистинговых предприятий.

Практическая значимость результатов заключается в обосновании необходимости согласованного развития институциональной среды и технологической базы цифровизации. Результаты показывают, что наличие развитой институциональной среды само по себе не гарантирует формирование цифровой корпоративной отчетности без достаточного уровня цифровизации бизнес-процессов и организационной готовности предприятий.

К ограничениям исследования относятся использование экспертных оценок для измерения цифровой корпоративной отчетности и ограниченность выборки стран. В этой связи перспективные направления дальнейших исследований включают анализ влияния организационных факторов на внедрение цифровых форм отчетности, изучение роли новых цифровых технологий, а также оценку качества и сопоставимости данных, формируемых в рамках цифровых стандартов.

Таким образом, развитие цифровой корпоративной отчетности представляет собой комплексный процесс, зависящий от взаимодействия институциональных и технологических условий цифровой трансформации экономики, а также способности предприятий интегрировать цифровые инструменты в практику представления корпоративной информации.

Список литературы / References

1. Judijanto, L., Oktari, Yu. 2025, Digital transformation in corporate governance: implications for accounting transparency and managerial accountability, *International Journal of Economic Literature (INJOLE)*, vol. 3, № 2, p. 253—271, URL: <https://sociohum.net/index.php/INJOLE/article/view/319> (дата обращения: 25.03.2026).
2. Stefanescu, C.A. 2026, Echoes of the future — How digitalization and reporting resonate toward sustainability and competitiveness?, *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, vol. 33, № 3, p. 3932—3950, <https://doi.org/10.1002/csr.70363>
3. Nahum, N., Larsson-Olaison, U., Uman, T., Achtenhagen, L. 2026, Corporate governance for digital transformation: The role of ownership and the board of directors, *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 223, art. 124453, EDN: TXWDXX, <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2025.124453>
4. Михайлова, А. А. 2022, Трансграничная цифровизация Западного порубежья России: потенциал и перспективы, *Балтийский регион*, т. 14, № 1, с. 90—108, EDN: EZPXTX, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-6>
5. Mikhaylova, A. A. 2022, Cross-border digitalization of the western border of Russia: potential and prospects, *Baltic Region*, vol. 14, № 1, p. 90—108 (in Russ.), EDN: LDKCOX, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-6>
6. Земцов, С. П., Демидова, К. В., Кичаев, Д. Ю. 2022, Распространение интернета и межрегиональное цифровое неравенство в России: тенденции, факторы и влияние пандемии, *Балтийский регион*, т. 14, № 4, с. 57—78, EDN: LDZLAY, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-4>
7. Zemtsov, S. P., Demidova, K. V., Kichaev, D. Yu. 2022, Internet diffusion and interregional digital divide in Russia: trends, factors, and the influence of the pandemic, *Baltic Region*, vol. 14, № 4, p. 57—78 (in Russ.), EDN: QFIBDD, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-4>
8. Чижо, Э., Богданова, Н., Миетуле, И., Кокаревича, А., Кудиньш, Я. 2024, Неравенство среди жителей и предприятий на латвийском интернет-рынке цифрового маркетинга, *Балтийский регион*, т. 16, № 3, с. 136—162, EDN: GTRCWQ, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-3-7>
9. Čižo, E., Bogdanova, N., Mietule, I., Kokarevica, A., Kudins, J. 2024, Inequality among residents and enterprises in the Latvian online market of digital marketing, *Baltic Region*, vol. 16, № 3, p. 136—162 (in Russ.), EDN: YLIOJQ, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-3-7>
10. Česnauskė, J. 2019, Digital economy and society: Baltic states in the EU context, *Economics and Culture*, vol. 16, № 1, p. 80—90, <https://doi.org/10.2478/jec-2019-0009>
11. Peļše, M., Leščevica, M. 2020, Analysis of digitalization referred to in strategic policy documents in the lifelong education context, in: *Economic Science for Rural Development: proceedings of the 2020 International Conference, Jelgava, 12—15 May*, vol. 54, p. 249—257, <https://doi.org/10.22616/ESRD.2020.54.030>
12. Kadile, D., Rivža, B., Vienažindienė, M., Rivža, P. 2024, Paradigms of the digital economy and society: A comparative analysis of Latvia and Lithuania, *Research for Rural Development*, vol. 39, p. 136—140, <https://doi.org/10.22616/RRD.30.2024.022>
13. Troshani, I., Rowbottom, N. 2021, Digital corporate reporting: Research developments and implications, *Australian Accounting Review*, vol. 31, № 3, p. 213—232, EDN: JBDUYC, <https://doi.org/10.1111/auar.12334>
14. Shan, Y. G., Troshani, I. 2021, Digital corporate reporting and value relevance: evidence from the US and Japan, *International Journal of Managerial Finance*, vol. 17, № 2, p. 256—281, EDN: PMXCOP, <https://doi.org/10.1108/IJMF-01-2020-0018>
15. Pizzi, S., Mastroleo, G., Venturelli, A., Caputo, F. 2024, The digitalization of sustainability reporting processes: A conceptual framework, *Business Strategy and the Environment*, vol. 33, № 2, p. 104—1050, EDN: VENIJM, <https://doi.org/10.1002/bse.3544>
16. Hu, M., Su, Y., Yu, X. 2025, Does corporate digitalization improve disclosure quality? *Internet Research*, vol. 35, № 4, p. 1535—1553, EDN: DPTZCO, <https://doi.org/10.1108/INTR-12-2023-1149>
17. Hyk, V., Vysochan, O., Vysochan, O. 2026, The digitalization of corporate sustainability reporting: A systematic literature review and synthesis for future research, *Journal of Risk and Financial Management*, vol. 19, № 3, art. 167, EDN: ZVKSNY, <https://doi.org/10.3390/jrfm19030167>

15. Rowbottom, N., Locke, J., Troshani, I. 2021, When the tail wags the dog? Digitalisation and corporate reporting, *Accounting, Organizations and Society*, vol. 92, art. 101226, EDN: GXGZRX, <https://doi.org/10.1016/j.aos.2021.101226>
16. Borgi, H., Tawiah, V. 2022, Determinants of XBRL adoption: An institutional perspective, *International Journal of Accounting & Information Management*, vol. 30, № 3, p. 352—371, EDN: LHPPZE, <https://doi.org/10.1108/IJAIM-11-2021-0242>
17. Pieper, H., Ottenstein, P., Zulch, H. 2023, The use and determinants of online financial reports in Europe: An empirical investigation of listed firms, *International Journal of Accounting, Auditing and Performance Evaluation*, vol. 19, № 3, p. 297—327, EDN: QNMYUN, <https://doi.org/10.1504/IJAAPE.2023.133045>
18. Miscikowska, D. 2022, An Exploratory Study on Preparers' Perception of ESEF Reporting: Evidence from the Warsaw Stock Exchange, *Folia Oeconomica Stetinensia*, vol. 22, № 1, p. 191—218, EDN: XINURG, <https://doi.org/10.2478/fofi-2022-0010>
19. Atanasov, A. 2022, Digitalization of the corporate reporting in Europe — evidence from Bulgarian wood based industry, in: *Crisis Management and Safety Foresight in Forest-Based Sector and SMES Operating in the Global Environment: 15th International Scientific Conference WoodEMA 2022*, p. 19—24, URL: https://www.researchgate.net/publication/363052947_Digitalization_Of_The_Corporate_Reporting_In_Europe_-_Evidence_From_Bulgarian_Wood-Based_Industry (дата обращения: 25.03.2026).
20. Булыга, Р.П., Сафонова, И.В., Мкртчян, В.Х. 2025, Трансформация корпоративной отчетности стратегических и системообразующих организаций России в парадигме цифрового профиля (Часть 1), *Аудитор*, т. 11, № 6, с. 14—25, EDN: RDCMXM, <https://doi.org/10.12737/1998-0701-2025-11-6-14-25>
- Bulyga, R., Safonova, I., Mkrtchyan, V. 2025, Transformation of corporate reporting of strategic and system-forming organizations of Russia in the paradigm of digital profile (Part 1), *Auditor*, vol. 11, № 6, p. 14—25 (in Russ.), EDN: RDCMXM, <https://doi.org/10.12737/1998-0701-2025-11-6-14-25>
21. Novicka, J., Volkova, T. 2025, Regulation of sustainability reporting requirements-digitalisation path, *Sustainability*, vol. 17, № 1, art. 138, EDN: MGMFIS, <https://doi.org/10.3390/su17010138>
22. Mohaidin, N.J., Aman, A., Ilias, A. 2025, Digital transformation in financial reporting: Institutional pressures shaping eXtensible business reporting language implementation in Malaysia, *Journal of Information Technology Management*, vol. 17, № 3, p. 217—235, <https://doi.org/10.22059/jitm.2025.104047>
23. Zvekan, G. 2025, Socio-technical dynamics of XBRL extensions in Europe: An analysis of digital corporate reporting practices, *Journal of Financial Reporting and Accounting*, EDN: RTVOKZ, <https://doi.org/10.1080/10477092.2025.20240730>
24. Křivanec, O. 2022, Elektronické účetní výkaznictví v České republice: Empirická analýza implementace ESEF, *Český finanční a účetní časopis*, vol. 2, p. 51—68, <https://doi.org/10.18267/j.cfu.577>
25. Csach, K. 2022, Digital corporate governance in Slovakia, *Právny obzor*, vol. 105, Special Issue, p. 3—13, EDN: VYKJYC, <https://doi.org/10.31577/pravnyobzor.specialissue.2022.01>

Об авторах

Лю Хуанг, аспирантка Казахского национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

<https://orcid.org/0009-0008-2308-1743>

E-mail: khuan_lu@live.kaznu.kz

Арзигуль Камирдиновна Низамдинова, кандидат экономических наук, старший преподаватель, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан.

<https://orcid.org/0000-0003-3507-5216>

E-mail: anizamdinova@mail.ru

Вера Феодоровна Комарова, доктор экономики, ведущий исследователь Института гуманитарных и социальных наук, Даугавпилсский университет, Латвия.

<https://orcid.org/0000-0002-9829-622X>

E-mail: vera.komarova@du.lv

Оксана Павловна Ружа, доктор экономики, исследователь Института гуманитарных и социальных наук, Даугавпилсский университет, Латвия.

<https://orcid.org/0000-0002-6194-3841>

E-mail: oksana.ruza@du.lv

Елена Юрьевна Фёдорова, докторантка, Даугавпилсский университет, Латвия.

<https://orcid.org/0009-0004-8209-4588>

E-mail: nenjad@inbox.lv

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution – Noncommercial – NoDerivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND 4.0)

DIGITAL CORPORATE REPORTING IN THE BALTIC STATES: A COMPARATIVE ANALYSIS IN THE CONTEXT OF THE EUROPEAN UNION

L. Huang¹

A. K. Nizamdinova¹

V. F. Komarova²

O. P. Ruzha²

E. Yu. Fedorova²

¹ Al-Farabi Kazakh National University,
71 Al-Farabi Ave., Almaty 050040, Kazakhstan

² Daugavpils University,
13 Vienibas St., Daugavpils LV-5401, Latvia

Received 1 April 2026

Accepted 4 June 2026

doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-8

© Huang L., Nizamdinova A. K.,

Komarova V. F., Ruzha O. P.,

Fedorova E. Yu., 2026

This study provides a comparative analysis of digital corporate reporting in the Baltic States within the institutional and technological context of the European Union's (EU) digital transformation. The research methodology is based on a comparative institutional approach and incorporates the analysis of international statistical data, as well as correlation and discriminant analyses. The institutional dimension of digital transformation is represented by the E-Government Development Index (EGDI), while the technological dimension is measured through the adoption of cloud computing technologies and Enterprise Resource Planning

To cite this article: Huang, L., Nizamdinova, A. K., Komarova, V. F., Ruzha, O. P., Fedorova, E. Yu. 2026, Digital corporate reporting in the Baltic States: a comparative analysis in the context of the European Union, *Baltic Region*, vol. 18, № 2, p. 151–177, doi: 10.5922/2079-8555-2026-2-8

(ERP) systems at the enterprise level. The results indicate that, although the Baltic States benefit from relatively favourable institutional conditions for digitalisation, they exhibit substantial differences in the digitalisation of business processes and the development of digital corporate reporting. A statistically significant positive relationship was identified between EGDI scores and the use of structured forms of digital corporate reporting across EU countries ($\tau = 0.571$; $p < 0.001$), as well as between the adoption of cloud computing technologies and the prevalence of such reporting forms ($\tau = 0.515$; $p = 0.002$). The results of the discriminant analysis demonstrate the strong classification performance of the proposed model, which assigns EU countries to groups with relatively high and low levels of digital corporate reporting development, with an accuracy ranging from 85.2 to 88.9%. The scientific novelty of the study lies in the development and empirical validation of an integrated model that conceptualises digital corporate reporting as an outcome of the interaction between the institutional and technological conditions of digital transformation. It also provides a comparative assessment of the Baltic States within the broader European context.

Keywords:

digital corporate reporting, institutional and technological conditions of the digital transformation of the economy, comparative analysis, Baltic States, European Union (EU)

The authors

Lu Huang, PhD student, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

<https://orcid.org/0009-0008-2308-1743>

E-mail: khuan_lu@live.kaznu.kz

Dr Arzigul K. Nizamdinova, Senior Lecturer, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

<https://orcid.org/0000-0003-3507-5216>

E-mail: anizamdinova@mail.ru

Dr Vera F. Komarova, Dr Sc. (Economics), Leading Researcher at the Institute of Humanities and Social Sciences, Daugavpils University, Latvia.

<https://orcid.org/0000-0002-9829-622X>

E-mail: vera.komarova@du.lv

Dr Oksana P. Ruza, Dr Sc. (Economics), Researcher at the Institute of Humanities and Social Sciences, Daugavpils University, Latvia.

<https://orcid.org/0000-0002-6194-3841>

E-mail: oksana.ruza@du.lv

Elena Yu. Fedorova, PhD student, Daugavpils University, Latvia.

<https://orcid.org/0009-0004-8209-4588>

E-mail: nenjad@inbox.lv

Правила публикации статей в журнале

1. При подаче рукописи в журнал авторы подтверждают, что
— работа не была опубликована ранее в другом журнале;
— не находится на рассмотрении в другом журнале;
— все соавторы одобрили текст рукописи и согласны с ее публикацией в журнале «Балтийский регион».

Выявленные нарушения могут стать причиной снятия рукописи с рассмотрения. В случае если факт нарушения будет обнаружен после публикации статьи, редакция оставляет за собой право отзыва (ретракции) публикации.

2. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы.

3. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

4. Плата за публикацию рукописей не взимается.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн: <https://balticregioneditorial.kantiana.ru/jour/index>.

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Рекомендованный объем статьи — 40—50 тыс. знаков с пробелами.

Статья должна содержать следующие элементы:

1) название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);
2) аннотацию на русском и английском языках (150—250 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- актуальность исследования;
- цель научного исследования;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

3) ключевые слова на русском и английском языках (4—8 слов);

4) список литературы должен составлять не менее 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников.;

5) приставочные библиографические списки оформляются на языке оригинала и на латинице в соответствии с Harvard System of Referencing Guide;

6) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail, ORCID);

7) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате doc и docx (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте <https://balticregion.kantiana.ru/jour/rules/>

BALTIC REGION

2026
Volume 18
№ 2

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2026.
182 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:

quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address:
14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia, 236016

Managing editor:

Tatyana Kuznetsova
tikuznetsova@kantiana.ru
www.journals.kantiana.ru

© I. Kant Baltic Federal
University, 2026

Editorial council

Prof **Andrei P. Klemeshev**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Dr **Tatyana Yu. Kuznetsova**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof **Aleksander G. Druzhinin**, Southern Federal University, Russia; Prof **Mikhail V. Ilyin**, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr **Perti Joenniemi**, University of Eastern Finland, Finland; Dr **Nikolai V. Kaledin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Konstantin K. Khudolei**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Vladimir A. Kolosov**, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof **Gennady V. Kretinin**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof **FredERIC Lebaron**, Ecole normale superieure Paris-Saclay, France; Prof **Andrei Yu. Melville**, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof **Nikolai M. Mezhevich**, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof **Peter Oppenheimer**, Oxford University, United Kingdom; Prof **Tadeusz Palmowski**, University of Gdansk, Poland; Prof **Aleksander A. Sergunin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Andrei E. Shastitko**, Moscow State University, Russia; Prof **Eduardas Spiriajevas**, Klaipeda University, Lithuania; Prof **Daniela Szymańska**, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr **Viktor V. Voronov**, Daugavpils University, Latvia

CONTENTS

Regional security

- Voloshenko K. Yu., Mayburov I. A.* Spatial characteristics of economic security for enclave (exclave) territories4
- Zhukovsky I. I.* The Baltic region in Poland's security policy: strategic assessments and response26
- Voynikov V. V., Dykhanov I. V.* International legal aspects of the freedom of navigation and economic activities in the Baltic Sea47
- Vorotnikov V. V., Galkin K. O.* The evolution of U.S. policy toward Greenland: military-strategic and diplomatic aspects (1941 – 1968).....66

Migration and society

- Agafoshin M. M., Gorokhov S. A., Dmitriev R. V.* The evolution of Sweden's migration policy: from humanitarianism to securitisation.....95
- Razumova T. O., Voskolovich N. A.* The impact of international cooperation on employment in the tourism sector..... 111

Regional studies

- Ivanov K. A., Kremnyov E. V., Semenov I. O.* The “region-in-assemblage”: operationalisation of assemblage theory in regional studies..... 134
- Huang L., Nizamdinova A. K., Komarova V. F., Ruzha O. P., Fedorova E. Yu.* Digital corporate reporting in the Baltic States: a comparative analysis in the context of the European Union 151

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2026

Том 18

№ 2

Редактор *Е. Т. Иванова*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 16.07.2026 г.
Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 15,9
Тираж 300 экз. (1-й завод 40 экз.). Заказ 61
Свободная цена

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

